

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
1 9 6 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

1965

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. Н. Топорнин.</i> Основные направления развития Национального собрания ЧССР после принятия Конституции 1960 г.	3
<i>В. П. Фрейдзон.</i> Буржуазные национал-радикалы и друзья Парижской Коммуны в Хорватии	14
<i>С. А. Шерлаимова.</i> К спорам о концепции революционного искусства в чешской литературе 20-х годов	26
<i>С. В. Бернштейн.</i> О некоторых вопросах теории чередований	45

СООБЩЕНИЯ

<i>Витомир Вулетич</i> (СФРЮ). Чернышевский о сербской народной поэзии	53
<i>Л. В. Горина.</i> К вопросу о подлинности Виргинской грамоты	60

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

<i>Р. П. Гришина.</i> Трайчо Костов. Избранные статьи, доклады, речи	69
<i>С. А. Никитин.</i> Ю. В. Бромлей. Ставоление феодализма в Хорватии	71
<i>З. М. Черныловский.</i> В. Д. Корольюк. Западные славяне и Киевская Русь	73
<i>Е. С. Шаблюковский.</i> В. А. Дьяков. Тарас Шевченко и его польские друзья	75
<i>М. П. Ермакова, Л. Э. Колынь.</i> Siegfried Michalk. Der obersorbische Dialekt von Neustadt	78
<i>И. Свирида.</i> Социологическое исследование о художниках	81

Заметки о книгах и статьях

<i>М. Копашева.</i> Jan Křen. Do emigrace. Buržoazní zahraniční odboj 1938—1939	84
<i>А. Мильшиков.</i> M. Kudělka. Spor Gelasia Dobnera o Hájkovu kroniku	85
<i>В. Хорев.</i> Jerzy Ziomek. Kazimierz Brandys	86

Ю. В. Богданов. Nora Krausová. Epika a román	87
Е. Рябова. D. Pirjevec. Ivan Cankar in evropska literatura	88
Л. К. Karel Krejčí. Heroikomika v básníctví slovanů	89
Т. П. Агапкина. «Суганерія і політика. Wspomnienia krakowskie 1918—1939»	90
В. Виноградов. Миф на службе реванша	91

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1965 г. (продолжение)	92
Содержание иностранных журналов	97

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. П. Гудков. На кафедре славянской филологии Московского университета	101
В. Н. Малов. Славяноведческая тематика в секторе истории средних веков Института истории АН СССР	103

В Институте славяноведения АН СССР

М. К. Заседание Ученого совета, посвященное 20-летию освобождения Чехословакии	104
Р. П. Гришина, Г. П. Мурашко, П. С. Достян, Д. М. Сегаи. Защита диссертаций Хроникальные заметки	105
	107

Научная жизнь за рубежом

Зденек Сладек (ЧССР). Институт истории европейских социалистических стран ЧСАН	109
В. Е. Гусев, Б. П. Путилов. Конгрессы югославских фольклористов	110

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. И. КОСТЮШКО (главный редактор), П. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ,
 В. Г. КАРАСЬЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора),
 Л. Ф. МАРКОВ, Н. С. МИЛТЕР, А. И. НЕДКОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ,
 Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), М. Н. ТИХОМИРОВ,
 Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), П. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

В. Н. ТОПОРНИН

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ ЧССР ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ 1960 ГОДА

Совершенствование социалистической демократии представляет собой одну из важнейших сторон процесса строительства социализма и коммунизма. Критикуя ограниченность и формальный характер буржуазной демократии, Маркс и Ленин вместе с тем неоднократно подчеркивали, что обеспечение подлинного народовластия требует не уничтожения представительных учреждений и выборности, а такого преобразования всей системы управления государством, которое превратило бы представительные учреждения в работающие органы, выражающие действительные интересы трудящихся масс. «Представительные учреждения, — писал В. И. Ленин, — остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов здесь *нет*. Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии...»¹

За прошедшие годы социалистические страны накопили большой и разнообразный опыт в деле совершенствования форм и методов деятельности органов народного представительства. В этой связи заслуживает, в частности, внимания практика развития социалистического парламента в Чехословакии.

Окончательная победа социалистического строя, закрепленная в конституции 1960 г., вступление страны в период строительства развитого социалистического общества — все это открыло новые перспективы для развития деятельности представительных органов в Чехословакии.

Конституция 1960 г. сохранила специфическую структуру государственных институтов, которые оправдали себя в ходе предшествующего развития социалистического строительства в Чехословакии². В соответствии с этим в Чехословакии продолжает существовать триединая система верховных органов власти: Национальное собрание, президент, правительство. Вместе с тем для Конституции 1960 г. характерно значительное повышение роли и авторитета Национального собрания в системе государственных органов, углубление демократических принципов его организации и деятельности. Конституция существенно расширила полномочия Национального собрания, закрепив за ним право решать важнейшие вопросы внутренней и внешней политики. Наряду с законодательными функциями высшему представительному учреждению республики было предоставлено исключительное право образовывать все дру-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 48.

² См. Z. Jiřinský, P. Levít. Socialistická ústava ČSR. Praha, 1961, s. 75.

гие высшие государственные органы и — что следует особо подчеркнуть — на него был возложен контроль за деятельностью всего государственного аппарата³.

Характерными чертами Конституции 1960 г. явились укрепление единства всей представительной системы, развитие связей между Национальным собранием и остальными представительными учреждениями, осуществляемых на основе принципа демократического централизма⁴. Это было связано с укреплением положения представительных государственных органов в системе всего государственного механизма страны. Национальному собранию как верховному звену единой системы представительных учреждений было передано общее руководство национальными комитетами (за правительством осталось лишь текущее руководство). В рамках единого чехословацкого государства значительно укрепились связи между Национальным собранием и Словацким национальным советом.

Вместе с тем следует отметить и четкое различие, которое конституция Чехословакии проводит между Национальным собранием и остальными звеньями представительной системы. Только Национальному собранию принадлежит право осуществлять суверенитет всего чехословацкого народа. Во всей своей деятельности оно несет ответственность лишь перед избравшим его народом и не зависит ни от какого другого государственного органа. Национальное собрание занимает верховенствующее положение в социалистической представительной системе. Конституция 1960 г. расширила функции Национального собрания как верховного руководителя общества. Но с учетом положения Национального собрания, объема и масштаба решаемых им задач было сохранено прежнее расчленение функций по государственному управлению. В отличие от Словацкого национального совета и национальных комитетов в его компетенцию не входят задачи непосредственного управления. Создание полного организационного единства в структуре государственных органов — длительный процесс, зависящий от конкретных политических и экономических условий. Достижение такого единства будет, очевидно, задачей дальнейшего развития общенародного государства⁵.

В компетенцию Национального собрания по Конституции 1960 г. входит: 1) законодательство, 2) верховное государственное управление, 3) решение важнейших вопросов внешней политики, 4) образование других государственных органов, 5) контрольная деятельность⁶.

В период построения развитого социалистического общества законодательная деятельность Национального собрания приобретает особо важное значение.

С расцветом социалистической экономики, развитием принципов социалистической демократии, ростом культурного уровня населения существенно меняется характер правового воздействия. Нормы права все более и более соблюдаются не потому, что за ними стоит принудительная сила социалистического государства, а вследствие их сознательного

³ «Ústava Československé socialistické republiky». Praha, 1960.

⁴ J. Grospič, V. Kolomazník, K. Ondříš. Zastupitelská soustava Československé socialistické republiky. Praha, 1962, s. 57.

⁵ Ср.: K. Bertelmann. K některým otázkám zastupitelského principu a uplatňování suverenity lidu. «Stát a právo». Praha, 1963, № 9, s. 101.

⁶ Примерно такое же деление предлагает С. Матушек: 1) законодательная деятельность, 2) контрольно-организационная деятельность, 3) деятельность по учреждению других государственных, а также своих собственных органов, 4) деятельность в области внешней политики государства (С. М а т у ш е к. Высшие органы государства по новой Конституции ЧССР, «Конституция социалистической Чехословакии», М., ИЛ, 1963, стр. 147).

восприятия самыми широкими слоями народа, интересам и потребностям которого они соответствуют. Это изменение отражается и в содержании правовых норм, в которых вопросы принуждения все более отходят в сторону, и в практике соблюдения этих норм, обеспечиваемого в первую очередь в результате роста сознательности масс и более активного их участия в решении всех вопросов социалистического строительства⁷.

Развертывание социалистического демократизма ярко проявляется, с одной стороны, в значительном увеличении количества принятых законов, а, с другой, — в повышении уровня правового регулирования общественных отношений. Законы все более точно отражают объективные закономерности общественного развития, активно регулируют общественные отношения в направлении скорейшего завершения построения социализма и перехода к коммунистическому строительству.

В целях углубления демократических основ законодательства были предприняты шаги в различных направлениях. В частности, если раньше законодательная инициатива принадлежала только депутатам Национального собрания и правительству, то теперь ею наделены комитеты и президиум Национального собрания, президент Республики, правительство, Словацкий национальный совет (Статья 52, п. 4). Расширение круга субъектов права служит как общему оживлению законодательной работы, так и тесной связи законодательства с практикой социалистического строительства.

Особенно характерно, что обсуждение законопроектов не ограничивается стенами Национального собрания. Законодательные предложения по важнейшим вопросам, как правило, предварительно выносятся на обсуждение общественности. Тем самым в республике найден действенный способ привлечения самых широких народных масс к работе Национального собрания. Организация всенародных обсуждений способствует усилению народного самоуправления в деятельности Собрания.

В последние годы Национальное собрание уделяет особое внимание вопросам хозяйственного и социально-культурного строительства. Осуществляя верховное руководство экономическим развитием республики, Национальное собрание утверждает долгосрочные планы развития народного хозяйства и государственный бюджет.

Среди большого количества законов в области культурного строительства, принятых Национальным собранием в последние годы, следует особо отметить законы, направленные на совершенствование общего и специального образования, укрепление связи школы с жизнью.

Конституция 1960 г. закрепила за Национальным собранием важнейшие полномочия в области внешней политики. К их числу прежде всего относится решение вопросов войны и мира. Национальное собрание дает согласие на заключение международных политических договоров и экономических соглашений общего характера, а также таких договоров, осуществление которых требует законодательного оформления. Мирнолюбивый характер внешней политики, осуществляемой чехословацким социалистическим государством, вытекает из Конституции, согласно которой война может быть объявлена лишь в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по совместной обороне от агрессии.

⁷ И. Быстрика и М. Лакатош справедливо усматривают одну из важнейших предпосылок эффективности правового регулирования в расширении непосредственного участия трудящихся в правотворчестве, что достигается как через государственные органы, так и через общественные организации. (J. B y s t ř i n a, M. L a k a t o š. Otázky analýzy účelného lidského chování ve vztahu k problematice teorie práva.— «Stát a právo». Praha, 1963, № 9, s. 84).

За последние годы Национальное собрание усилило внимание к вопросам внешней политики, стало еще активнее выступать за укрепление мира во всем мире, за торжество принципов мирного сосуществования, поддержку новых независимых стран, упрочение братского сотрудничества социалистических государств.

За Национальным собранием закреплены полномочия по образованию других высших государственных органов: избрание своего Президиума, президента Республики; оно избирает Верховный суд и имеет право отозвать как весь Суд, так и отдельных его членов. Генеральный прокурор Республики, назначаемый президентом, также подотчетен Национальному собранию и отвечает перед ним. Национальное собрание может предложить президенту Республики отозвать Генерального прокурора.

В последнее время в соответствии с Конституцией 1960 г. значительно возросла роль Национального собрания по отношению к правительству. Правительство по-прежнему назначается президентом, но после своего назначения обязано представиться Национальному собранию, доложить программу своей деятельности и получить ее одобрение. В дальнейшем Собрание систематически контролирует деятельность правительства и его членов, которые несут ответственность перед Национальным собранием. Национальное собрание может обращаться с запросами к Председателю и остальным членам правительства по вопросам, входящим в их компетенцию. Председатель и остальные члены правительства обязаны отвечать на запросы депутатов. По требованию Национального собрания, его Президиума или комитета, член правительства обязан лично явиться на заседание Национального собрания, его Президиума или комитета. Подотчетность правительства Национальному собранию подчеркивается и положением Конституции, согласно которому Национальное собрание может предложить президенту Республики распустить правительство или отозвать его членов. Роль Национального собрания по отношению к правительству возросла также в связи с тем, что Конституция 1960 г. упразднила конституционный закон 1950 г., по которому организация государственного управления была передана в компетенцию правительства. Право создания министерств и других центральных органов государственного управления закреплено теперь исключительно за Национальным собранием.

Верховенствующее положение Национального собрания в системе всех других государственных органов закреплено и упрочено тем, что именно на Национальное собрание возложен контроль за соблюдением Конституции. Национальное собрание наделено правом отменять закон Словацкого Национального совета, распоряжение или постановление правительства и общеобязательные распоряжения областных национальных комитетов. В практику вошло регулярное обсуждение Национальным собранием отчетов Верховного суда и Генерального прокурора о состоянии социалистической законности.

Новая Конституция сохранила институт президента, избираемого Национальным собранием. Однако внесла в правовое положение президента ряд существенных изменений, обусловленных интересами последовательного осуществления принципов социалистического демократизма.

Самым существенным изменением явилось установление ответственности президента перед Национальным собранием. Президенту не дано теперь права отсрочивать созыв Национального собрания или распустить этот орган. Решение этих вопросов закреплено только за самим Собранием. Верховенство Национального собрания подчеркивается также тем, что президент, на которого возложено подписание законов Национального собрания и указов (законодательных мероприятий) Президиу-

ма Национального собрания, не может возвращать их на повторное рассмотрение этих органов, как это было ранее.

Вместе с тем президент наделен всеми необходимыми полномочиями, для того чтобы успешно осуществлять возложенные на него функции по руководству социалистическим строительством. Это касается как вопросов внутренней политики, так и вопросов внешних сношений. В частности, президент имеет право представлять Национальному собранию свою информацию о положении республики и о важных политических вопросах, вносить на его рассмотрение проекты необходимых мероприятий. Президент назначает и отзывает Председателя и других членов правительства, а также высших должностных лиц в государстве. В области внешних сношений правомочия президента состоят в том, что он представляет государство, заключает и ратифицирует международные договоры, принимает и аккредитует послов. Конституция наделяет президента и иными полномочиями⁸.

Конституция 1960 г. создала необходимые правовые предпосылки для все более полного превращения Национального собрания в «работающую корпорацию». Однако в ней, естественно, не могли быть отражены все вопросы, связанные с деятельностью Национального собрания. По мере накопления опыта происходило дальнейшее совершенствование форм и методов работы этого органа. В конце 1960 г. Политбюро ЦК КПЧ, рассмотрев первые итоги деятельности Национального собрания на основе новой Конституции, отметило необходимость преодоления выявившихся недостатков, сосредоточения внимания всех органов Национального собрания на основных вопросах экономического и культурного развития, совершенствования законодательной деятельности и т. п. Указания Политбюро ЦК КПЧ нашли свое отражение в решении Президиума Национального собрания⁹.

Определяя перспективы дальнейшего развития общества, намечая пути перерастания государства диктатуры пролетариата в общенародное государство, развертывания социалистической демократии, XII съезд КПЧ в своих решениях прямо указал на то, что в связи с постепенным отмиранием функции подавления, возрастанием хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной роли государства в построении социалистического общества возникает необходимость улучшения деятельности Национального собрания¹⁰.

Идея верховенства Национального собрания в системе государственных органов нашла свое дальнейшее подкрепление в решении об образовании органов народного контроля. Высшая инстанция в системе этого контроля — Центральная комиссия народного контроля и статистики (соответственно и все остальные контрольные органы) была подчинена Национальному собранию, которое избирает и смещает членов комиссии, регулярно заслушивает отчеты о ее деятельности¹¹. Тем самым была значительно усилена контрольная функция Национального собрания во всех областях государственного и общественного управления, открыты новые, более широкие возможности для реализации им своих полномочий.

Принятые меры несомненно способствовали улучшению деятельности Национального собрания, в первую очередь известному оживлению законодательной работы. Однако, как отмечалась в документах КПЧ, ре-

⁸ См. «Чехословацкая социалистическая республика. Конституция и законодательные акты». М. 1962. стр. 59—61.

⁹ См. «Pravník», 1964, № 8, с. 593.

¹⁰ «XII sjezd Komunistické strany Československa». Praha, 1960, s. 650

¹¹ «Sbírka zákonů», 1963, № 23.

шения XII съезда и даже некоторые конституционные принципы в деятельности Национального собрания не были полностью осуществлены. Между возросшими требованиями к качеству государственного руководства на его высшем уровне и практикой этого руководства образовался разрыв, сказывавшийся на эффективности всей государственной деятельности.

Повышение требовательности к уровню руководства вообще, а к верховному государственному руководству в особенности, представляет собой явление, свойственное всем социалистическим странам. Это обусловлено, в первую очередь, возрастанием объемов и усложнением процессов экономического, культурного и общественно-политического строительства. Постоянно возникают новые, неизвестные ранее проблемы, требующие быстрого и эффективного решения. Осуществление руководства путем издания правильных в своей основе, но чрезмерно общих и неконкретных директив не отвечает, как правило, потребностям современного социалистического общества ЧССР. В неизмеримой степени возрастает значение научно обоснованного подхода к рассматриваемым вопросам, глубокого познания сущности наблюдаемых явлений, строгого экономического расчета, практичности и деловитости.

Развитие самых разнообразных форм социалистической демократии, и в особенности расширение прав и инициативы местных государственных органов, передача отдельных государственных функций общественным организациям — все это необходимо для совершенствования центрального руководства, объединяющего и направляющего многостороннюю деятельность всего механизма государственного руководства.

Вопросы дальнейшего совершенствования организации и деятельности Национального собрания, применительно к новым условиям, явились предметом специального рассмотрения на заседании Президиума ЦК КПЧ в мае 1964 г.¹² Партийные директивы были положены в основу решения Национального собрания, которое после обстоятельного и всестороннего обсуждения основных принципов дальнейшего углубления социалистического демократизма приняло их в качестве основы своей деятельности¹³. В соответствии с этими принципами был разработан и принят новый регламент Национального собрания, подробно регулирующий работу Собрания и его органов¹⁴.

Основной смысл этих мероприятий в том, чтобы устранить элементы ограниченности, формализма в осуществлении принципов социалистической демократии, добиться того, чтобы Национальное собрание стало еще более действенным орудием общественной инициативы и активности трудящихся¹⁵.

Весьма существенно, что во всех документах об улучшении деятельности Национального собрания красной нитью проходит идея о том, что провозглашение принципов, пусть даже самых передовых и важных, и даже их конституционное закрепление само по себе еще не обеспечивает успеха дела. Необходима большая и кропотливая работа по созданию тщательно продуманного механизма, способного обеспечить осуществление этих принципов в ходе социалистического развития. Только в этих условиях представительное учреждение приобретет действительно рабочий характер, который обеспечивается тем, что «...парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что по-

¹² «Rudé právo», 20 V 1964.

¹³ «Sbírka zákonů», 1964, № 182.

¹⁴ Ibid. № 183.

¹⁵ См. А. Новотный. Речь на расширенном заседании ЦК Национального фронта 4 III 1965.

лучается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями»¹⁶.

Следует отметить далее то, что углубление социалистического демократизма в организации и деятельности Национального собрания — не изолированный процесс, а составная часть последовательной демократизации всей представительной системы в республике. И это закономерно во многих отношениях. Развитие социалистической демократии, совершенствование государственного руководства невозможно обеспечить, выделяя из всей представительной системы одно какое-либо ее звено. Все представительные учреждения составляют тесно взаимосвязанный и единый механизм, построенный и развивающийся на одних и тех же принципах. Это обуславливает необходимость комплексного совершенствования всего механизма. Вслед за документом об улучшении деятельности Национального собрания, было принято совместное постановление ЦК КПЧ и ЦК КП Словакии, направленное на улучшение работы Словацкого Национального совета¹⁷. Предпринимаются меры к повышению роли национальных комитетов в социалистическом строительстве¹⁸.

Наряду с этим следует отметить и линию на повышение роли Национального собрания во всей системе представительных органов. Это служит гарантией того, что частные ведомственные и групповые интересы не будут преобладать над интересами всего общества. Опыт конца пятидесятых — начала шестидесятых годов, когда чрезмерная децентрализация ряда функций, неоправданный автономизм в деятельности национальных комитетов отрицательно сказались на экономической жизни Чехословакии, убедительно говорит о том, что ослабление центрального руководства может быть одной из причин замедления темпов социалистического развития.

При всем этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что повышение роли Национального собрания, ответственность других представительных органов по отношению к высшему выборному государственному органу сопровождаются развитием демократических связей внутри всей представительной системы, поисками наиболее совершенных форм и методов взаимодействия и координации работы ее органов.

Особенно важно отметить, что повышение роли и авторитета Национального собрания связано прежде всего с усилением его контрольной функции. Общественная практика последних лет особенно наглядно доказала, что недооценка контрольных функций высшего представительного учреждения, сведение его деятельности преимущественно к изданию законов значительно ослабляет не только саму идею народного представительства, но и ведет к снижению уровня государственного руководства. Широкий и гласный контроль на высшем уровне, осуществляемый посредством высшего выборного государственного органа, служит эффективным средством реализации всех принципов социалистического демократизма, преодоления формализма, бюрократизма и других извращений в работе государственного аппарата.

Национальное собрание направляет деятельность всей системы органов народного контроля. Оно утверждает план деятельности Центральной комиссии народного контроля и статистики, координируя эту деятельность со своей собственной¹⁹. Результаты работы органов народного

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 48.

¹⁷ «Rudé právo», 30 V 1964.

¹⁸ См. статью Председателя правительства И. Ленапта («Život strany», 1964, № 23).

¹⁹ При обсуждении доклада конституционно-правового комитета Национального собрания подчеркивалось, что высшее представительное учреждение получает широкие возможности определять направление деятельности органов контроля, действуя

контроля широко используются Национальным собранием и его органами.

Конечно, отделение контрольной деятельности высших представительных учреждений от законодательства носит условный характер, ибо она является составной частью всей социалистической парламентской работы. Особенно ярко, например, контроль проявляется при обсуждении высшими представительными учреждениями законов о народнохозяйственных планах, бюджетах и утверждении годовых отчетов. Но при всем этом специальный контроль за деятельностью других государственных органов приобретает особое значение. Степень развитости этого контроля в известной мере отражает реальное влияние представительных органов на всю систему управления делами государства, степень связи этих органов с жизнью, с потребностями социалистического строительства на отдельных его участках. За последние годы были созданы условия, необходимые для развертывания таких форм контроля, как регулярное заслушивание отчетов правительства.

На новом этапе общественного развития наряду с контролем и в тесной связи с его усилением значительно возрастает роль законодательной деятельности Национального собрания. Характерной особенностью законодательства становится преимущественное регулирование наиболее важных, типичных и устойчивых общественных отношений, оказывающих воздействие на решение перспективных задач общественного развития. В то же время изменяется и сам характер законов, которые как по содержанию, так и по форме направлены на то, чтобы обеспечить непосредственное и действенное участие трудящихся в их реализации, управлении общественными делами.

Большой интерес представляет проведенная в Чехословакии дальнейшая демократизация форм и методов деятельности Национального собрания: укрепление коллективности государственного руководства, активизация работы депутатов, развитие системы комитетов и других органов Собрания, т. е. весь комплекс мер, обеспечивающих рабочий характер деятельности Национального собрания. Опыт Чехословакии в этом отношении весьма поучителен.

Интересы улучшения работы высшего представительного учреждения прежде всего потребовали усиления внимания к его сессиям, которые и впредь остаются основной формой его деятельности. Прежде всего выявилась необходимость более регулярного созыва сессий и увеличения их продолжительности, что позволило значительно оживить всю работу Национального собрания²⁰. Существенно расширился круг рассматриваемых вопросов. На сессиях не только принимаются законопроекты, но и более широко рассматриваются актуальные вопросы хозяйственной и культурной деятельности государства, укрепления социалистической законности, совершенствования форм и методов работы национальных комитетов и т. п. Более продолжительные и частые сессии позволили также шире внедрить практику депутатских запросов, ответы на которые стали даваться в течение одной и той же сессии.

Увеличение продолжительности сессий создало возможность для повышения качества верховного государственного руководства. Более обстоятельно и квалифицированно стали обсуждаться вопросы, включенные в повестку дня; шире стало практиковаться заслушивание предста-

как через правительство, так и непосредственно. «Těsнопisecká zpráva o 18. schůzi Národního shromáždění Československé socialistické republiky». Praha, 1963, s. 5—6.

²⁰ Со второй половины 1964 по март 1965 г. проведено пять сессий Национального собрания. До конца 1965 г. планируется провести еще четыре сессии («Rudé právo», 25 III 1965).

вителей ведомств и учреждений, соображения которых важны для принятия решений. Большое число депутатов стало участвовать не только в подготовке, но и в обсуждении вопросов²¹. Наконец, более продолжительные и частые сессии стали важным средством вовлечения в государственную жизнь широких слоев населения, привлечения их внимания к решению принципиальных вопросов общественного развития.

Активизировалась деятельность Президиума Национального собрания — органа, руководящего работой Национального собрания и вместе с тем выполняющего функции высшей государственной власти. Конституция наделила этот орган широкими полномочиями по «замещению» Национального собрания в период между его сессиями. Следует, однако, отметить, что мероприятия законодательного характера, принятые Президиумом, подлежат последующему утверждению Национальным собранием²².

В связи с увеличением продолжительности сессий Национального собрания и их более частым созывом деятельность Президиума по «замещению», естественно, значительно сократилась. Вместе с тем Президиум стал уделять большее внимание организации работы Собрания и его органов, особенно подготовке пленарных заседаний, обеспечению нормального хода деятельности постоянных комитетов, развитию международных связей Национального собрания. Одной из важнейших задач Президиума стало обеспечение действенного контроля за выполнением законов и решений Национального собрания и рекомендаций его комитетов, контроль за работой правительства. Новой формой работы Президиума стали принимаемые им на основе рекомендаций комитетов или по собственной инициативе решения по отдельным вопросам внешней политики, хозяйственного и культурного строительства²³.

Особенно возросла роль комитетов Национального собрания, по сравнению с его другими органами. В комитеты, которые стали заседать не реже одного раза в месяц, практически перенесен центр тяжести всей межсессионной деятельности Национального собрания. Через их посредство в значительной степени решаются задачи превращения Собрания в эффективно действующую «работающую корпорацию». Все это обусловило появление новых черт в организации и деятельности комитетов.

Деятельность комитетов, которая носит, в основном, инициативный и контролирующий характер, сосредоточена на разработке наиболее важных вопросов, связанных с экономическим, культурным и политическим развитием общества. Возросли также контрольные функции комитетов, которые призваны следить за соблюдением общегосударственных интересов, бороться с проявлениями формализма и бюрократизма в деятель-

²¹ Как показал опыт, положительное значение имеет предварительная рассылка проектов законов не только в соответствующие комитеты, но и всем депутатам.

²² Так на 9-й сессии Национального собрания (18—19 сентября 1963 г.) были утверждены три законодательных постановления Президиума, изданных после 8-й сессии (о создании Центрального управления по делам национальных комитетов, о подчинении Госарбитража правительству, об объединении высшей партийной школы КПЧ и Института общественных наук) «*Ľešnoríšecká zpráva o 9 schůzi Národního shromáždění*». Praha, 1961, s. 192—193.

²³ В качестве примера возросшей активности Президиума Национального собрания можно привести перечень вопросов, рассматривавшихся на его заседании 12 мая 1965 г. На этом заседании Президиум 1) заслушал сообщение председателя комитета по иностранным делам об агрессивных действиях США в Доминиканской республике и осудил эту акцию американского империализма, 2) рассмотрел отчет Госплана об обеспечении выполнения принятых директив к плану 1966—1970 гг., 3) обсудил сообщение комитета по плану и бюджету о некоторых экономических проблемах ряда областей Словакии, 4) рассмотрел выводы Центральной комиссии народного контроля и статистики о работе государственных органов по жалобам и заявлениям трудящихся, 5) назначил дополнительные выборы по двум округам («*Rudé právo*», 13 V 1965).

ности органов управления. Вся деятельность комитетов разворачивается в тесной взаимосвязи с массовыми общественными организациями. Вокруг комитетов сложился актив, состоящий из высококвалифицированных специалистов, общественных деятелей и ответственных работников государственных органов. Важно и то, что этот актив все более широко привлекается для контрольной деятельности комитетов.

Возросло значение актов комитетов. Они, как и прежде, носят рекомендательный характер, но изменение самого содержания работы комитетов, повышение ее уровня, несомненно, сказались на авторитете этих актов. К тому же руководители учреждений не могут оставить рекомендации без последствий, ибо на них возложена обязанность обсудить их и доложить о сделанных выводах. По наиболее существенным вопросам, решение которых нуждается в законодательном закреплении, комитеты представляют свои предложения Национальному собранию или его Президиуму.

Комитеты по-прежнему образуются по основным отраслям государственной и общественной деятельности. Вместе с тем развитие деятельности комитетов потребовало значительного увеличения их количества. Если Национальное собрание созыва 1960—1964 гг. имело 8 комитетов²⁴, то ныне их число возросло до 11. Сохранились такие комитеты, как мандатный, конституционно-правовой, по плану и бюджету, сельскохозяйственный, иностранных дел, культуры, здравоохранения. Усиление внимания Национального собрания к вопросам хозяйственного строительства обусловило разделение прежнего промышленного комитета на три: промышленности продовольственных и потребительских товаров, местного хозяйства и обслуживания, торговли и связи, капиталовложений и строительства²⁵.

Был создан также специальный комитет по делам национальных комитетов, с помощью которого Национальное собрание стало практически осуществлять общее руководство этими представительными органами. Перед комитетом поставлены задачи обобщения опыта работы национальных комитетов, изучения и разработки предложений по улучшению их организации и деятельности. Вместе с тем комитет призван наблюдать за текущим руководством правительства, за работой национальных комитетов, контролировать характер и эффективность помощи, оказываемой национальным комитетам со стороны министерств и других центральных органов.

Значительное возрастание объема депутатских обязанностей, связанное прежде всего с развитием деятельности комитетов, породило необходимость освобождения части депутатов (полностью или частично) от их прежней работы. В первую очередь освобождение стало практиковаться в отношении председателей комитетов. Но регламент Национального собрания не исключает и возможности освобождения других депутатов на время, необходимое для выполнения отдельных поручений. Решение вопроса о подобном освобождении передано Президиуму Национального собрания.

Освобождение депутатов от их прежних обязанностей, однако, нельзя рассматривать, как появление своего рода профессиональных парламен-

²⁴ Постоянные комитеты Национального собрания созыва 1960—1964 гг. были в основном сформированы на июльской сессии Собрания 1960 г. На этой сессии были избраны комитеты: конституционно-правовой в составе 33 депутатов, по плану и бюджету (35 депутатов), по промышленности (40 депутатов), по сельскому хозяйству (44 депутата), по иностранным делам (26 депутатов), по культуре (34 депутата), по здравоохранению (30 депутатов). «Těsнопisecká Správa o 2 schůzi Národního shromáždění Československé socialistické republiky v Praze». 1960, s. 126—128.

²⁵ «Rudé právo», 25 VI 1964.

тариев. Для этого нет никаких оснований, ибо принципы социалистической демократии — постоянное обновление состава представительных учреждений, право отзыва, контроль общественности и т. п., — исключают эту возможность.

Усиление роли Национального собрания и его органов предъявило новые, более высокие требования и к работе депутатов. Как показала практика, успех в осуществлении функций высшей государственной власти во многом зависит от того, как депутаты связаны с населением, как они реагируют на его нужды и наказания, насколько убедительно разъясняют политику КПЧ и решения Национального собрания. Глубокое знание конкретных особенностей социалистического строительства на местах, деятельности государственных органов, предприятий и учреждений, условий труда и быта народных масс необходимы для успешного выполнения депутатами своих обязанностей.

Но одно только повышение требовательности к депутатам еще не обеспечивает успеха всего дела. Необходимо создание условий, позволяющих депутатам в полной мере и эффективно выполнять возложенные на них высокие обязанности. В этих целях в Чехословакии принят ряд соответствующих мер, с одной стороны, предоставляющих депутатам необходимые права, а с другой — возлагающих на государственные органы обязанности по оказанию депутатам действенной помощи.

Мероприятия по повышению роли и активизации деятельности Национального собрания, предпринятые в Чехословакии в последнее время, представляют собой одно из звеньев в широкой цепи конкретных действий, направленных на всестороннее развитие социалистической демократии. Одновременно они говорят о том, что в процессе перерастания социалистического государства из государства диктатуры пролетариата в общенародное государство значение народного представительства, и в особенности его высшего органа, постоянно возрастает.

В. И. ФРЕЙДЗОН

БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИОНАЛ-РАДИКАЛЫ И ДРУЗЬЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ В ХОРВАТИИ

Идеология хорватского национального радикализма (Партия права, «правашки»¹) сложилась в 60-х годах XIX в. Ее основной чертой было требование национальной независимости хорватского народа (не исключалась и форма личной унии с Австрией и Венгрией). Объединение национальной территории и ликвидация господства над Хорватией австрийских (с 1867 г. австро-венгерских) эксплуататорских классов были в интересах масс народа, и в этом смысле правашки представляли общенациональные интересы. Самостоятельное национальное государство — благоприятное условие для развития капитализма, поэтому правашки защищали наиболее общие интересы класса хорватской буржуазии. Они враждебно относились к национал-либералам («народняки») — наиболее влиятельной буржуазной партии, придерживавшейся политики австро-славизма и федерализма².

Им были также чужды и социальные интересы крестьянской массы. Так, идеолог Партии права Е. Кватерник признавал силу императорского патента 1853 г. об условиях освобождения крестьян, предусматривавшего выкуп ими феодальных повинностей³. В 1864 г. Кватерник отстаивал принцип вознаграждения помещиков за повинности, которые предполагалось отменить⁴. Интересы крестьянства не находились в центре его внимания.

Лидеры правашей (Е. Кватерник, А. Старчевич) в основном выражали взгляды мелкой буржуазии и других небогатых обуржуазивающихся слоев. Этим элементам хорватского общества австрийское господство казалось наиболее нетерпимым с экономической точки зрения. Успевшее после 1848 г. проникновение крупного австрийского капитала и товаров в Хорватию, а также возросший гнет налогов ставили мелких хорватских производителей и торговцев в трудное положение. В особенности тяжелыми были условия их существования на территории Военной Границы, где царил произвол и население было лишено политических и гражданских прав. Несмотря на это, подавляющее большинство

¹ Название партии объясняется тем, что свои национальные требования она обосновывала «историческим государственным правом» хорватов.

² Народняки добивались широкой автономии Хорватии, ее права влиять на политику империи, пропагандировали идею югославянской солидарности и единства; наиболее радикальные их представители выходили за рамки лояльности Габсбургам.

³ «Dnevnik sabora trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije držana u glavnom gradu Zagrebu god. 1861». U Zagrebu, 1862, s. 207.

⁴ См. С. Ђ. Ш е г в и ć. Drugo progonoštvo Eugena Kvaternika. Zagreb, 1907, s. 115, 120; L. j. К у н т и ć. Kvaternik prema nekim problemima hrvatske politike u šezdesetim godinama XIX st. Radovi Filozofskog fakulteta. Historijska grupa, sv. I. Zagreb, 1959, s. 84.

мелкой буржуазии не поднялось до политического уровня правашей, требовавших независимости Хорватии. Кватерник и в особенности Старчевич пропагандировали буржуазный демократизм, политические свободы, равноправие граждан, требовали внимания к экономическим интересам «плебеев», прославляли высокие моральные качества простого народа и прежде всего крестьянства. Они не испытывали страха перед перспективой широкого народного движения за национальное освобождение. Но им были свойственны умеренные, а подчас и нечеткие социальные взгляды.

Трудная борьба за независимость побуждала правашей искать союзников. Вне страны Кватерник (ориентировавшийся сначала на правящие круги России и Франции) увидел их в 1863—1864 гг. среди революционно настроенных эмигрантов — поляков, венгров, чехов, итальянских буржуазных демократов и революционеров, т. е. он стремился связать вопрос освобождения Хорватии с европейским национально-революционным движением. В 1863 г. Кватерник пытался установить контакт с М. И. Бакуниным⁵. Находясь за границей, Кватерник сотрудничал с деятелями, сочувствовавшими народническим, социалистическим и атеистическим идеям, но всегда оставался чужд их идеологии. Он сознательно представлял интересы с о б с т в е н н и к о в, хотя и угнетенных аристократами, банкирами, военщиной и т. п. В 1864 г. он дал понять своему собеседнику, что не является «красным»⁶.

В самой Хорватии решительные требования национальной независимости встречали поддержку со стороны разночинной интеллигенции, часть которой была близка массам. С ростом влияния Партии права ее состав становился более пестрым. В нее входили чиновники, мелкие торговцы, представители интеллигенции гражданских и военизированных областей, выходцы из среды низшего офицерства, граничары, малопушечные люди и просто бедняки, отдельные представители землевладельцев и зажиточных горожан, как люди либерального толка, так и жаждущие деятельности радикалы, и католики и атеисты⁷.

Условия национального гнета в Хорватии не способствовали консолидации демократов в особое политическое течение. Разорение крестьянства, зарождение пролетариата, конечно, не проходили мимо сознания лучших представителей интеллигенции, но толчок идейному размежеванию между буржуазным радикализмом и народническим демократизмом в лагере правашей дала Парижская Коммуна.

Этой проблеме посвятил статью выдающийся хорватский публицист и писатель Август Цесарец⁸. Используя его работу и материалы печатного органа правашей — газеты «Хрватска», мы хотим подробнее остановиться на отношении левого крыла партии к Парижской Коммуне и I Интернационалу, обратив внимание на некоторые, еще не упоминавшиеся в научной литературе факты.

⁵ С h. Š e g v i ć. Ibid., p. 51.

⁶ Ibid., p. 84.

⁷ См. Е. К в а т е р н и к. Rieč u zgodno vrijeme. Zagreb, 1870, s. 4, 30; А. С е с а р е с. Kriza stranke prava i naši «komunari» godine 1871. Zagreb, 1951, s. 34; М. Н е h а j е в. Rakovica. Djela, sv. VII. Zagreb, 1944, s. 90—92, 209, 386; F. S i š i ć. Kvatерник (rakovička buna). Zagreb, 1926, s. 14; V. V o j v o d i ć. Izveštaji Rada Cuica o rakovičkoj buni (1871). «Historijski zbornik», Zagreb, 1961, s. 218.

⁸ А. С е с а р е с. Ibid. Возможно, в дальнейшем удастся обнаружить влияние русской революционно-демократической идеологии на хорватских демократов начала 70-х годов XIX в. Для более позднего периода см. об этом А. F l a k e r. O pravaškom radikalizmu 80-ih godina XIX stoljeća. «Historijski zbornik», god. VII, 1954; Casopis «Svietlo». «Zbornik Filozofskog fakulteta», knj. II. Zagreb, 1954; Hrvatski Bazarovi i Neždanovi. «Zbornik radova Filozofskog fakulteta», knj. III. Zagreb, 1955.

К. Маркс и Ф. Энгельс пристально следили за размежеванием национал-радикалов в такой крупной и в социальном смысле относительно развитой стране, как Италия, подчеркивали его закономерность и историческое значение. Еще в 50-х годах они отмечали необходимость классового подхода к национально-освободительной борьбе⁹. Маркс указывал на выдвижение левым крылом национального движения после 1848 г. «материальных интересов крестьян» на первый план и, в противоположность этому, на связь Мадзини с буржуазией и дворянством¹⁰. В конце 60-х и особенно в 70-х годах левые радикалы Италии еще более настойчиво подчеркивали важность социальных проблем; они приветствовали Парижскую Коммуну. Кризис «старого» мадзинизма усилился под воздействием Парижской Коммуны¹¹.

Аналогичное явление, хотя и на ином уровне, в ином масштабе, было свойственно и хорватскому радикализму. Это можно проследить на страницах еженедельника Партии права — газеты «Хрватска». С Францией праваша обычно связывали надежды на национальное освобождение, и сам факт их интереса к событиям в Париже, к Коммуне не удивителен. Сначала газета ограничивалась краткой информацией о боевых действиях коммунаров против версальцев, обычно преподнося известия в спокойных «нейтральных» выражениях¹².

Смысл событий после первых известий о возникновении Коммуны был неясен: Коммуна — «п е о б д у м а н н ы й б у н т» или начало полного политического возрождения народа Франции?¹³ — спрашивала газета; «Коммуна или городской совет», — сообщала она, — будет управлять городом, «версальское правительство изображает все дело как незаконное и безумное восстание, но, как говорят, парижский Центральный Комитет управляет и выступает публично в качестве законного органа Национальной гвардии»¹⁴. Уже в следующем номере газета сообщила о «преимущественно коммунистическом характере» переворота и возможном восстановлении трона Бонапарта в случае победы Тьера, так как последний вынужден обратиться за помощью к бывшим генералам Наполеона III. В позиции автора статьи проявились традиционные для правашей надежды на бонапартизм¹⁵ (с его «национальным принципом»), на возрождение, хотя бы силами реакции, мощной Франции — врага пангерманизма. В этой «классической» позиции правашей видно влияние Кватерника. Одновременно в статье, пропагандировавшей принципы буржуазного демократизма, делались попытки «выяснить», как Франция могла бы избежать революции¹⁶; несколько позднее газета поместила филистерский «анализ ошибок» французской нации, приведших к Коммуне. Буржуазная партийность здесь все более выступала на передний план: 16 апреля газета выступила уже против «разбойников»... Автор статьи стремился отвести обвинения в политическом родстве правашей с коммунарами, выдвигавшиеся национал-либералами. Как те посмели «отождествить защитников прав народа и хорватской короны» с коммунарами!¹⁷

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 573.

¹⁰ Ленин в связи с этим сделал пометку: «Крестьяне или либералы». В. И. Ленин. Конспект «Перешки К. Маркса и Ф. Энгельса. 1844—1883 гг.». М., 1959, стр. 240—241.

¹¹ См. Н. Ю. Колпинский. Из истории борьбы Энгельса за пролетарскую партию в Италии в 1871—1872 гг. «Из истории марксизма». Сб. статей. М., 1961, стр. 262, 305—308.

¹² См., например, «Hèrvatska», Zagreb, 9 IV, 30 IV, 7 V 1871.

¹³ Ibid., 2 IV.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid., 9 IV.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid., 16 IV.

Но паряду с подобными выступлениями, задававшими тон, в газете появляются и иные материалы. Все более стала проглядывать симпатия к деятельности Коммуны: «Коммуна при всех внутренних трениях и несогласиях все же держится. Все, что напоминает о временах императоров, королей и их сторонников, подвергается разрушению, и из развалин непрестанно воздвигаются баррикады»¹⁸. Известия, благоприятные Коммуне, спачала занимают скромное место на последней (четвертой) странице. Как видно, сотрудники редакции, сочувствовавшие Коммуне, пока что не имели возможности сделать больше (владельцем газеты был Кватерник, а редактором — его единомышленник В. Бах).

После гибели Коммуны разногласия в Партии права стали острее. Враги Коммуны встретили ее гибель ликованием и новыми потоками клеветы. Ее друзья стремились осветить истинный характер событий. В одном и том же номере газеты были напечатаны следующие материалы:

«Друзья человечности и французов радуются, что, наконец, подавлением восстания с его зверскими нравами, восстания, опозорившего французов больше, чем все несчастья прошлой войны, положен предел ужасным и позорным убийствам, поджогам и грабжам в Париже». Спор между республиканцами и монархистами, — утверждал автор, — уже будет не столь острым, ибо его поведет «более воспитанная часть французского общества»¹⁹.

«Восьмидневная резня, ужасная, неслыханная мясорубка кончилась 30 мая». Версальцы, — сообщала «Хрватска», — расстреливали парижан без милосердия, повстанцы же, когда им не удалось добиться перемирия, расстреляли нескольких заложников: судей, иезуитов, епископа. Виктор Гюго выступил в Брюсселе против циркуляра Фавра о преследовании коммунаров, против массовых расстрелов... (Далее подробно излагалось это выступление писателя)²⁰.

«Воспитанная часть общества» выглядела в информации на четвертой странице совсем не так, как на первой.

Хорватские друзья Коммуны, используя последнюю полосу газеты, где помещались разные известия, стали рисовать благородный облик деятелей Коммуны и таким путем, не вступая в открытую полемику с ее противниками, убеждали читателей в глубоком демократизме Коммуны, ее подлинно народном характере. Вот некоторые характеристики деятелей Коммуны, помещенные в «Хрватска».

Ярослав Домбровский — патриот, гарибальдеец, герой восстания 1863 г., — уже в апреле сообщила газета²¹. Эмигрировавший в Швейцарию коммунарь Бесле — «большой ученый в области социально-коммунистической науки», во время Коммуны — директор банка, много сделавший для его охраны. Учитель Вердюр ведал воспитанием детей, «в дни катастрофы проявил большое достоинство». Художник Курбе был министром искусств и заботился об охране памятников искусства²². Возглавлявший финансы Коммуны Журд — молодой еще человек, но умело справлялся с делами и безупречно честен: «Баланс доходов и расходов он подвел с исключительной точностью, и его невозможно упрекнуть в том, что он приобрел что-либо для себя лично». Вообще, — подчеркивала «Хрватска», — Коммуна не допускала честолюбцев на ответственные должности... «Член Интернационала» Асси — полковник национальной гвардии, проявивший «большую волю и умение» в снабжении Коммуны боеприпасами, ранее руководил многими выступлениями рабочих; на суде он мужественно, «без какого-либо страха признает, что

¹⁸ Ibid., 21 V. Эта симпатия видна уже в приведенном выше сообщении газеты (в номере от 2 IV) о законности деятельности ЦК Национальной гвардии.

¹⁹ Ibid., 4 VI 1871, p. 1.

²⁰ Ibid., p. 4.

²¹ Ibid., 23 IV.

²² Ibid., 3 IX.

голосовал за разрушение Вандомской колонны...». Руководивший артиллерией Коммуны Россель отдавал делу все свои силы и т. д.²³.

«Хрватска» следила за судом над коммунарами, отстаивала амнистию для них, разоблачала бесчеловечность реакции. Она писала, что масса коммунаров — простых солдат Коммуны тяжело страдает в заключении, находясь в переполненных смрадных камерах; люди умирают от издевательств тюремщиков. Газета привела факт расстрела без суда человека, принятого офицером-версальцем за активного коммунара²⁴.

«Хрватска» осуждала «кровавый режим, установленный французским правительством в отношении побежденных парижан», писала о невозможности силой истребить коммунизм, распространенный по всей Европе²⁵.

Некоторые выступления газеты свидетельствовали о ее промежуточной позиции между буржуазной контрреволюцией и Коммуной, да и изложенные ею аргументы Гюго имели специфический характер: знаменитый писатель призывал к прекращению террора, но не защищал существо дела Коммуны, не понял его.

Наряду с этим газета помещала информацию о деятельности Международного Товарищества Рабочих — I Интернационала. Сначала это была перепечатка из «Таймс»²⁶, но уже через неделю «Хрватска» опубликовала текст обращения к рабочим секции Интернационала в кантоне Вадт в Швейцарии. Здесь содержался призыв к пролетариям, «безработным и работающим подобно каторжанам — целый день за несколько мелких монет», присоединиться к Интернационалу, «который вам объяснит права и обязанности человека», «Хрватска» сопроводила этот материал своим добавлением: «Однотипными по духу и направлению являются почти все рабочие общества во всех крупных городах Европы. Недавно в Пеште произошли серьезные выступления рабочих. До десяти их руководителей арестованы, а пятеро уже высланы за возбуждение рабочих, за подстрекательство против монархии и против всех имущих классов». Сообщив о полицейских мерах венгерского правительства против рабочих, газета заключала: «Многие очень строго осуждают эти новейшие явления, которые якобы угрожают погубить все существующее. Но как бы то ни было, определенно лишь то, что все великие движения должны иметь и великие причины». Автор заметки поэтому говорил о своем большом интересе к ожидавшемуся во французском национальном собрании докладу, обещавшему «точно исследовать все причины недавней Парижской Коммуны», и «с радостью» сообщал, что «в Лондоне вскоре должна выйти новая брошюра, которая подробно рассмотрит подобные движения»²⁷.

Нельзя не отметить понимание авторами этого комментария великого значения рабочего движения. Что касается высказанных ими надежд на «исследование» версальцами причин Коммуны, то это было не проявлением политической наивности, а необходимой тогда маскировкой, так как вслед за этим ожидавшимся «исследованием» хорватские демократы упоминали лондонскую «брошюру»...

Именно в это время (июнь 1871 г.) в Лондоне в форме «Воззвания Генерального совета Международного Товарищества Рабочих» было опубликовано знаменитое сочинение Карла Маркса «Гражданская война во Франции» — одно из основных произведений научного социализма.

²³ «Hèrvatska», Zagreb, 17 IX.

²⁴ Ibid., 3 IX.

²⁵ Ibid., 18 VI.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid., 25 VI.

И действительно, вскоре «Хрватска» в таких словах популяризировала (мы уверены, именно это) произведение Маркса: «Этот очень большой документ рассматривает политические события во Франции от 4 сентября 1870 г., „когда парижские рабочие провозгласили республику“, и до падения Коммуны»²⁸. Газета отметила, что «Воззвание» подписано представителями от Франции, Германии, Голландии, Испании, Бельгии, Швейцарии, Италии, Венгрии, Польши, Дании и США²⁹, т. е. подчеркнула широкое влияние Интернационала (в дальнейшем газета сообщила о сторонниках Интернационала в России).

«Хрватска» опубликовала также воззвание коммунаров. Сообщая об известном циркуляре Жюль Фавра, в котором последний призывал правительства других государств преследовать членов I Интернационала, газета охарактеризовала выступление Фавра как «грязное». Она писала: «Так как в этом циркуляре особенно грязным нападкам подверглась недавняя Парижская Коммуна, то последняя в свою защиту издала дополнительное воззвание, которое мы здесь приводим». Как известно, в этом воззвании разъяснялись цели Коммуны — освобождение трудящихся от эксплуатации капиталистами, дворянством, духовенством. «Лишь на несколько дней, — говорилось в Воззвании, — мы добились осуществления нашей великой идеи. Мы пали, но не погибли. Социализм не может погибнуть, так как он — правда, он — справедливость. Станьте рядом с нами! Мы открыли вам путь...». Воззвание завершалось призывом: «Да здравствует коммуна! Да здравствует социальная революция!»³⁰.

Опубликование этого документа в условиях полуфеодальной Хорватии было замечательным явлением. Его удалось опубликовать, вероятно, потому, что Бах в эти дни был под арестом и редактирование газеты находилось в руках друзей Коммуны.

Газета сообщала также о крупных выступлениях рабочего класса в Европе — эта рубрика была новым явлением в хорватской печати.

За всеми подобными материалами скрывалась ожесточенная борьба внутри редакции газеты, в среде руководства партии. В этом смысле показательным освещением на ее страницах выступления Дж. Мадзини против Интернационала³¹. Газета утверждала, что он «самый знаменитый голос, жестоко нападающий на принципы Интернационала. Это не шутка, когда первый европейский демократ, республиканец и вольнодумец опровергает перед лицом Европы, перед совестью образованных народов стремления, которые рекомендуются как путь возрождения человечества». Мадзини утверждает, — сообщала «Хрватска», — что Интернационалу свойственно отрицание бога, национальности, отечества, личной собственности и имущества. По мнению Мадзини, отрицать бога означает отрицать «моральный закон», «всякий прогресс» и т. п. Сообщение газеты, кажущееся сначала нейтральным или даже благожелательным к Мадзини, неожиданно завершается так: «Послание (Мадзини) важно уже тем, что посвящено глубокому рассмотрению принципов Интернационала, хотя вместе с тем и опровержению их; таким образом широкой публике представляется возможность более глубоко и всесторонне поразмыслить об этих прин-

²⁸ Ibid., 2 VII. Сочинение Маркса начинается словами: «4 сентября 1870 г., когда парижские рабочие провозгласили республику...». Итак, «Хрватска», взяв в кавычки эти слова, цитировала Маркса.

²⁹ Эти подписи см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 367.

³⁰ «Hrvatska», 25 VI 1871.

³¹ О борьбе Мадзини против Интернационала см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 394—396, 631—632, 638—639.

ципах, весьма существенных для всего человечества»³².

Месяц спустя «Хрватска» высказалась еще более определенно: «Мадзини вновь подверг нападкам Интернационал... Создается впечатление, что его слово не имеет той силы, которая когда-то зажигала итальянскую молодежь и вела ее на борьбу против насильников и за единую республику... Теперь молодежь вдохновляют иные идеи, и вряд ли Мадзини сможет остановить повое течение»³³. В сущности, это замечание предназначалось хорватам. В нем содержалась мысль о целесообразности отхода от традиционного мелкобуржуазного национал-радикализма и поворота к социальным проблемам. Но так как левое крыло правашей вместе с тем считало национально-освободительную борьбу важнейшей задачей, можно сделать вывод, что оно подошло к пониманию необходимости связать национальное движение с борьбой против социального гнета, с европейским рабочим движением. Поэтому в «Хрватска» появилась новая трактовка традиционной ориентации правашей на Францию. Например, она передала высказывание одной зарубежной газеты о начавшейся во Франции реваншистской пропаганде: реванш будет, но не путем войны, а путем революции; дух революции живет во Франции, революция 1789 г. дала все лишь буржуазии, но «18 марта разбудило весь мир. Народ сбросил дремоту, что свидетельствует о близости его победы. К Коммуне присоединяются все европейские рабочие, и эта новая революционная эпоха началась во Франции»³⁴. И это печаталось в газете, владелец которой выражал надежду на реставрацию Бонапарта!

Что же известно о деятелях этого левого крыла Партии права? Сведения о наиболее активных из них — Фране Матасиче, Владимире Бараچه, Адольфе Якшиче — содержатся в мемуарах либерального праваша Ф. Фольнеговича. Барач был финансовым служащим. Якшич, по образованию юрист, уже в гимназии привел в смятение инспектора училищ своими политическими и антирелигиозными взглядами³⁵. Позднее он побывал в Вене; во время франко-прусской войны (находясь в Швейцарии) стремился поступить в польский легион, борющийся на стороне французов; вернувшись на родину, «часто ходил в парод, обошел все Загорье и всюду — желая максимально сблизиться с простым народом! — стремился знакомиться с крестьянами»³⁶. Не имея средств и не желая стать чиновником или адвокатом, Якшич хотел «приобрести знания» за границей. Те же намерения были и у Барача. В августе 1871 г. оба изучали столярное дело в Швейцарии, одновременно занимаясь переводами из французской литературы. В их деятельности в Швейцарии и Франции Цесарец справедливо увидел стремление сблизиться с пролетариатом Запада и разобраться в социальных проблемах (им пришлось убедиться, что «последний рабочий Швейцарии глубже понимает социальные вопросы», чем они). Очевидно, они искали связей с бывшими коммунарами, однако в условиях реакции Барач и Якшич не смогли прочно связаться с рабочим движением. После непродолжительного пребывания в Марселе, лишённые всяких средств к жизни, они отправились в Россию. Цесарец высказал предположение, что к поездке в Россию³⁷ их

³² «Hrvatska», 30 VII 1871. Разрядка моя. — В. Ф.

³³ Ibid., 3 IX 1871. Разрядка моя. — В. Ф.

³⁴ Ibid.

³⁵ См. J. Š i d a k. Autobiografički spisi J. Trdine kao izvor za hrvatsku povijest. «Zgodovinski časopis», Ljubljana, 1954, št. 1—4, s. 167.

³⁶ Мемуары Фольнеговича цит. по А. С е с а р е ц. Ibid., p. 27.

³⁷ Об их пребывании в России пока известно, что Барач стал банковским служащим, а Якшич, окончив Московский университет, учительствовал.

побудило желание побывать в стране, где тогда «еще ярче, чем ранее, горел факел социалистического учения Чернышевского и вырисовывались первые контуры революционной борьбы...»³⁸.

Наибольший интерес представляет личность Ф. Матасича. Родом из Военной Границы, студент-юрист, он стал помощником Баха в редактировании газеты «Хрватска». По словам Фольпегевича, этот «фанатичный борец за полную свободу... с максимальным вниманием следил за развитием событий во Франции после Седана и решительнее всех нас проявлял симпатии к Парижской Коммуне»³⁹. Сообщение это, кстати, еще раз свидетельствует о значительных, хотя и не единодушных симпатиях к Коммуне среди правашей⁴⁰.

Хорватские условия больше способствовали восприятию революционных народнических теорий, мелкобуржуазных учений, чем научного социализма. В 1871 г. хорватским демократам было хорошо известно имя М. И. Бакунина. Оно упоминается на страницах «Хрватска». В корреспонденции «Россия. Русские коммунисты — члены Интернационала» Бакунин охарактеризован как «выдающийся и ревностный член Международного рабочего общества». В другой корреспонденции подчеркивалась особая враждебность Мадзини к Бакунину — «выдающемуся члену Интернационала»⁴¹. Авторитету Бакунина в народническо-демократических кругах Хорватии безусловно содействовали его выступления против всякой эксплуатации, страстная критика буржуазной ограниченности Мадзини и его взглядов на рабочее движение. Но следует иметь в виду, что в 1871 г. бакунисты уже вели ожесточенную борьбу против марксизма и стремились превратить Международное Товарищество в орудие анархизма⁴².

После Парижской Коммуны в «Хрватска» заметно усилились революционно-демократические тенденции — не только в национальной, но и в социальной области. Отчетливее, чем ранее, выдвигалось требование ликвидации сословной неравноправности, указывалось, что «современное положение» — следствие бесправия народа; патриотам ставилась задача «бороться как они могут и умеют в этих условиях и стремиться как можно скорее и основательнее изменить их»⁴³. Газета стала теснее связывать дело национальной свободы с освобождением крестьянства от всякого гнета. Сообщая об очередном кровавом столкновении крестьян с полицией, «Хрватска» защищала правоту первых. В газете появилась корреспонденция из Сепя, отражавшая парастание в Хорватии противоречий между трудом и капиталом: «Хрватска» выступила в защиту рыбаков, эксплуатируемых скушником-торговцем и доведенных им до «подлинного рабства»; при этом разоблачалось покровительство, оказываемое купцу властями⁴⁴. Газета резко критиковала социально-политический строй и политику европейских буржуазных государств, в особенности Англии.

В то же время на других полосах газеты помещались материалы, содержащие размышления о возвращении французского общества «в рамки здорового развития», излагались строго католические взгляды, публиковались выступления, насыщенные шовинистическими выпадами против

³⁸ A. C e s a r e c. Ibid., p. 29.

³⁹ Ibid., p. 30.

⁴⁰ Кватерник, однако, утверждал, что его решительными противниками являлись лишь «четверо или пятеро молодых людей». Ibid., p. 34.

⁴¹ «Hèrvatska», 3 IX 1871.

⁴² См., например, А. Е. К о р о т е в а. Гаагский конгресс I Интернационала. М., 1963, стр. 32—44.

⁴³ «Hèrvatska», 8 X 1871 (День восстания в Огулинском полку).

⁴⁴ Ibid., 13 VIII, 20 VIII 1871.

сербов. Почти каждый ее номер, вышедший в конце лета и осенью 1871 г., отражал борьбу разных идейных течений, грань между которыми подчас трудно провести, но полюсами являлась, с одной стороны, пропаганда идей I Интернационала, а с другой — идеализация буржуазной демократии и сентенции о недопустимости «крайних» замыслов. Такая пестрота во взглядах объясняется мелкобуржуазным составом партии, сотрудничеством в ней людей, объединенных только борьбой за национальный суверенитет⁴⁵.

Левое революционно-демократическое крыло правашей выступало против национального гнета и вместе с тем против господства полуфеодалных земельных магнатов и крупного капитала. Протест левого крыла правашей, отражавшего настроения широких слоев трудящихся (в основном крестьянства), направлялся и против социально-политического строя самого хорватского общества. Правое же крыло партии, также борясь против эксплуатации Хорватии крупным австро-венгерским капиталом и аристократией, стремилось затушевать классовые противоречия хорватского общества.

Будучи горячим сторонником национального суверенитета, Е. Кватерник выступал против политического влияния духовенства главным образом потому, что масса духовенства была лояльна габсбургскому государству. Вместе с тем он был убежденным католиком, сторонником догмата о непогрешимости папы. «Хрватска» враждебно отнеслась к занятию Рима королевскими войсками, заявив, что лишь сам суверенный народ любого государства (в том числе папского) может решать свою судьбу. В одной статье по этому поводу идея народного суверенитета была изложена в совершенно неприемлемом для католика тоне: вот если б римляне сами казнили или изгнали папу, мы б уважали эту волю народа⁴⁶; в другом номере газеты (от 29 января) праваша заявили, что народ римский имеет право так распорядиться папой, как французы Людовиком XVI!

Подобные неуважительные высказывания в адрес главы католической церкви вовсе еще не свидетельствовали о последовательном демократизме их авторов — ими нередко щеголяли буржуазные радикалы.

Но в Партии права разногласия по вопросу о религии послужили поводом к острому конфликту. В них в сущности отразились противоречия социально-политического характера. Это наглядно проявилось в письме Е. Кватерника к Х. Халперу, в котором он писал об угрозе раскола в партии в связи с «безбожием и бездушием» части ее активистов. В подтверждение своих взглядов он повторил в своем письме аргументы Мадзини против Коммуны и Интернационала: «о т р и ц а н и е, игнорирование бога, — писал Кватерник, — и как логическое следствие этого — игнорирование национальности и государства, а потому и собственности. Нашим друзьям атеизма по душе эти принципы», «...наши либералы, можно сказать, недалеки от этой... иноземной проказы»⁴⁷. Национально-освободительное движение, в котором участвовал сам Кватерник, опро-

⁴⁵ Мелкобуржуазной была и критика закона 1870 г. о разделе задруг. Справедливо выступая против его «аристократизма», газета предлагала сдерживать распад задруг — «оплота» крестьянской собственности. См. «Hrvatska», 6 VIII 1871.

⁴⁶ Ibid., 8 I 1871.

⁴⁷ См. А. С е с а г е с. Ibid., p. 34—35. Приведенное выше сообщение газеты «Хрватска» (№ 31) о послании Мадзини, вероятно, было написано Кватерником, ибо в письме в точности повторена характеристика Мадзини, данная в газете. Но именно в это время из-за направления очередного номера газеты возник конфликт в редакции, так как левые пытались изменить текст по своему усмотрению. Возможно, что последние фразы сообщения (в которых предлагалось глубже поразмыслить об Интернационале) также были дописаны ими.

вергло его утверждения об «игнорировании» отечества атеистами и интернационалистами.

Взгляды хорватских демократов нашли также выражение в выступлении Якшича против буржуазного права наследования, дающего, — как говорил он, — возможность кому-либо «при рождении заграбастать столько, сколько надо, чтобы жить в праздности за счет чужого тяжелого труда». Кватерник видел в этом выступлении «логику Коммуны»⁴⁸.

В горячих спорах правашей Кватерник, стремившийся воспрепятствовать атеистической (революционно-демократической) пропаганде, оказался в меньшинстве. Большая часть руководителей партии, если не поддерживала левых, то считала, что при наличии единства в национальных требованиях, любые взгляды — личное дело каждого⁴⁹. Кватернику и Баху как борцам за национальный суверенитет и сторонникам политических свобод пришлось признать законность принципа свободы совести для членов партии.

Активность левого крыла партии вызывала не только беспокойство в среде правых, но и нападки на правашей со стороны других партий и церковников. Однако Кватерник выступал за сотрудничество с Матасичем и его сторонниками, ибо разрыв с ними привел бы к решительному ослаблению партии накануне Огулинского восстания. 10 сентября в номере, последовавшем за тем, в котором появился ряд приведенных выше материалов о Коммуне, было опубликовано заявление Кватерника и Баха «О направлении Партии права». Единственный общепартийный принцип, — говорилось здесь, — «завоевание хорватского государственного права в полном объеме». Авторы напоминали более раннее заявление партии: «В рамках политики Партии права всем классам, сословиям, званиям, религиям хорватского общества — равное место, ибо святая о б я з а п н о с т ь всех перед богом и народом — до последней капли крови... защищать священные хорватские права и свободы...». После завоевания национальной свободы, — говорилось далее, — эта «великая национальная партия» может разделиться «по классам, стремлениям, убеждениям, духу и направлению элементов, из которых она была составлена во имя возвышенной общей цели», пусть себя тогда проявят «аристократия, демократия и буржуазия, клерикализм и вольнодумство, консерватизм и либерализм...» Наличие в партии противников «разумных» общественно-политических принципов (т. е. либерально-буржуазных взглядов Кватерника. — *В. Ф.*) не причина для отказа от борьбы в ее рядах за национальные цели: «поскольку доступ в Партию права никому не закрыт... кто мешает нашим к о н с е р в а т и в н ы м элементам... занять руководящее положение в лагере Партии права?»⁵⁰

Отмежевываясь идейно от левого крыла партии, Кватерник и Бах призывали в партию «консерваторов», но вместе с тем отказывались порвать с революционно-демократическим крылом. Да и трудно было им, мечтавшим об общенациональной партии, рассчитывать на революционность консерваторов в национальном вопросе! Общенациональное объединение на революционной основе оказалось невозможным⁵¹.

⁴⁸ A. C e s a r e c. Ibid., p. 35. Отмена права наследства — одно из основных требований бакунистов.

⁴⁹ См. M. N e h a j e v. Ibid., p. 90—91.

⁵⁰ «Hrvatska», 10 IX 1871. Ранее аналогичные мысли были высказаны Кватерником в той же газете от 4 VI 1871.

⁵¹ Позднее, в 80-х годах, партии удалось укрепить свое влияние на буржуазию и крестьянство, но у нее никогда не было прочных связей с массами, а в 90-х годах противоречия между буржуазией и трудящимися слоями деревни быстро изолировали верхушку партии от народа.

Именно демократы явились последовательными борцами за национальную свободу в 1871 г. Это понимал и сам Кватерник, вопреки его нападкам на их «космополитизм» (речь шла об интернационализме друзей Коммуны. — В. Ф.). Так, А. Якшич в 1871 г. пропагандировал взгляды, что «Австро-Венгрия должна пасть, падет и династия Габсбургов»⁵². Ф. Матасич участвовал в подготовке восстания в Раковице и заменил Кватерника и Баха в редакции газеты, когда те отправились на Военную Границу⁵³. Отданный под суд за распространение листовок с призывом к оружию, Матасич с гордостью называл себя «единомышленником убитых повстанцев Кватерника и Баха». Он был приговорен к семи годам тюрьмы. Освобожденный через два года, Матасич вскоре умер от туберкулеза. Этот революционный демократ, влияние Коммуны на идейное развитие которого несомненно, отдал свою жизнь за свободу отечества.

Как газеты правящих кругов, так и национально-либеральной партии были враждебны Коммуне («нигилистам» с их «дикостью» и т. п.). Левый народник М. Маканец сетовал на то, что коммунары не последовали учению утопических социалистов, признававших только реформаторскую деятельность⁵⁴.

Власти, правительственная и либеральная печать приписывали организацию восстания граничар «руке коммунаров»⁵⁵. Прокурор Шпун-Стрижич через три дня после подавления этого восстания, вероятно с перепугу, телеграфировал в Загреб, будто в Хорватию вернулись Барац и Якшич⁵⁶. Граф Андраши заявил русскому посланнику, что у властей имеются сведения о связях повстанцев с Интернационалом⁵⁷. Вероятно, не только стремление запугать обывателя и замазать подлинные причины движения граничар, но и позиция газеты «Хрватска» и все поведение Матасича на суде побудили реакцию связать события на Границе с Парижской Коммуной.

После Огулинского восстания Партия права временно перестала существовать. Деятельность революционно-демократических элементов в партии можно проследить (и то по скудным данным) всего лишь за несколько месяцев. Но ясно, что под влиянием Коммуны в Хорватии проявилась тенденция отделения революционного демократизма от национал-радикализма.

Небольшая группа Ф. Матасича подошла к пониманию общности интересов международного пролетариата и угнетенных народов. Однако она не успела полностью (организационно и идеологически) отделиться от буржуазных радикалов. Достаточно сказать, что нет сведений о каком-либо прямом ее выступлении против идеологии панхорватизма (впрочем, полагаем, что дело шло к этому). Главным в политической позиции правашей в 1871 г. был не панхорватизм, а национально-освободительная борьба. Именно это привлекало демократов в партию. Так понимал сущность Партии права Светозар Маркович, и поэтому, несмотря на критику им панхорватизма, его симпатии были на стороне повстанцев-правашей⁵⁸.

⁵² А. С е с а г е с. Ibid., p. 52.

⁵³ Последний номер «Хрватска» вышел за его подписью 8 X 1871.

⁵⁴ См. М. G r o s s. Počeci radničkog pokreta u Zagrebu. «Historijski zbornik», 1955, s. 13—14.

⁵⁵ «Народне новине» даже умудрились написать, что Кватерник исполнял приказы Парижа. См. V. С е с и ć. Rimokatolička crkva i radničko pitanje u Hrvatskoj 1869—1914. Zagreb, 1957, s. 28.

⁵⁶ А. С е с а г е с. Ibid., p. 52.

⁵⁷ «... Суд над соучастниками Кватерника в недавней стычке на Военной Границе прямо разоблачил их единомыслие с Интернационалом в Женеве», — утверждал Андраши. АВНР. Фонд Канцелярии, 1871, д. 121, л. 419.

⁵⁸ С в е т о з а р М а р к о в и ћ. Борба у Граници. «Раденик», 16 X 1871.

И в дальнейшем в Партии права обнаруживалось демократическое течение, идейно близкое русскому народничеству, однако, как и в 1871 г., оно оказывалось недостаточно сильным для консолидации в качестве особого политического направления.

С Коммуной связано в Хорватии и другое важнейшее проявление освободительной борьбы — начало организованного рабочего движения. Уже в конце 60-х годов активизировались попытки создания первых рабочих организаций. Но рабочими зачастую еще руководили мелкобуржуазные элементы⁵⁹. Известия об установлении рабочей власти в Париже подтолкнули хорватских рабочих к более активным действиям. В апреле 1871 г. в Загребе забастовали столяры, в мае вспыхнули стачки солидарности с рабочими Вены, в январе 1872 г. — руководимая Общественным печатников стачка типографов Загреба⁶⁰.

Парижская Коммуна ускорила проникновение социалистических идей не только в среду радикальной интеллигенции, но и в рабочее движение Хорватии. В 1872—1873 гг. в Загребе возникло Ремесленно-рабочее общество, которое в сущности было легальным прикрытием социалистической организации⁶¹.

⁵⁹ M. G r o s s. Počeci radničkog pokreta u Hrvatskoj. «Historijski pregled», Zagreb, 1955, № 1, s. 20.

⁶⁰ V. С е с и ć. Historija organizacije i političkih borba grafičkih radnika Hrvatske 1870—1955. Zagreb, 1955, s. 59—66.

⁶¹ J. С а з и. Prva radnička društva u Hrvatskoj. Zagreb, 1957, s. 31—89; M. G r o s s. Указ. сочинения.

С. А. ШЕРЛАИМОВА

К СПОРАМ О КОНЦЕПЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ИСКУССТВА В ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-х ГОДОВ

Сегодняшние споры о реализме и модернизме, о путях нового социалистического искусства заставляют вновь и вновь обращаться к периоду формирования социалистической литературы, который дает богатый материал для размышлений над актуальными теоретическими проблемами. Это в полной мере относится к литературе чешской, которая переживала в 20—30-е годы период бурного развития, выдвинула сатириков с мировым именем, плеяду блестящих поэтов; в ней возникло одно из самых сильных в капиталистической Европе течений социалистического реализма.

В современном литературоведении существуют различные точки зрения на литературу межвоенного периода, что в значительной степени объясняется сложностью и недостаточной изученностью материала.

Литературный процесс тех лет характеризовала острая борьба революционного начала с буржуазными охранительными тенденциями. Становление социалистической литературы не обошлось без конфликтов и в лагере революционных художников. В левой критике сталкивались две концепции революционной литературы. Одна была связана с авангардистскими течениями — с поэтизмом и позже сюрреализмом, другая — с формирующейся эстетикой социалистического реализма. Дискуссии и полемики были нормой существования молодого литературного течения.

Некоторые современные исследователи приходят к выводу, что вообще нельзя говорить о единой эстетической концепции социалистической литературы, что и критики-марксисты и теоретики-авангардисты были правы каждый «на свой лад» и каждый «на свой лад» заблуждались и что для сегодняшних теоретических построений их воззрения имеют одинаково относительное значение.

Видный специалист по эстетике межвоенного периода К. Хватик в послесловии к произведениям К. Тейге пишет: «Творчество каждого деятельного, ищущего инициатора художественных течений, целиком поглощенного с во ей идеей (разрядка автора.— С. III.), подвергается риску исказить объективные пропорции, который возрастает в зависимости от того, насколько четко определена его собственная позиция. Лишь история корректирует все одностороннее, преодоленное, не отрицая при этом исторической роли инициаторов в пользу приспособленческой всеобъемлющей посредственности»¹.

Безусловно отдавая предпочтение даже ошибающимся инициаторам перед «приспособленческой посредственностью», нельзя, мне кажется,

¹ В кн.: К. T e i g e. Jarmark uměnl. Praha, 1964, s. 149.

не учитывать, что «инициатива» может быть весьма различной по своему объективному содержанию: искажение или же, напротив, верное познание «объективных пропорций» зависит в первую очередь не от четкости, а от сущности той или иной эстетической позиции, от того, насколько она отвечает потребностям развития искусства и общества. Наивно и бессмысленно с высоты сегодняшнего дня «выставлять оценки» тому или иному инициатору, но вряд ли можно успокоиться на «всесоединяющем» тезисе: каждый прав «по-своему».

В художественной практике и теоретических спорах складывались единые принципы новой литературы. О некоторых особенностях этого процесса и пойдет речь в этой статье.

* * *

Начало формирования чешской литературы социалистического реализма относится к эпохе революционного подъема первых лет независимой Чехословакии.

«Новое искусство будет пролетарским, или его не будет вообще!» — этот лозунг молодых, объединившихся в творческом союзе «Деветсил», стал знаменем передовой литературы.

Революционная литература начала 20-х годов объединила в своих рядах таких крупнейших прозаиков, как Я. Гашек и М. Майерова, И. Ольбрахт и В. Ванчур, целую когорту талантливых поэтов: С. К. Неймана, Й. Гору, И. Волькера, Я. Сейферта, В. Незвала, К. Библа. Она имела своих теоретиков (Нейман, Гора, Волькер) и критиков (Ю. Фучик, А. Пиша, Б. Вацлавек), многочисленных сторонников и врагов.

Теоретики пролетарской литературы стремились построить свою программу на марксистском представлении о развитии общества. Центральной в этой программе была идея служения искусства социальной революции, ниспровержение индивидуализма, утверждение новой социалистической человечности. Выдвигая в качестве основополагающего принцип пролетарской тенденциозности, они в то же время — и это надо подчеркнуть — настаивали на том, что не менее важен для нового искусства и принцип высокой эстетической требовательности. Последнее объясняется, может быть, тем, что глашатаями пролетарского искусства в Чехословакии выступили такие художники, как Нейман, Волькер, Гора, которым было свойственно очень строгое отношение именно к поэтическим достоинствам того или иного произведения.

С. К. Нейман уже в 1920 г. призывал поэтов создавать революционные стихи, понятные массам трудящихся. Но в том же обращении «К поэтам» (журнал «Кмен») он заявил, что будет печатать только «истинную поэзию», категорически отвергая суррогаты, «срифмованные по шаблонам социалистических речей».

Программа пролетарской литературы была детищем революционного подъема — периода бурного, но кратковременного. Тогда не возникли трудности, подробно и систематически разрабатывающие ее положения, тем более, что и художественный опыт, на который можно было бы опереться, был еще невелик. Сравнительно мало писалось об отличиях новой литературы от литературы прошлого с точки зрения формы. Новаторство сторонников пролетарского искусства гораздо ярче проявлялось в художественной практике, чем декларировалось в теоретических работах, хотя интересные мысли о художественном выражении нового революционного содержания высказаны в рецензиях Волькера и Горы. В области формы симпатии сторонников пролетарской литературы были различны, но не соответствовали этим индивидуальным симпатиям, а искреннюю революцион

ность и способность вдохновенно и убедительно донести ее до читателя искали они в произведениях новой литературы.

И если в программе пролетарского искусства не были определены формальные особенности новой литературы, то объективно в этом проявились не только слабость, но и сила этой программы. Формулируя общие цели и отмечая некоторые общие черты новой литературы, ее теоретики пришли к выводу, что поиски новой выразительности неисчерпаемы и их нельзя регламентировать.

И. Волькер, выделяя Сейферта и Пишу как наиболее интересных, по его мнению, дебютантов пролетарской поэзии, писал: «Они добились оригинальной формы, потому что усвоили ясный и определенный взгляд на жизнь, мир и искусство, и хотя они едины в этом взгляде и целях, но различны в способе их выражения и путях к ним»². Поиски новой выразительности он считал постоянно действующим законом искусства, заявляя: «Манера — это смерть для писателя»³.

С. К. Нейман, мечтавший о едином стиле пролетарского искусства, столь же четком и величественном, как всегда восхищавшая его готика, печалился, что даже начал подобного стиля он не видит в современности. Тем не менее он решительно отвергал попытки заранее предопределить его особенности, «сконструировать точный формальный метод и написать точную идейную программу» на основе которой можно было бы создавать пролетарское искусство: «Только в самых широких и общих рамках мы можем выразить свои представления о нем, представления скорее негативного характера, представления о том, каким это искусство не может и не должно быть»⁴.

В программе пролетарского искусства не была развернуто определена его реалистическая сущность, хотя она уже отчетливо проявилась в художественной практике его творцов, а интересные теоретические соображения на этот счет были высказаны прежде всего в статьях И. Волькера. Может быть, это объясняется тем, что программа эта строилась главным образом на материале революционной поэзии, а вопрос о реализме в поэзии гораздо сложнее, чем вопрос о реализме прозы. Во всяком случае, именно разработкой проблемы реализма социалистического искусства впоследствии обогатили программу пролетарской литературы критики-марксисты 30-х годов. Но уже первые теоретики революционного искусства, признавая право художников на индивидуальный поиск, были яростными противниками самоцельного оригинальничания в искусстве, настаивали на необходимости его тесной связи с жизнью и борьбой народа. «Социализм, разумеется, не препятствует тому, — писал Й. Гора, — чтобы темперамент и индивидуальные склонности писателя придавали его творчеству специфический аромат и окраску. Но необходимо принципиально и неустанно преследовать всякое искусство (оно никогда не станет нашим), которое стремится повысить свою занимательность и привлекательность презрительным отношением к массе и нашей эпохе, которое отгораживает личность художника от влияния бурного внешнего мира»⁵.

Часто можно встретить суждение о близости чешской концепции пролетарского искусства (особенно в работах Неймана) к программе русского Пролеткульта.

«Исходной позицией С. К. Неймана при формировании программы социалистического искусства явились тенденции русского Пролеткульта,

² J. W o l k e r. Próza a divadelní hry. Praha, 1954, s. 262.

³ Ibid., p. 255.

⁴ St. K. N e u m a n n. O umění. Praha, 1958, s. 195.

⁵ J. H o r a. Poezie a život. Praha, 1959, s. 30.

которые, прежде всего в статьях Луначарского, встретили широкий отклик в Чехословакии начала 20-х годов»⁶, — пишут И. Брабец и З. Пешат. Подобную же точку зрения высказывает и К. Хватик в своей монографии о Вацлавеке, хотя он и проводит, вполне справедливо, различие между программой Пролеткульта и взглядами Луначарского. Хватик пишет о Неймане: «В его концепции наряду с ценными идеями Луначарского, Брюсова и др. отразилось и влияние некоторых незрелых пролеткультовских взглядов»⁷. Влиянием Пролеткульта Хватик объясняет недооценку Нейманом искусства прошлого, отмечая, однако, что отношение поэта к нему не было нигилистическим. Исследователь называет чересчур узким мнение Неймана, что единственной основой пролетарского искусства может быть «классово сознательный пролетариат, авангард рабочего класса». По мысли Хватика, пролеткультовское представление о буржуазном характере всего непролетарского искусства приводит Неймана к дилемме «искусство или служение пролетариату», к лозунгу агитационной поэзии, где, как пишет исследователь, «искусство пограно во имя непосредственной агитации»⁸.

Опыт советского искусства имел для Неймана очень большое значение, особенно это относится, как верно подметил Хватик, к работам Луначарского. С огромным интересом относился Нейман и к русскому Пролеткульту. С поэтами Пролеткульта его роднил пафос революционного подъема, влияние пролеткультовской поэзии сказалось на ряде стихотворений из «Красных песен», в пролеткультовских теориях Нейман находил подтверждение своему тезису о буржуазном характере всего искусства, не являющегося непосредственно искусством «для пролетариата». Но общее у Неймана с Пролеткультом было главным образом в том, в чем Пролеткульт объединился с другими течениями в советской литературе того времени, однако чешский поэт принципиально расходился с ним в понимании сущности пролетарского искусства, в понимании того, кого считать пролетарским поэтом, т. е. он не принял в русском Пролеткульте специфически «пролеткультовского».

С. К. Нейман был одним из основателей чехословацкого Пролеткульта и редактором одноименного журнала. Эта организация, созданная по решению Исполкома КПЧ, строилась по образцу русского Пролеткульта. Однако между русским и чехословацким Пролеткультом была существенная разница. Чехословацкий Пролеткульт возник как объединение находившихся под влиянием КПЧ различных культурных организаций и главную свою задачу усматривал в распространении марксистско-ленинского учения, а также в ведении систематической культурной работы в массах. Специальной организации писателей в рамках Пролеткульта не существовало.

Чехословацкий Пролеткульт выдвинул задачу воспитания коммунистических художников, но в этом вопросе он был чужд вульгарно-социологического подхода, не повторил ошибок русского Пролеткульта, считавшего, что главное для пролетарского художника — чистокровное рабочее происхождение.

Мы не можем проследить, насколько советские дискуссии о Пролеткульте были известны в Чехословакии, но, сопоставляя факты, можно предположить, что программа русского Пролеткульта была воспринята Пролеткультом чехословацким, возникшим в 1921 г., словно бы сквозь

⁶ J. B r a b e c, Z. P e š a t. Zákonitosti vývoje socialistického realismu z hlediska české literatury. Praha, 1963, s. 248.

⁷ K. C h v a t í k. B. Václavek a vývoj marxistické estetiky. Praha, 1962, s. 73.

⁸ Ibid., p. 76.

призму ленинской критики: грубые ошибки обособления от партии и «пролетарского чванства» не были здесь повторены.

Уже в обращении «К пролетариату» подготовительного комитета чехословацкого Пролеткульта говорилось, что будущие коммунистические писатели и художники и «родятся в среде пролетариата, и перейдут к нам из рядов буржуазии. Но как пролетариат должен пройти школу искусства, так и коммунистические художники должны учиться у пролетариата. Даже талант, пришедший непосредственно с завода, может легко заразиться буржуазной идеологией и мелкобуржуазными предрассудками, если он не будет постоянно повышать свое классовое самосознание, если он не будет в процессе творчества неизменно помнить о своих товарищах-рабочих, о их нуждах, думах и чувствованиях»⁹.

Эта же идея первостепенной важности мировоззрения художника, его духовной слитности с пролетариатом развивается в статьях Неймана. Для него пролетарское происхождение писателя не может служить оправданием низкого художественного качества, слабые произведения он отказывается признать пролетарским искусством. Размышляя о том, что в настоящее время, когда культурный уровень масс еще очень низок, трудно ожидать быстрого появления художников-рабочих, хотя в принципе это и возможно, и желательно, Нейман добавляет: «Пока у нас нет такого художника, вышедшего прямо из рабочего класса. Творческие опыты рабочих в области словесного и изобразительного искусства по большей части не поднимаются над уровнем дилетантских попыток, либо остаются в привычных рамках нынешнего искусства „для простонародья“»¹⁰.

В то же время Нейман видел трудности, стоявшие на пути к искусству «для пролетариата» перед художниками из интеллигенции, и считал, что преодолеть их можно только на путях «теснейшего сближения с пролетариатом, идейного и боевого слияния с его делом. Ни в коем случае не под давлением извне, а в результате внутренней потребности»¹¹.

Именно в смысле высоких идейно-художественных требований и следует, как мне кажется, понимать высказывание Неймана о том, что единственной основой пролетарского искусства может быть авангард пролетариата: не на средний, тогда еще низкий, мыслительный и культурный уровень массы рабочих должен равняться пролетарский художник, а на высокие духовные и эстетические запросы самой передовой части рабочего класса.

Нейман резко выступал против всех, кто считал гибельным для искусства лозунг «искусство — оружие революции» («Искусство в социальной революции», 1923), но полагал, что пролетарский художник должен в первую очередь заботиться не об «искусстве», не о «реализации эстетических теорем», а о том, чтобы принести пользу пролетариату и революции. В статьях 1923 года Нейман заявляет, что единственным искусством, которое в данный исторический момент может найти дорогу к пролетариату и быть ему полезным, является искусство агитационное. Все другие виды и жанры искусства кажутся ему достоянием буржуазного искусства. В этом тезисе обнаружилась к 1923 году самая большая слабость программы Неймана. И все же исследователи не совсем точны, когда говорят, что Нейман приходил к дилемме «искусство — или служение революции», «попиравшей» искусство «во имя непосредственной агитации». Провозглашая, что стихи должны быть «простыми, ясными и действенными, как лозунги», он не уравнивал их с лозунгами, по-преж-

⁹ «Rudé právo», 1921, № 190.

¹⁰ S t. K. N e u m a n n. O umění, s. 196.

¹¹ Ibid., p. 198.

нему был непримиримым противником суррогатов, «срифмованных по шаблонам социалистических речей». «Агитационное искусство,— писал поэт,— чтобы быть таким, в каком мы нуждаемся, должно взойти из горячих и преданных сердец, которые также очень редки»¹².

Можно понять стремления, которыми руководствовался Нейман: он хотел завоевать права гражданства для презираемой эстетствующей публикой агитационной поэзии, творцы которой отказались от поэтического тщеславия и отдают свой талант революционному народу. Верно и то, что потребность в агитационном искусстве была тогда действительно велика. И тем не менее абсолютизация агитационного искусства была слабостью Неймана. Но можно ли в этом видеть его родство с Пролеткультом?

Поэты русского Пролеткульта воспевали пролетариат, его труд, его революцию, но это еще не была подлинно агитационная поэзия, которую представлял, например, Маяковский. Более того, некоторые теоретики Пролеткульта прямо выступали против служения искусства задачам агитации. А. Богданов, например, считал, что надо бороться против преобладания в пролетарской поэзии агитационного начала. «Гражданско-агитационное сужение поэзии,— утверждал он,— неблагоприятно отражается на самой ее художественности, которая по существу и есть ее организующая сила»¹³. Он резко возражал против того, чтобы пролетарские поэты учились у «кривляющегося интеллигента-рекламиста Маяковского».

По типу поэзии своих «Красных песен» и по своим взглядам Нейман был ближе в советской поэзии не Пролеткульту, а именно Маяковскому, считавшему тогда поэтом лишь того, «кто напишет марш и лозунг». С Маяковским роднит Неймана его основной тезис об искусстве — оружии революции, его призыв «наплевать на храмы искусства» и салонных знатоков и идти в гущу борьбы. У них были и общие «перехлесты», вроде категорического зачисления интимно-лирической темы по ведомству буржуазного искусства, «перехлесты», от которых они сами вскоре откажутся в своей творческой практике.

Неймановский взгляд на значение агитационного искусства не разделяли другие теоретики чешской пролетарской литературы, и его влияния не следует преувеличивать. Между тем исследователи нередко именно к этому положению Неймана сводят чуть ли не всю концепцию пролетарского искусства, а возникновение поэтизма рассматривают как реакцию на это сужение программы новой литературы. Однако это не совсем так.

Уже в 1922 г. в «Деветсиле» проявились тенденции, которые можно было бы назвать «предпоэтистскими»: ориентация на поэзию французского модернизма, выдвигание на первый план задачи «развлекать» пролетариат, творить в духе популярных «детективов», ковбойских фильмов и т. д. Все эти лозунги поначалу выдвигались в качестве программы пролетарского искусства, признававшегося конечной целью. В изданном под конец 1922 года «Революционном сборнике Деветсил» провозглашалось, в частности: «Не рассказы из жизни бедноты, не описания шахт и заводов, а картины тропиков и дальних стран; поэзия свободной и активной жизни — она принесет рабочим не факты, которые угнетают, а образы и видения, которые вдохновляют и придают сил!»¹⁴. Здесь же говорилось об искусстве как о духовной «гигиене» и «акробатике», проводились непосредственные параллели между искусством и машинным производством. По существу здесь уже содержались основные лозунги поэтизма, но они еще соседствовали с лозунгами пролетарской литературы (в сборнике были также произведения Волькера, Незвала, Сейфerta,

¹² S t. K. Neumann. O umění, s. 213.

¹³ А. Богданов. Наша критика.— «Пролетарская культура», 1918, № 3.

¹⁴ «Revoluční sborník Devětsil». Praha, 1922, s. 16.

Ванчуры и др.) — пролетарское искусство отнюдь не отвергалось, была лишь сделана попытка предложить иной его вариант.

В выпуске сборника не принимал непосредственного участия Волькер, который, познакомившись с ним, остался крайне недоволен его содержанием. Он писал Пише: «Сборник Деветсила доказал, что лозунг „пролетарского искусства“, который когда-то мы оба провозглашали, становится почти что насмешкой»¹⁵.

Противоречивость сборника хорошо почувствовал Гора. Разбирая его в «Руде право», Гора заметил: «Теоретически это марксизм, по крайней мере они на него ссылаются. Но практически это современные художественные направления Запада, в литературе и живописи разбивающие устоявшиеся формы буржуазного искусства и ищущие материал для своего творчества вне индивидуального психологизма, в котором тонуло искусство XIX века. Итак: ничего социалистического, а всего лишь нечто, отрицающее ныне существующий буржуазный вкус»¹⁶. Гора призывал молодых увидеть «новую коллективистскую красоту» не в «материалистических» радостях, а всюду, где проявляется воля, активность пролетариата, его мечта о будущем: «В отношении мужчины к женщине, человека к человеку, рабочего к труду лежит тайна новой пролетарской культуры»¹⁷. Возражая Деветсилу, Гора ратовал таким образом за человеческое в искусстве. Против новых устремлений Деветсила выступил и Нейман в статьях 1923 года («К вопросу об искусстве классовом и пролетарском», «Искусство в социальной революции», «Агитационное искусство»). Он отказался признать опыты будущих поэтистов пролетарским искусством и противопоставил им идею «искусства агитационного». Так что скорее суждения Неймана были реакцией на формирующийся поэтизм, чем наоборот... Но дело, конечно, не в этом. Историку литературы, разумеется, небезынтересно разобраться и в том, кто, когда и почему высказал ту или иную мысль, кто был более объективен, а кто — излишне горяч, но все же важнее дать объективную оценку концепций.

Полемические столкновения 1922—1923 гг. положили начало дискуссии между сторонниками пролетарской литературы и авангардистами, которая продолжалась на всем протяжении 20—30-х годов, отзвуки которой чувствуются и в нынешних спорах о том, каким должно быть социалистическое искусство.

Результатом стремления Деветсила определить свою новую позицию и явилась концепция поэтизма, выдвинутая ее авторами (Тейге, Незвал) в качестве программы подлинно революционного искусства в противовес концепции пролетарской литературы, которая была теперь объявлена «немарксистским заблуждением и эстетической бессмыслицей» (Тейге).

К этому времени обстановка в Чехословакии существенно изменилась. Начавшийся спад революционного движения, стабилизация капитализма — все это порождало настроения усталости и разочарования, которые не могли не отразиться и на литературе. К этому прибавились обстоятельства субъективного порядка. Умер Волькер, самый талантливый и авторитетный из молодых пролетарских поэтов, самый проникательный из теоретиков новой литературы, человек прочных убеждений и неутомимой энергии. Разочарование в чешской пролетарской литературе, которая в лице Деветсила так скоро отказалась от своих идеалов, переживает Нейман. Субъективно он остается верен идее пролетарского искусства, но в последующие годы практически покидает арену литературных боев.

¹⁵ J. W o l k e r. Listy přáteli. Praha, 1951, s. 82.

¹⁶ J. H o r a. Poezie a život, s. 42, 43.

¹⁷ Ibid., p. 46.

От пролетарской поэзии постепенно отходит Гора. Между тем изменявшаяся обстановка вынуждала задуматься над задачами литературы в новых условиях. Тогда-то и была предложена программа поэтизма.

Примерный ход рассуждений ее авторов мог быть следующим. Пролетарская поэзия оказалась не в состоянии вызвать революцию, следовательно, ее создатели напрасно растрачивали свои силы. Они ошибочно представляли себе миссию поэзии. Агитация за социальную перестройку общества — дело профессиональных политиков, журналистов, газетчиков. Область же поэзии — «чистый лиризм», который она призвана культивировать в «поэтических лабораториях», воспитывая гармонического человека будущего.

Поэтисты считали свою программу антидекадентской, поскольку важнейшим ее постулатом было радостное восприятие жизни. «Великое открытие поэтизма — счастье», — писал Тейге. Революционное искусство отныне не должно было изображать тяготы жизни, и без того хорошо известные каждому рабочему, его задача — учить людей «жить и наслаждаться жизнью», чтобы «превратить жизнь в великолепное развлекательное предприятие»¹⁸.

Если в программе пролетарской литературы центральное место занимала пролетарская тенденциозность, то для поэтизма главным признаком нового искусства стала форма, стилевые особенности, восходящие к «модерным» направлениям в современной западноевропейской литературе. От этих направлений, прежде всего от Аполлинера, вели поэтисты родословную нового искусства. Свою программу они противопоставляли «мрачному и абстрактному» экспрессионизму и на первых порах — сюрреализму, хотя с последним у поэтизма было много общего, что впоследствии поэтисты открыто признавали; и не случайно продолжением поэтизма в чешской литературе стал в 30-е годы именно сюрреализм.

В позициях «изобретателей» (термин Незвала) поэтизма было определенное различие.

Тейге, который наиболее активно разрабатывал программу поэтизма, рассматривал его как «новую эстетику и философию искусства, новый взгляд, новую теорию, концепцию нового творчества и новой жизни. Говоря словами первого манифеста: поэтизм как искусство жить, поэтизм как функция жизни и одновременно реализация ее смысла, поэтизм как *modus vivendi*»¹⁹. «Поэтизм, — разъяснял он в 1928 г., — был задуман как определенная новая философская и эстетическая система, как вероисповедание конца тысячелетия; если он стал наряду с этим школой и поэтикой, то это не входило в намерения его авторов и они не несут за это ответственности»²⁰.

Незвал также считал, что поэтизм это — «способ смотреть на мир, чтобы он стал стихотворением», по его больше волновали вопросы поэтики, поэтического ремесла. В качестве краеугольных камней нового искусства он выдвигал в 1924 году («Попугай на мотоцикле») примат поэтической фантазии, принцип свободных ассоциаций, ассонансную рифму и т. д. В то же время он не терял веры в общественно-революционную силу нового искусства: он полагал, что с буржуазней эффективнее бороться не обличениями и разоблачениями, а «революцией веселья», которую провозглашал поэтизм («Депеша на колесиках»).

Б. Вацлавек, начинавший как теоретик пролетарского искусства, но затем перешедший на сторону поэтизма, пытался дать его обоснование с точки зрения социологии. Развитие искусства он ставил в непосредствен-

¹⁸ «Host», 1924, № 9—10.

¹⁹ Цит. по: K. S h v a t í k. Ibid., p. 254.

²⁰ Ibid., p. 252.

ную зависимость от уровня техники, а из факта прогрессирующего разделения труда в обществе делал вывод о необходимости строго разграничить сферы искусства и политики. Он не разделял мнения, что поэтизм означает борьбу с буржуазным обществом. Утверждая, что «искусство в период империализма не имеет никаких других задач, кроме эстетических»²¹, он видел правомерность поэтизма в выработке «новых форм», которые будут затем использованы искусством бесклассового общества.

При всех этих оттенках общим в концепции поэтизма оставалось отрицание пролетарской тенденциозности искусства, «чистый лиризм», культивирование «эмоций» и «новых форм». Правда, в статьях Тейге, в работах Вацлавека речь шла и о «полезном, целенаправленном творчестве — конструктивизме» (архитектура, прикладные искусства, строительство нового общества вообще). Но это не меняет дела, ибо именно за счет признания конструктивизма достигалось полное «очищение» поэзии от «внеэстетических» задач.

К. Хватик пишет: «Часто ставится вопрос: было ли обращение Деветсила к конструктивизму и поэтизму дальнейшим развитием в новой объективной ситуации революционного и материалистического понимания мира, или же в эволюции художников Деветсила произошел принципиальный перелом, выразившийся в том, что они дезертировали от революционного мировоззрения и перешли на позиции буржуазии»²².

Действительно, в литературоведении начала 50-х годов поэтизм обычно расценивался как переход на позиции буржуазии. Еще в 1955 г. можно было встретить такие категорические определения: Деветсил — «литературное объединение, вначале провозгласившее принципы пролетарского искусства, но затем деградировавшее, скатившееся на позиции буржуазии»²³, поэтизм — «буржуазное декадентское направление»²⁴ и т. д.

В последующие годы от огульного осуждения поэтизма отказались прежде всего в чехословацком литературоведении и постепенно наметилась прямо противоположная точка зрения. Наиболее широко и обстоятельно она изложена в монографии К. Хватика «Бедржих Вацлаvek и развитие марксистской эстетики», явившейся первым серьезным исследованием по вопросам чешской эстетики межвоенного периода. Автор пришел к выводу: «В авангардном искусстве не было отхода от классового понимания действительности, от революционного и материалистического видения мира. Произошел лишь, в соответствии с изменением общественной ситуации, с новыми возможностями и потребностями объективного развития, сдвиг, переоценка этой революционности. От конкретных задач раскрытия этической стороны революции, проблемы индивидуума и коллектива, действия и моральной ответственности, от страстных призывов к революции и конкретной агитации центр тяжести поэзии переместился на революционность более широкого плана, на борьбу за полное, всестороннее развитие человека»²⁵.

Точка зрения на поэтизм как на разновидность буржуазного искусства опиралась на оценку, данную этому течению чешской пролетарской критикой в 1925 г., когда Фучик в статье «Ликвидация культа Волькера» писал, что Деветсил «целиком находится в линии развития буржуазной литературы»²⁶. При этом умалчивалось, что уже в следующем году Фучик изменил свое негативное отношение к поэтизму.

²¹ V. V á c l a v e k. Poesie v pozpacích. Praha, 1930, s. 217.

²² K. S h v a t í k. Ibid., p. 79.

²³ Н. Н и к о л а с е в а. Предисловие к кн.: Ю. Ф у ч и к. Избранное. М., 1955, стр. 5.

²⁴ П. К л е й н е р. Примечания к той же книге, стр. 577.

²⁵ K. S h v a t í k. Ibid., p. 83—84.

²⁶ J. F u č í k. Stati o literatuře. Praha, 1951, s. 84.

К. Хватик как раз и опирается на характеристику, данную поэтизму Фучиком в 1926 г., на позитивные высказывания о поэтизме (по преимуществу середины 20-х годов) Горы, Шальды и др. «Ядро революционной и прогрессивной критики,— пишет К. Хватик,— от Фучика и Вацлавека до Шальды — за исключением Неймана и Вейскопфа — приветствовало поэзию Деветсила как новаторское деяние, вырастающее в сущности на основе материалистического, революционного понимания мира, продолжающее художественное развитие чешской литературы»²⁷. При этом исследователь в свою очередь не вспоминает, что Фучик вовсе не сразу принял поэтизм, а к концу 20-х годов вновь стал относиться к нему критически, что у того же Горы есть и критические отзывы о поэтизме, что даже Вацлавек к 1930 году пришел к выводу, что «... во многих поэтических стихотворениях можно увидеть буржуазно-классовую окраску...»²⁸.

Разноречивость оценок межвоенной критики объясняется и тем, что изменялся сам поэтизм, и тем, что менялись позиции критиков, и тем — это главное,— что поэтизм был явлением глубоко противоречивым.

На вопрос, как он ставился в литературоведении начала 50-х годов и как его формулирует К. Хватик в своей монографии,— о том, что такое поэтизм: «переход на позиции буржуазии», или «дальнейшее развитие революционного понимания мира», — нельзя, как мне кажется, дать правильного ответа, потому что вопрос поставлен неправильно. Он сформулирован так, что отрицание тезиса «поэтизм — переход на позиции буржуазии» оказывается сразу же признанием того, что он был «дальнейшим развитием революционного понимания мира» — и обратно. А между тем поэтизм явление настолько сложное, что его невозможно определить так однозначно.

Поэтизм не был переходом на позиции буржуазии. Большинство его сторонников поддерживало КПЧ: Незвал вступил в компартию именно в 1924 году. Это было течение внутри лагеря левых художников. Передовые общественные взгляды явились основой эволюции лучших представителей этого течения к социалистическому реализму. Но нельзя ставить знака равенства между политическими воззрениями художников Деветсила и концепцией поэтизма. И писатель-коммунист не застрахован от эстетических заблуждений, от ошибок.

Обычно говорят, что поэтизм был дальнейшим развитием революционного понимания мира, ибо он отвергал узость и ограниченность концепции пролетарской литературы и выступал за раскрытие человека во всей его полноте. Это было бы верно, если бы поэтизм отвергал в концепции пролетарской литературы действительно ее слабости, вроде тех очевидных ошибок Неймана, о которых уже шла речь. Тогда он представлял бы новую ступень в развитии марксистской эстетики, вне зависимости от того, что он нес бы с собой какие-то новые ошибки. Но суть дела заключается в том, что отвергнуты были не только и не столько слабости программы пролетарской литературы, и в первую очередь вовсе не они, а самое ее существо, основные принципы гражданственности, классовой тенденциозности, партийности революционного искусства. Вместе с тем поэтизм, беря человека вне его социальных связей, вне его гражданских страстей, очень сужал и ограничивал представление о человеке, эмоции которого, не говоря уже о мыслях, порождают не только штильными переживаниями и зрительными впечатлениями.

К. Хватик, вслед за теоретиками поэтизма, видит его революционность прежде всего в культивировании эмоций. «Поэзия должна

²⁷ К. Chvatík. Ibid., p. 82.

²⁸ «Сin», 1929—1930, № 33, s. 787

была статья, — пишет он о поэтизме, — прямым инструментом развития человеческой эмоциональности, чувствительности и воображения»; обогащая человека, она учила его «воспринимать поэтичность будничной жизни<...>. В этом она была враждебна буржуазному обществу, в этом была ее более общая прогрессивная общественная функция в период капиталистической конъюнктуры»²⁹.

Эти рассуждения вызывают несколько замечаний. Начнем с того, что всякая настоящая поэзия обогащает эмоциональный мир человека — почему же считать это привилегией одного поэтизма? В целом ряде стихотворений Незвала поэтистского периода великолепно передана поэтичность обыденных вещей, но ведь еще раньше это было и в поэзии Волькера. Наконец, настоящая поэзия — всегда человечна и тем самым враждебна бесчеловечному капиталистическому строю — причем не только в период «капиталистической конъюнктуры»... Так можно ли на столь общих положениях строить доказательство подлинной революционности данного литературного течения? Не является ли это слишком большой натяжкой?

Мне представляется, что исследователь воюет с воображаемым противником, а представление о буржуазном обществе, которым он оперирует, оказывается упрощенным. Можно признать, что в поэтистских лозунгах радости и счастья отразилось субъективно-бунтарское отношение их авторов к монотонной буржуазной действительности. Но был ли бунтарским их объективный смысл? «Веселость» поэтизма достигалась за счет отказа от изображения суровой правды жизни, за счет облегченного, «праздничного» восприятия мира. Декларативное утверждение радости не получало в поэтизме никакого социального осмысления, которое только и было в состоянии придать ему взрывную революционную силу. Не забудем также, что как раз в период «капиталистической конъюнктуры» восхваление материальных благ, наслаждений и развлечений, которые может предоставить человеку процветающее капиталистическое общество, стало одним из звеньев демагогической буржуазной пропаганды, пытавшейся запугать народ призраком «голодного, нищего и бездомного»... социализма. Вот еще почему пролетарские критики так резко отвергали поэтистскую «революцию веселья», которая по сути дела оборачивалась «весельем без революции», «весельем вместо революции» — каковы бы ни были субъективные намерения авторов концепции.

Поэтисты видели свое призвание в «революции формы», считая, что тем самым ведут борьбу против буржуазного искусства и буржуазии вообще. В манифесте «Хватит Волькера!», опубликованном анонимно в девятисиловском журнале «Пасмо» (его автором обычно называют Ф. Галаса) и отвергавшем творчество этого «последнего плохого идеологического поэта», утверждалось, например, что формальное новаторство для буржуазии гораздо опаснее, чем революционные идеи: «Поэт классовой борьбы был произведен в поэты общенациональные, его пролетарское бунтарство ему простилось за его художественную робость»³⁰. Не будем касаться проблемы мнимой «художественной робости Волькера», рассмотрим вопрос по существу.

Новое в искусстве всегда вызывает недовольство ревнителей устойчивости и стражей незыблемых канонов. Но недовольство это может быть очень разным. Еще Фучик в ответе на антиволькерровский манифест утверждал, что если некоторые буржуазные критики («престарелые господа») и возражают против девятисиловцев, то делают они это весьма традиционно: «как всегда возмущались экспериментами нового поэтического на-

²⁹ K. Chvatík. Ibid., p. 84.

³⁰ «Pásmo», roč. I, 1925, № 7—8

правления». Авангардистские течения, возникавшие в различных странах в начале века и в межвоенный период и отличавшиеся, как правило, эпатажем распространенных вкусов, обычно встречались буржуазной критикой в штыки. Но со временем та же буржуазная критика и буржуазная публика оказывалась вполне в состоянии «переварить» и освоить все самые изощренные изобретения авангардизма, более того — слобистское его «понимание» ныне стало на Западе прямо-таки признаком «хорошего тона». И по-прежнему для буржуазного общества абсолютно неприемлемо искусство большой жизненной правды и смелой социалистической гражданской ответственности, хотя буржуазная критика и пытается иногда, как это было в Чехословакии с Волькером, присвоить того или иного революционного художника, фальсифицируя его творчество.

Поэтисты заблуждались — не будем их за это судить, тем более, что лучшие из них, как Незвал, в большей части своего творчества были подлинно революционными поэтами. Но сегодняшнему исследователю, памятуя уроки истории, вряд ли стоит повторять поэтистский тезис о том, будто революционным может быть искусство, не имеющее революционной тенденции, будто какая бы то ни было форма может быть сама по себе — антибуржуазной.

Современные критики поэтизма неточны, когда осуждают поэтизм за то, что он выдвигал в качестве лозунгов. Счастье, радость, веселье, полет фантазии, свобода эксперимента — ведь все это абсолютно необходимо для поэзии! Но беда в том, и это исследователь должен показать, что все это понималось в поэтизме очень узко, ограниченно, иллюзорно, без социального осмысления. Точно так же неверно осуждать поэтизм за то, что он превозносил, к примеру, «свободу ассоциаций», но надо видеть его ограниченность и, в конечном счете, эстетическую обреченность в том, что он а б с о л ю т и з и р о в а л определенные художественные приемы, категорически отрицал возможности реалистического метода, в отличие даже от пролетарской литературы начала 20-х годов, был в вопросах формы догматическим и нетерпимым.

Все сказанное выше не позволяет, как мне кажется, считать концепцию поэтизма «дальнейшим развитием материалистического и революционного видения мира». Но это вовсе не значит, что, оставаясь даже только в области программ и деклараций, в поэтизме решительно все надо отбросить с порога, как это нередко делалось. Не потеряли ценности вдохновенные рассуждения Незвала о поэтическом ремесле; серьезного изучения заслуживают труды Вацлавека 20-х годов, где при всей механистичности подхода к проблеме есть интересные наблюдения над положением искусства в капиталистическом обществе. Полезные моменты можно извлечь и из работ Тейге. Но непременно условием должна быть объективная критика ошибочных положений авангардистской теории.

Тем более неправильно игнорировать художественную практику поэтистов — и надо с удовлетворением признать, что в последнее время такое нигилистическое отношение уже окончательно преодолено. Влияние концепции поэтизма очень широко проявилось в чешской поэзии середины 20-х годов. Но нельзя ставить знака равенства между теорией и практикой поэтизма. Художественные произведения создавались под воздействием не только эстетических программ, но всего мироощущения писателя, всей общественной атмосферы. Практика больших художников всегда оказывалась шире, богаче, ближе к жизни, чем это предписывали авангардистские программы. Именно с художественной практики началось преодоление программы поэтизма. Проследить эти процессы — увлекательная задача для исследователя, но для этого надо отказаться от упрощенных (в «ту» или «другую» сторону — безразлично) оценок.

Пример диалектического отношения к поэтизму можно найти в чешской марксистской критике уже в 20-е годы, если только следить за логикой развития литературных дискуссий, а не просто подбирать высказывания «за» или «против» поэтизма и делить критиков на его «врагов» и «друзей». Мне это хотелось бы показать на материале, который литературоведы до сих пор обходили, — на материале журнала «Авангарда»

«Авангарда» — «журнал студентов и рабочих» начал выходить в 1925 г. В его первую редколлегия входили Ю. Фучик, Я. Шверма, И. Секанина, В. Клементис, Ф. Вейскопф, И. Вейл. Знаменательно, что уже первый номер журнала вышел в свет с пометкой «после конфискации исправленное издание». Впередовой статье первого номера «Авангарда» («орган революционно-пролетарской, то есть марксистской интеллигенции») провозглашала, что у интеллигенции может быть только один путь — с революционным пролетариатом. В журнале широко освещались проблемы интеллигенции, студенчества, обсуждались вопросы марксистской теории, печаталось много материалов о Советском Союзе. Большое место в нем заняли вопросы литературы. «Авангарда» словно бы приняла знамя пролетарской критики начала 20-х годов.

Центральной проблемой литературной части журнала стала проблема поэтизма. В № 2 была перепечатана статья (а вернее — памфлет) «Поэтизм» из журнала словацких пролетарских писателей «ДАВ» с подзаголовком «набросок к дискуссии», в которой поэтизм характеризовался как «культурный продукт буржуазного мира, находящегося в состоянии трупного разложения», как «эпигонство эпигонов, которые вырядились в тряпки, отброшенные парижским денди»³¹. В следующем номере была напечатана известная статья Фучика «Ликвидация культа Волькера» и пародия Ф. Бранислава на «Экзотическую любовь» Незвала, где поэтистский журнал «Пасмо» был назван «новейшим искусством из пражского бара». Элемент пародирования, высмеивания по отношению к поэтизму был сохранен и в последующих номерах «Авангарды», однако стиль ее выступлений существенно отличался от уничижительных социологических определений первых номеров журнала «ДАВ». Так, «Замечания к вопросу о поэтизме» Вейскопфа в № 4 соединяли остроумные сатирические выпады («Африка на Жижкове» — о поэтистских стихах Сейферта) с серьезными аргументами. Здесь уже ясно обозначилось стремление не столько «раскритиковать» поэтизм, сколько показать его сторонникам ошибочность их взглядов, переубедить их.

«Это правда, — обращался Вейскопф к Сейферту, — что „Город в слезах“ не обнимал весь мир, но ведь и новая книга Сейферта тоже его не обнимает: терраса ресторана, пусть даже парижского, еще не есть весь мир, жизнь складывается не только из блеска и цветов, а рядом с мисс Гада-Нижи все еще живет безрукий инвалид и рабочий с Чешско-моравских заводов»³². Вейскопф вскрывает иллюзорность представлений поэтистов об антибуржуазной «революции формы»: «Формальная революция сегодня уже никого не страшит, современный буржуа ее не боится, напротив, он ее принимает:

Микадо у жены

Прамполини в столовой

Новый Кокто на ночном столике (производство Weimarerbauhans)

Стравинский на первом месте в музыкальном кредо — таков ответ современного мещанства на революцию формы. On ne peut épater le bourgeois.

³¹ «Avantgarda», roč. I, 1925, № 2, s. 6, 8.

³² «Avantgarda», 1925, № 4, s. 9. Вейскопф противопоставляет образам поэтистского сборника Сейферта «На волнах Т. С. Ф.» популярные образы его первой пролетарской книги «Город в слезах».

Единственное его слабое место — счет в банке. *Ecrasser le bourgeois* — такъв новый лозунг и в искусстве»³³.

Приблизительно тогда же в буржуазном журнале «Пршитомност» его редактор, идеолог чешского «либерализма» Пероутка выступил со статьей о новой поэзии Деветсила, который он во времена Волькера разнесил в «Трибуне» за идею пролетарской поэзии. Теперь Пероутка вновь выступил критиком молодого поколения. Исследователи нередко упоминают об этом факте, который порой кажется им чуть ли не дополнительным аргументом в пользу революционности программы поэтизма. К. Хватик, например, пишет: «Напротив (в отличие от „ядра революционной и прогрессивной критики“ — *С. Ш.*), официальные идеологи буржуазной литературы от Арне Новака до Фердинанда Пероутки свирепо нападали на художественную концепцию Деветсила»³⁴. Представляется, однако, что дело обстояло сложнее.

Пероутка начал с того, что выразил в статье («Путь поколения от революции к водяным лилиям») явное удовлетворение по поводу того, что Деветсил так скоро отказался от программы пролетарской литературы, которую он, Пероутка, всегда считал непригодной для поэзии. Новая программа ему кажется куда более естественной и искренней: «Этот льющийся через край лиризм, в котором и печаль медовая и бархатная — это естественная отчизна всех молодых людей со свежими и неизуродованными инстинктами, которые жадно бросаются на впечатления, как пьяница на алкоголь. То, что писал г. Сейферт раньше, по большей части было маской, тем, чему он научился или что он выдумал. А его новая книжка — это истинная неотвратимая поэзия молодости. Он решил, наконец, быть тем, что он есть на самом деле»³⁵. Вместе с тем Пероутка не преминул поиздеваться, что поэтизм решительно все вокруг объявляет поэзией, что у Сейферта в стихах слишком много кулинарных деликатесов, что поэтизм воюет со знаками препинания и что здесь «эфирный поэт выбросил за дверь гражданина с его заботами».

Конечно, Пероутка никак не стал «другом» непочтительной поэтической молодежи, но надо видеть принципиальное отличие его критики от критики со стороны литераторов-марксистов. То, за что критиковали поэтистов их соратники по политическим убеждениям, — отказ от волькеровских идеалов пролетарской поэзии — в высшей степени устраивало Пероутку, в этом он всячески старался их поддержать, а если он упоминал о гражданине, которого поэтисты «выбросили за дверь», если он утверждал, что на таких позициях, очень естественных для молодых людей, нельзя оставаться всю жизнь, ибо надо и взростеть, то тем самым он никак не хотел вернуть их к идеалам начала 20-х годов, а лишь наставить на путь respectable буржуазного благоразумия.

На выступление Пероутки тотчас же реагировала «Авангарда», где ДАВ, Фучик и Вейскопф решительно заявили, что их критика поэтизма не имеет ничего общего с позицией редактора «Пршитомности», которая была ими охарактеризована как «твердокаменно-филистерская».

Новые оттенки в полемику «Авангарды» с поэтистами принесла в последних номерах журнала выдвинутая им идея единого «левого фронта искусства».

Интересно обратить внимание на следующее. Незадолго перед этим в «Авангарде» (№ 6) была опубликована информация «Литературная политика русской коммунистической партии», где сообщалось об известной ре-

³³ «Avantgarda», 1925, № 4, s. 10. «Буржуа нельзя эпатировать... Раздавить буржуа» (франц.). Графически Вейскопф пародирует воззвания поэтизма.

³⁴ К. Chvatík. Ibid., p. 83.

³⁵ «Přítomnost», 1925, № 13.

зюляции ЦК нашей партии «О политике партии в области художественной литературы» (1925), отражавшей линию на объединение всех лучших сил литературы, идущих с пролетариатом.

Страстным пропагандистом идеи Левого фронта выступил в «Авангарде» Вейскопф. Он вновь и вновь пытался убедить поэтистов в ошибочности их позиции «блистательной изоляции» от всех жизненно важных проблем. Обыгрывая фразу из программной книжечки Незвала «Фальшивый марьяж» («нельзя хотеть от женщины, чтобы она родила колибри»), он пишет: «Нельзя хотеть от поэта, чтобы он воспевал резолюцию районной конференции партии где-нибудь в Постопоптах или зарифмовывал передовую статью „Подобрадских розгледов“. Но можно его призвать, чтобы он остался в двадцатом веке и не усаживался бы под стеклянный колпак. <...> Можно призвать его, чтобы он отказался от блистательной изоляции, в которой он все еще пребывает, и объединился с нами в единой сильной организации левого — в широком смысле слова — искусства.

Оставим карты!

Это был фальшивый марьяж.

Превратим зачастую абстрактную дискуссию на расстоянии в конкретную дискуссию и полемику внутри новой организации политически и художественно левого искусства!

Да здравствует единый Левый фронт в искусстве!»³⁶

Поначалу переговоры о создании Левого фронта шли успешно — судя по информации «Авангарды». Деветсил выразил свое согласие принять в нем участие. Однако потом дело остановилось. Но «Авангарда» и в следующем году продолжала ратовать за такую организацию. Вейскопф в № 4 за 1926 год вновь доказывал преимущества единой организации левых художников, опровергая опасения, что она будет некой «догматической казармой»: «Отбросим все, что еще мешает созданию Левого фронта. Отбросим весь саботаж в теории и на практике! Будем говорить открыто! Я обращаюсь к Карелу Тейге, к Сейферту, Незвалу, Гофмейстеру, Горс, ко всем, кто участвовал или согласился с первой подготовительной конференцией Левого фронта в декабре 1925 года <...>

И еще раз:

Превратим зачастую абстрактную дискуссию на расстоянии в конкретную дискуссию и полемику внутри новой организации политически и художественно нового искусства!»³⁷

Первая попытка создать организацию Левого фронта в середине 20-х годов не увенчалась успехом. Этому мешало сектантство Деветсила, недостаток опыта у инициаторов этой идеи, какие-то другие причины. И все же эта попытка, о которой в литературоведении забыто, была очень важна. То, что не удалось тогда, было осуществлено на рубеже 20—30-х годов — опыт первой неудачи наверняка сыграл в этом роль. Даже и неудавшаяся, эта попытка способствовала осознанию единства левых художников перед лицом буржуазного мира и его культуры, а борьба «Авангарды» за Левый фронт остается примером объективного и дружеского отношения к заблуждающимся художникам революционного лагеря, при всей требовательности и порой резкости критики в их адрес, отношения, которое станет впоследствии сильнейшей стороной чешской марксистской критики 30-х годов.

Так, уже в середине 20-х годов наметилась линия на объединение всех художников передовой общественной ориентации. Одновременно с этим процессом шла выработка единой концепции социалистической литерату-

³⁶ «Avantgarda», 1925, № 8—9, s. 13.

³⁷ «Avantgarda», 1926, № 4, s. 56.

ры, важной вехой на пути к которой была дискуссия 1929—1930 гг., когда была вновь подвергнута резкой критике авангардистская теория разделения искусства и политики.

В широкой концепции социалистического реализма, которая была разработана в 30-е годы, получили развитие на новом теоретическом уровне основные положения о партийности, классовости, гражданственности революционной литературы, положения, которые впервые были выдвинуты в программе пролетарской литературы. Вместе с тем были отброшены многие ее слабости, вроде тех ограничений, которые казались важными для С. К. Неймана в 1923 году. В 1937 году тот же Нейман писал: «Неправда, что нам может прийти по вкусу только определенное содержание. Наоборот, перед писателем-социалистом лежит вся объективная действительность почти в девственном состоянии». И далее: «Неправда и то, что мы можем предписывать социалистическому искусству форму, некий „изм“ ... Социалистический реализм — пока всего лишь указание, всего лишь предостережение против декадентских форм буржуазной эпохи. Конечно, социалистическая разработка содержания должна быть не только реалистической, но реалистической в самом широком смысле слова, предоставляющей огромную свободу форме»³⁸. И в этом — в отказе от регламентации художественных приемов, от канонизации каких-либо стилевых особенностей — концепция социалистического реализма развивала наиболее ценные наметки программы пролетарской литературы.

В то же время эта концепция, создававшаяся в ходе непрерывных полемик со сторонниками авангардистских теорий, строилась на критике этих теорий, на отбрасывании их ошибочных положений, их абсолютизаций в области формы, что, однако, не препятствовало обогащению концепции социалистического реализма ценными моментами, которые содержались в статьях и художественном творчестве авангардистов.

Формирование концепции социалистического реализма не обошлось без новых ошибок, каких-то перегибов и т. д., но в основе своей это был процесс необычайно плодотворный, отражавший формирование сильной и действенной чешской литературы социалистического реализма. Главным в этой концепции было выдвижение перед искусством больших общественных целей, требование верности жизненной правде и — во имя этого — яркого творческого дерзания. А если произведение соответствовало этим главным требованиям, то чешских критиков-коммунистов 30-х годов несколько не смущало наличие в нем «авангардистских» либо на них похожих стилевых особенностей, свойственных творческой индивидуальности того или иного художника.

Необходимо различать борьбу концепций в критике и наличие различных стилевых течений в художественном творчестве, учитывать, но не преувеличивать роль литературных группировок и теоретических манифестов. В развитие социалистической литературы внесли свой вклад представители различных литературных группировок и стилевых течений, и этот вклад в каждом конкретном случае определяется тем, насколько то или иное произведение отражало передовые идеи и было художественно совершенным.

Авторитет поэтизму создал прежде всего талант Незвала, некоторые особенности его творческой индивидуальности нашли отражение в его формулировках программы поэтизма. Но было бы неверно думать, будто бы теория поэтизма (если говорить о ее основных положениях, а не о частностях, не о тех проблемах «ремесла», которые занимали Незвала в те годы) была основной движущей силой его поэтической эволюции. Где-то в са-

³⁸ С. К. Нейман. Избранное. М., 1958, стр. 580—581.

мом начале интенсивные размышления поэта над тем, каково должно быть искусство поэтизма, очевидно помогли ему в поисках собственного стиля. Но стоит обратить внимание и на то, что одновременно с первыми формулировками поэтизма Незвал создавал свою книжечку о Волькере, поэте, обладавшем замечательным даром поэтически переосмыслить обыденные предметы и обыденные явления. В этом плане поэтизм Незвала продолжил традиции Волькера, хотя основное революционно-гуманистическое содержание его творчества Незвал очень высоко оценит лишь позже. Что же касается концепции жизни, отношения искусства к жизни, как оно было определено в поэтизме, то канонизация облегченно-праздничного восприятия действительности ослабляла силу художественной правды уже в первой поэтистской книге Незвала.

Это особенно очевидно проявилось в помещенной в «Пантомиме» (1924) пьесе «Депеша на колесиках», где Незвал попытался дать «новое», поэтистское понимание и изображение революции. «Так называемая мировая революция превратилась в маскарад», — сообщают из Европы, и это известие повергает торговцев в колоши в неопишуемый ужас («Это очень плохо. Пока текла кровь, у нас под руками была армия». «Да, пока так пазываемые революционеры слезно проклинали, нам было хорошо». «Веселье — оружие, против которого мы бессильны», и т. д.). Торговцы хотят сражаться с веселящейся толпой, но внимание масок, чуть было дрогнувших от вида ружей в руках торговцев, отвлекает клоун. Приведенные в замешательство тем, что никто не принял их вызова, торговцы стреляют друг в друга. Революция побеждает.

Никакого «эстетического чуда» не происходит и в других вещах из «Пантомимы», где Незвал скрупулезно придерживается «буквы» поэтизма, будь то рекламирование экзотики в «Экзотической любви», давшей столько пищи пародистам, или абсолютизация принципа свободных ассоциаций при полном нарушении логических связей, как в «Коктейлях», где поэт дошел по существу до самопародии, смешивая отрывочные фразы, написанные прозой, и рифмованные куплеты самого разнообразного и туманного содержания.

Но были в «Пантомиме» и другие стихи. «Мы были гораздо более национальными, чем думали и хотели», — писал о том периоде Незвал в своих воспоминаниях³⁹. Несравненно более поэтичен, чем в «Экзотической любви» с ее прекрасной негритяжкой, расчесывающей под пальмой золотую гриву тигрицы (вся эта история к тому же напечатана готическим шрифтом), Незвал там, где он обращается к родному краю, к деревне, к нехитрому быту провинциального городка. Комедианты из Техаса забрели в Тшебич — сколько радужных иллюзий пробудят они в воображении бедного сапожника и фабричной девчонки! («Паноптикум»). Целый мир с его радостями и горестями привозит с собой в маленький городок «Кочующий театр»: поэт с любовью и юмором передает подробности этого события, рассказывает о бенефисе актера и поэта Сваты Кадлеца. От деревни к деревне едут веселые маляры, чтобы все вычистить, побелить к празднику («Маляры»), и даже в самой маленькой деревушке бушуют страсти и разбиваются сердца («Сахарная баллада»).

В программной «Поэтике» поэтист мечтал о «шарлатанской эlegantности» и гротеске,

когда невыносимо станет дома за печью
убежать напрямик в Австралию

а в стихотворении «Весеннее» настоящий поэт, тоскующий по истинной

³⁹ V. N e z v a l. Z mého života. Praha, 1959, s. 116.

красоте, обрывает вдруг поток разноцветных «весенних ассоциаций» строфой-вздохом, строфой-полемикой:

А в нашем Провансе течет Иглавка
школьники в саду от земли освободили розы
ведь наша страна совсем иная
чем кафе Бельведер

Ощущение поэзии родной природы, обыденных проявлений жизни, обыденных предметов, которые поэт может сделать сказочными, не отдаляя их от человека, составляет прелесть таких циклов, как «Азбука» и «Неделя в красках». Конечно, Незвал попросту обыгрывает каждую букву, а какого цвета какой день недели — это его сугубо субъективное мнение. Но читателя покоряет шутливо-доверительная интонация, он увлекается игрой, забавным мельканием образов — понятных и веселых, вызывающих улыбку, — а это уже немало:

А
будь названо простою хижинкой
О пальмы перенесите экватор к Влтаве
у улитки есть собственный простой домик из
которого она рожики показывает
а человек не знает куда приклонить голову

И знаменательно, что не «убежать в Австралию» рвется поэт, а в лучшем случае иметь тропики дома, на берегах любимой Влтавы. А вот как появляется в «Азбуке» Франция:

IQ
через Германию во Францию
вольтерьяк со своими мехами по ветру плывет
ходские песни потихонечку
наигрывает на своей дудочке

«Слова самые будничные, — писал об „Азбуке“ Незвала Шальда, — получают здесь какую-то вторую напевность и новое сияние, которого от них и не ждал бы, и все это путем простого их расположения и сталкивания с другими словами». Этим стихам Шальда противопоставлял «Коктейли», о которых прямо говорил, что смысл их ему не доступен: «... они для меня погружены в глубокую тьму. На секунду темнота расступается, вырывается острый режущий луч света, но тотчас же все снова исчезает и тьма становится еще гуще, чем была раньше»⁴⁰.

Интересно, что уже Шальда, с симпатией анализируя поэтистские сборники Незвала, указывал на необходимость для поэта расширить жизненный материал, на который его поэзия опирается: «Поэзия его типа, чтобы не задохнуться от своих собственных ароматов в душной атмосфере парника, нуждается в возможно более широком и богатом приливе жизненного опыта, ибо его расход в такой лихорадочно несущейся поэзии превосходит все наши представления»⁴¹.

Положительные стороны в творчестве поэтов Деветсила, прежде всего в технике стиха, хорошо видел Гора. В журнале «Авангард» № 5 за 1925 г. он писал: «Я действительно ценю организованные усилия этих молодых в области формы, их заботу о слове, о новом его звучании, о новом характере образа, ассонанса и т. д. В этом труде чувствуется действительно социально-рабочее отношение к материалу и инструменту. Усилия поколения Деветсила в области техники ознаменовались уходом из-под власти старых синтаксических и ритмических традиций, модернизацией слова и стиха — это добрый знак школы». Но Гора поставил и во-

⁴⁰ F. X. Šald a. Studie z české literatury. Praha, 1961, s. 176.

⁴¹ Ibid., p. 180.

прос о том, связаны ли все эти достоинства с программой поэтизма, и пришел к отрицательному выводу: «Но эти положительные стороны совершенно не зависят от программы поэтизма, от его лозунга „чистого“ искусства, от его ниспровержений рационального и идеологического элемента». В исповедовании поэтизма Гора видел огромную опасность для молодых поэтов: «Тем, что Сейферт с Незвалом подписывают дефиниции поэзии как игры чувств, они, по моему мнению, предают не коммунизм, а свой собственный талапт, который однажды пресытится красивыми ни к чему не обязывающими безделушками и будет требовать более калорийной пищи, чем „все красоты мира“ — это старое рагу, за которым я скорее пойду к Бодлеру».

Он сравнивает поэтистов с чешскими декадентами 90-х годов, которые также создавали искусственный мир, но не смогли в нем долго оставаться и в конце концов «конформировали» свои художественные изыскания со своими гражданскими убеждениями. «Подобный счастливый конец будет, очевидно, и уделом поэтистов», — заключает Гора, утверждая, что «поэзия, точно так же как и жизнь, требует формы, но форма без истинного погружения в действительность есть ничто»⁴².

Дальнейшее развитие чешской литературы целиком подтвердило предвидение Горы. Те положительные стороны, которые были в поэтистских стихах Незвала, неизмеримо обогатившись, сохранились в его творчестве и впоследствии, но закономерностью движения поэта к его вершинным произведениям, начиная с поэмы «Эдисон», был отказ от канонической поэтистской теории, «конформирование» эстетических стремлений с гражданскими идеалами.

В творческой практике, в теоретических дискуссиях и полемиках складывались основные принципы единой концепции социалистического искусства, которая была отражением и теоретическим осмыслением центрального процесса в литературе XX века. Не выдерживало проверки временем все догматическое и косное, будь то вульгарно-социологические схемы, либо модернистские каноны. Но при всем бесконечном разнообразии творческих индивидуальностей и художественных приемов в социалистическом искусстве неизблемыми оставались его основополагающие принципы социалистической гражданственности, человечности, верности жизненной правде.

⁴² «Avantgarda», 1925, № 5, s. 5.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ ЧЕРЕДОВАНИЙ

В языкознании XIX в. чередования, как правило, рассматривались изолированно от морфем. Проблему чередований решали только как проблему фонетическую. Правда, против такого ее решения выступали в свое время еще И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский и Ф. де Соссюр. Последний в своем знаменитом курсе общей лингвистики учил: «Многие лингвисты до сих пор делают ошибку, полагая, что чередование есть явление фонетическое, основываясь на том, что материалом для него служат звуки и что в его генезисе участвуют их изменения. В действительности же, брать ли чередование в его исходной точке или в его окончательном виде, оно всегда является нам как нечто, относящееся к грамматике и синхронии»¹. В данном случае нельзя полностью согласиться только с утверждением заключительной части. В своей исходной точке большинство чередований восходит к позиционным фонетическим изменениям. Фонетические явления в результате новых закономерностей начинают переживать процесс фонологизации, т. е. процесс превращения аллофона в самостоятельную фонему. В языке возникают новые фонемы, взаимоотношения которых со старыми фонемами уже не определяются ни законами фонетики, ни законами фонологии. Формируются так называемые м о р ф о л о г и ч е с к и е чередования. В связи с этим в определенных грамматических классах единая морфема начинает выступать в различных алломорфах, что характеризует уже грамматические чередования. И. А. Бодуэн де Куртенэ справедливо писал: «... первоначальное побуждение (импульс) к возникновению альтернации имеет всегда чисто фонетическую или чисто антропофоническую природу»². Правда, в другом месте того же исследования он данное положение формулирует менее удачно: «... значительная причина появления всех без исключения альтернатив имеет всегда только антропофоническую природу»³. Дело в том, что в каждом славянском языке известны морфемы с чередованиями аналогического происхождения. Достаточно, например, привести чередование в русском глаголе *графлю — графись*. В данном случае действуют общие законы русской морфонологии.

Нельзя согласиться с Соссюром и в том, что чередования всегда относятся к синхронии. Проблема чередований существует и в диахронической лингвистике. Многие морфонологические чередования могут быть поняты и истолкованы только в аспекте диахронии.

Заблуждение, о котором говорил Соссюр еще в начале нашего века, в большой степени характерно и для современного языкознания. И теперь

¹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 148.

² И. А. Бодуэн де Куртенэ. Опыт теории фонетических альтернатив. В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. 1. М., 1963, стр. 280.

³ Там же, стр. 309.

большинство лингвистов видит в чередованиях лишь материал для изучения фонетических (в лучшем случае — фонологических) закономерностей языка. В самых новейших грамматиках современных славянских литературных языков чередования привлекаются лишь для характеристики фонетических особенностей⁴. В сравнительных грамматиках славянских языков, в университетских курсах старославянского языка чередования традиционно до сих пор включаются в фонетику. И теперь постоянно приходится указывать на недопустимость фонетической интерпретации чередований. «Почти во всех работах по общеславянскому языку индоевропейские чередования гласных рассматриваются в фонетике, тогда как совершенно очевидно, что в общеславянском языке они выступают уже как существенный фактор словообразования»⁵. Энергично борется с традиционным взглядом А. А. Реформатский: «Отнесение морфологических чередований в раздел фонетики, на мой взгляд, грубейшая ошибка. В этих явлениях ничего фонетического нет, что прекрасно доказал в свое время Бодуэн де Куртенэ»⁶. В славянском языкознании работы П. С. Кузнецова, в которых чередования всегда четко противопоставляются фонетическим явлениям, скорее исключение, нежели правило⁷. Менее последовательно разграничение проведено С. Шобером в его замечательном для своего времени описании польской морфологии⁸.

Итак, чередования нельзя понять и истолковать на фонетическом уровне языковой системы. А как обстоит дело в фонологии? Существуют ли в языке фонематические чередования? Положительно отвечает на этот вопрос Т. А. Белинская, которая недавно опубликовала монографию «Чередования в современном русском литературном языке (Опыт фонологического анализа)» (Тбилиси, 1963). Под фонематическими чередованиями Белинская понимает самые разнородные явления, так как чередования она связывает с «фонетико-морфологическими условиями». Здесь и типичные для русского языка морфонологические чередования, и грамматические чередования, и обычные позиционные фонетические изменения. Все это дано в работе нерасчлененно, без ясного понимания задач и границ фонологии, морфонологии и грамматики. В задачу фонолога, как известно, входит изучение количества фонем, их дифференциальных признаков, их дистрибуций, выяснение условий нейтрализации, определение вариантов фонем и т. д. Все эти проблемы могут решаться на разнородном в лексическом и грамматическом отношении материале, так как для фонолога важно прежде всего не тожество морфем, а позиция. Именно это объединяет фонетику и фонологию и четко противопоставляет обе эти науки морфонологии и грамматике. Фонологический анализ языка не зависит и не может зависеть от морфонологии и грамматики. «Прежде чем фонологический анализ того или иного языка будет завершен, — пишет Г. Глисон, — исследователь должен удостовериться в том, что результаты его не зависят от грамматики. Это означает, что он должен суметь описать фонематиче-

⁴ См., например, М. С т е в а п о в и ћ. Современни српскохрватски језик (Грамматични системи и књижевнojeзичка норма). Увод. Фонетика. Морфологија. Београд, 1964.

⁵ С. В. Б е р н ш т е й н. О некоторых вопросах сравнительно-исторического метода в языкознании. — «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 7, 1952, стр. 5.

⁶ А. А. Р е ф о р м а т с к и й. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, стр. 100.

⁷ П. С. К у з н е ц о в. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XI, вып. 1, 1952; Е г о ж е. Чередования в общеславянском «языке-основе». — «Вопросы славянского языкознания», вып. 1, 1954.

⁸ S. S z o b e r. Gramatyka języka polskiego. Część II. Słownia: fizjologiczna, psychologiczna, funkcjonalna i historyczna. Warszawa, 1931.

скую систему и обосновать правильность анализа, не прибегая к каким-либо морфологическим данным (за исключением простой констатации того, что пары высказываний действительно различаются)⁹. В данной статье я не берусь, вслед за многими современными лингвистами, утверждать, что структура языка не знает самостоятельного фонематического уровня («фонематического уровня репрезентации»). Этот сложный вопрос не может быть решен только на материале чередований. Однако с полной уверенностью могу сказать, что в плане задач морфонологии противопоставлять фонетику и фонологию нет никаких оснований. Весьма примечательно, что Н. С. Трубецкой, так много уделявший внимания изучению чередований, прошел мимо них в «Основах фонологии». И для этого у него были все основания.

Из сказанного было бы неправильно делать заключение, что морфонология и грамматика в свою очередь в такой же степени не зависят от фонологии, что описание грамматического строя языка возможно без предварительного фонологического анализа. Морфонология могла возникнуть только после создания фонологии, так как она исследует чередования фонем, а не звуков. Результатами фонологического анализа постоянно пользуется грамматист. «Морфологию следует описывать с помощью морфем, которые в свою очередь следует характеризовать, исходя из фонематической системы языка. Другой удовлетворительной и адекватной основы для сколько-нибудь научного описания языка нет. Препятствием для дальнейшего, более правильного понимания грамматики языка чаще всего является несовершенный и недоведенный до конца фонематический анализ, т. е. обычно такой, при котором адекватно проанализированы только гласные и согласные»¹⁰.

В область чередований мы впервые вступаем только на уровне морфонологии, т. е. области, которая занимает промежуточное положение между фонетикой и фонологией, с одной стороны, и грамматикой, с другой.

Создателем морфонологии является Н. С. Трубецкой. Впервые он изложил свои соображения о новой лингвистической науке в статье «Sur la „Morphologie“», опубликованной в первой книге «Travaux du Cercle Linguistique de Prague» (1929). Однако в этой первой статье автор не дал точного определения новой дисциплине, ограничившись отдельными иллюстрациями и примерами, которые не могли быть полно интерпретированы в рамках фонетики и грамматики. Здесь он ограничился лишь самым общим указанием на то, что морфонология изучает фонологические различия в морфологии. Именно в этой статье впервые употреблен термин «морфонология». Более обстоятельно вопрос о содержании новой науки изложен Н. С. Трубецким в статье «Gedanken über Morphologie», опубликованной в той же пражской серии через два года. Здесь Трубецкой характеризует тот круг явлений, который подлежит ведению морфонологии. Это учение о фонематической структуре морфем, учение о комбинаторных изменениях морфем в условиях их сочетаний и, наконец, учение о чередующихся рядах фонем, выполняющих морфологические функции¹¹. Это определение задач и объема морфонологии не раз критически обсуждалось в последнее десятилетие. Справедливо указывалось, что фонематическая структура морфем должна изучаться в грамматике (в словообразовании). Для этих целей не нужно создавать специальной науки. В грамматике же

⁹ Г. Г л и с о н. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 243.

¹⁰ Там же, стр. 243—244.

¹¹ N. S. T r u b e t z k o y. Gedanken über Morphologie.— «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 1931, № 4, S. 160—163.

должны изучаться все условия функционирования алломорф в различных условиях. Здесь мы имеем дело с так называемыми грамматическими чередованиями. Можно вполне согласиться с А. А. Реформатским, который указывает, что включение в морфологию комбинаторных изменений морфем на их стыках «не характеризует сути явления»¹². Не вызывает никаких сомнений лишь третий пункт Трубецкого: морфология — это та область науки о языке, которая ведает изучением чередований фонем в тождественных морфемах, изучением чередующихся рядов фонем в связи с их морфологической функцией. Обычно этот тип чередований принято называть м о р ф о л о г и ч е с к и м, так как он выполнял или выполняет и ныне определенные морфологические функции. Однако он подчинен своим особым морфологическим законам и существенно отличается от грамматических чередований, о которых речь будет идти ниже. В данном случае не следует забывать, что морфология является частью грамматики. Вот почему чередования фонем в тождественных морфемах вернее называть м о р ф о л о г и ч е с к и м и чередованиями. К морфологическим чередованиям относятся все случаи аблаута, чередования, обусловленные праславянскими палатализацияционными процессами, судьбой сверхкратких ъ и ѣ и ряд других явлений¹³.

Морфологические чередования обнаруживаются в тождественных морфемах. Однако при изучении языков нам приходится иметь дело с тождеством различного характера. В случаях типа *несу — носить, умер — умирать, беру — сборы* и т. п. представлено с и н х р о н и ч е с к о е тождество морфем, тождество, которое характеризует современную систему языка. Напротив, в случаях типа *колоть — челюсть — чёлн — клык* мы вступаем в область д и а х р о н и ч е с к о г о тождества, тождества, уже давно утраченного в процессе языковой эволюции. Морфология имеет дело с тождеством синхроническим и диахроническим. «Никогда не следует упускать из вида морфологическую систему, — пишет Н. С. Трубецкой, — не только в описаниях дескриптивных (синхронических), но и в исторических (диахронических)»¹⁴. В случаях диахронического тождества лингвист будет оперировать с морфологическими диахроническими чередованиями. Именно к такому типу следует отнести чередования в *коса — чесать, конец — начало, чистить — педить* и под. Однако морфологические диахронические чередования могут охватывать ряд случаев с синхроническим тождеством морфем. Это случаи типа *беру — сборы, несу — заносы* и под. Сюда относятся многие случаи аблаута.

Морфологические синхронические чередования могут быть продуктивными и непродуктивными. Иногда один и тот же ряд чередований в одних грамматических условиях будет продуктивным, в других — непродуктивным. Так, морфологическое чередование *о : а* в русских глаголах *выстроить — выстраивать, высмотреть — выматривать, заморозить — замораживать, успокоить — успокаивать* будет продуктивным. О продуктивности данных морфологических чередований при образовании глаголов несовершенного вида с помощью суффикса *-ива-* (*-ыва-*) свидетельствуют современные разговорные образования типа *обуславливать, приурочивать, подитаживать* и др. Вне указанных грамматических условий чередование *о : а* в русских глагольных морфемах будет непродуктивным.

Вопрос о продуктивности или непродуктивности рядов морфологических чередований нельзя решать статистическим методом. Чередования,

¹² А. А. Реформатский. Указ. соч., стр. 101.

¹³ Образцовое исследование морфологических чередований в русском языке находим в статье А. А. Зализняка «Беглые гласные в современном русском словоизменении». — «Русский язык в национальной школе», 1963, № 5.

¹⁴ N. S. T r o u b e t z k o y. Sur la «Morphologie». — Ibid., 1929, № 1, p. 87.

отраженные во многих морфемах, могут оказаться непродуктивными. О продуктивности морфонологических чередований в том или ином языке можно говорить только в том случае, если они представлены в продуктивных классах системы языка. С. Шобер справедливо считал чередования *o : a* в глаголах *chodzić — chadzać, prosić — upraszać, uspokoić — uspokajać* продуктивными. То же можно сказать об аналогичных чередованиях в сербохорватском глаголе: *skđčiti — skákati, rđditi — ráhati, zabđsti — zabádati*. В русском языке аналогичные образования являются уже непродуктивными. Чередование *a : e* в польских именах существительных, отраженное во многих морфемах (ср. *lato — w lecie, miasto — mieście, sąsiad — sąsiedzi*) в современном языке уже непродуктивно. К вопросу о продуктивных и непродуктивных морфонологических чередованиях я еще вернусь в связи с разграничением морфонологических и грамматических чередований.

Морфонологические чередования могут представлять соотносительные и несоотносительные ряды. Соотносительные ряды особенно характерны для морфонологических синхронических чередований, когда в данной грамматической категории в чередованиях последовательно выступают определенные пары фонем (например, в русском *к : ч, г : ж, т : т', д : д'* и т. д.; ср. *пеку — печешь, могу — можешь, мету — метешь, иду — идешь*). Соотносительные ряды чередований можно предсказать, если известна морфонология данного языка или диалекта. Например, в русском языке морфема *люб-* во 2-м лице единственного числа настоящего времени будет закономерно чередоваться в 1-м лице единственного числа настоящего времени с морфемой *любл'* (*люблю — любишь*). Несоотносительный ряд чередований обычно предсказать невозможно, так как он определяется в своей основе не живыми и действующими в языке морфонологическими законами, а закономерностями прошлых эпох. Так, чередование беглых гласных в славянских языках предсказать в каждом конкретном случае невозможно, потому что морфемы аналогичной структуры могут не иметь чередований (ср. в русском *сон — сна, но дом — дома*).

Всестороннее и полное описание всех типов морфонологических чередований в современных славянских литературных языках и в диалектах, изучение истории этих чередований — актуальная задача современной науки. Сделано в этом направлении еще очень мало.

Морфонологические чередования самым тесным образом связаны с чередованиями грамматическими. Практически в каждом грамматическом чередовании мы всегда сталкиваемся с морфонологическим чередованием, так как грамматические чередования подчиняются морфонологическим рядам чередований. В глаголах *мокнуть, макать, мочить, намачивать* на уровне морфонологии представлены чередования гласных *o : a*, согласных *к : ч*, на уровне грамматики здесь мы имеем дело с чередованиями четырех алломорф: *мок- : мак- : моч- : мач-*. Единая морфема в различных грамматических условиях представляет четыре алломорфы, которые чередуются между собою. На уровне грамматики в *нога — ножка, лежать — положить, рука — ручка* и т. п. чередуются не фонемы *г : ж, к : ч, е : o*, а алломорфы *ног- : нож-, леж- : лож-, рук- : руч-*. И так, под грамматическими чередованиями следует понимать чередования алломорф.

Некоторые исследователи склонны отрицать морфонологический аспект в грамматических чередованиях. При этом часто ссылаются на известное место у Бодуэна де Куртена: «... альтернирующими единицами могут считаться не фонемы, а целые морфемы, так как только морфемы являются семасиологически неделимыми языковыми единицами. Итак, с точки зрения свойственной языку психической жизни альтернируют между собою

целые морфемы и их соединения: польск. *mog-* || *moż-*, *mrus* || *mroz-*, *plac-* *i* || *plac-*»¹⁵. Это положение якобы дает основание утверждать, что морфология не имеет дело с живыми грамматическими чередованиями. Вот одно из таких утверждений: «... в морфологии могут оставаться лишь традиционные чередования, не обремененные грамматической значимостью»¹⁶. Если бы дело обстояло именно так, то совершенно неубедительным было бы утверждение Н. С. Трубецкого, что морфология «должна занять почетное место в грамматике», что «морфология... призвана к тому, чтобы дать охватывающую характеристику своеобразия каждого языка»¹⁷. Кстати, цитируя эти положения Трубецкого, Реформатский пишет: «Оба эти соображения Н. С. Трубецкого не вызывают сомнений. Это угаданная истина»¹⁸. Но если это так, то совершенно очевидно, что без всестороннего морфонологического анализа нельзя вскрыть закономерности грамматических чередований. Все чередования алломорф отражают закономерности морфонологических чередований. Морфология имеет дело не только с диахроническими чередованиями, отражающими закономерности прошлого, но и с современными живыми чередованиями фонем и алломорф.

Грамматические чередования могут быть всесторонне изучены лишь после того, как будут определены закономерности морфонологических чередований, когда будут установлены все соотносительные и несоотносительные ряды этих чередований. Между морфонологическими и грамматическими чередованиями существует тесная связь. Однако одновременно необходимо видеть и существенную разницу между ними. Смещение этих чередований может привести исследователя к существенным просчетам и ошибкам. Покажу это на одном примере.

Большинство специалистов по сравнительной грамматике славянских языков полагает, что морфонологическое чередование *e : o* в поздний период истории праславянского языка было уже непродуктивным. Против этого положения решительно выступил П. С. Кузнецов, который думает, что данное чередование сохраняло известную продуктивность не только в праславянском, но и позже, после завершения праславянского периода. «Все сказанное свидетельствует о том, что образование со ступеню *o* (при корневом *e*) продолжали возникать вновь даже после нарушения славянской общности, т. е. о том, что чередование *e : o* сохраняло свою продуктивность в довольно позднюю эпоху»¹⁹. Рассмотрим аргументы Кузнецова.

В статье «К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка» он обращает внимание на то, что «мы очень редко найдем такие случаи, когда чередование в глагольной основе было бы представлено в материально тех же корнях в древних славянских языках и в других индоевропейских, прежде всего в греческом, поскольку именно в нем это чередование представлено особенно широко и закономерно пронизывает определенные категории глагола»²⁰. Это дает основание Кузнецову утверждать, что чередование *e : o* в глагольной системе давало новые образования и на славянской почве. Это аргумент мог бы иметь доказательную силу лишь в том случае, если бы индоевропейский аблаут не представлял никаких новообразований на греческой почве, если бы греческий язык

¹⁵ И. А. Бодуэн де Куртене. Указ. соч., стр. 273.

¹⁶ А. А. Реформатский. Указ. соч., стр. 102.

¹⁷ N. S. Trubetzkoy. Gedanken über Morphologie, S. 161, 163.

¹⁸ А. А. Реформатский. Указ. соч., стр. 101.

¹⁹ П. С. Кузнецов. Чередования в общеславянском «языке-основе», стр. 42.

²⁰ П. С. Кузнецов. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка. — Труды Института языкознания, т. II, М., 1953, стр. 235.

сохранил все индоевропейские морфемы со всеми их огласовками, если бы, наконец, сами индоевропейские диалекты не различались между собою в лексическом отношении. Но в действительности все, конечно, было иначе. Однако подробнее остановимся на тех аргументах Кузнецова, которые дают ему основание утверждать, что чередование *e : o* сохраняло продуктивность в ранний период истории отдельных славянских языков.

От корневой морфемы *tek-* с огласовкой *o* славянские языки представляли и представляют именные образования, имеющие различные значения: в древнерусском языке *оток* 'остров', 'опухоль', 'мыс', *потокъ* 'ссылка, изгнание', в польском *otok* имеет много значений, возникших в разные периоды истории польского языка. Это разнообразие значений с огласовкой *o* свидетельствует, по мнению Кузнецова, «о возможности развития соответствующих образований в сравнительно позднее время, во всяком случае уже на почве отдельных славянских языков»²¹. Нет сомнений, что от морфемы *tek-* в славянских языках образовывались в разное время новые слова, старые слова могли приобретать новые значения. Из различных славянских языков можно привести много слов позднего происхождения с корневой морфемой *tok-* (*toč-*). Однако эти слова не могут свидетельствовать о паличии в языке морфонологических чередований *e : o*. Во всех этих случаях морфема *tok-* уже не связана с морфемой *tek-* условиями старого чередования *e : o*. Здесь мы имеем дело с чередованием алломорф *tok- : tek-*.

П. С. Кузнецов приводит из русских поморских говоров слова *отдор* 'отжимный ветер' *оттор* 'сильный ветер с берега, понижающий воду в заливе', ставшие на русском севере морскими терминами. Но и здесь мы имеем дело не с морфонологическим чередованием *e : o*, а с грамматическим чередованием. Указанные новые слова создавались по законам современных грамматических чередований и они отнюдь не свидетельствуют о живых морфонологических чередованиях в *tek-*, *tok-*. Современный русский неологизм *поноска* не может, конечно, свидетельствовать о продуктивности чередований *e : o*, хотя каждый ощущает связь этого имени с глаголом *нести*.

Глагольный корень *ber-* (ср. русск. *беру*) представляет огласовку *o* только в именах. В глаголах морфема *bor-* не фиксируется. Она имеется в префиксальных образованиях типа *сѣбор-*, которые возникли от префиксальных глаголов типа *сѣберо*. «И это указывает на то, — пишет Кузнецов, — что соответствующие образования сложились уже на почве общеславянского „языка-основы“, но не ранее»²². Я также полагаю, что именные образования типа *сѣборъ* возникли на славянской почве. Однако у нас нет никаких оснований относить их возникновение к позднему периоду. Примеры типа *сѣборъ* могли сформироваться в тот ранний период истории праславянского языка, когда морфонологическое чередование *e : o* было еще продуктивным.

П. С. Кузнецов приводит из древнерусских текстов много разнообразных примеров с огласовкой *o*. Однако ни один из них не подтверждает его основного тезиса. Многие из указанных примеров возникли еще в глубокой древности. Более новые образования с корневым гласным *o* уже не имеют прямого отношения к морфонологическим чередованиям *e : o*. Автор не учел того обстоятельства, что непродуктивный тип морфонологического чередования может быть отражен в продуктивных грамматических чередованиях. Под воздействием аналогических факторов, играющих в грамматике большую роль, возникают новые слова, отражающие

²¹ П. С. Кузнецов. Чередования в общеславянском «языке-основе», стр. 39,

²² Там же, стр. 41.

очень древние и давно уже непродуктивные морфонологические чередования.

Существует в славянском языкознании и противоположная тенденция рассматривать морфонологические чередования только как чередования грамматические. Так, утрату чередования в случаях типа *неку* — *некѣш* — *некѣт* объясняют тем, что алломорфа *рек-* вытеснила алломорфу *реѣ-*. В действительности же мы здесь имеем дело с процессом преобразования морфонологического ряда чередований *k: ě* в новый морфонологический ряд *k: k'*. К исторической морфонологии русского языка относятся случаи утраты в парадигме склонения результатов второй палатализации заднеязычных и многие другие процессы. Законы морфонологии обуславливают многие грамматические чередования.

Славянские языки представляют чередования, которые теперь не могут быть отнесены к морфонологическим чередованиям. Это чередования суперсегментных элементов слова: ударных и безударных гласных, кратких и длинных гласных, чередования гласных по высоте тона. Вот несколько элементарных примеров из сербохорватского и чешского языков: род. ед. *jělena* — род. мн. *jělěná*, род. ед. *kòla* — род. мн. *kòlā*, им. ед. *břdo* — им. мн. *břda*, им. ед. *ỳме* — им. мн. *ймѣна*, им. ед. *ствър* — мест. ед. *ствърѣ*, им. ед. *зѣлен* — им. мн. *зелѣни*, аорист 1 л. ед. *трѣсох* — 2, 3 л. ед. *трѣсе*, 1 л. ед., *држѣм* — 1 л. мн. *држѣмо*; *рѣп* — зв. *рѣпе*, им. ед. *mráz* — род. ед. *mrazu*, им. ед. *stůl* — род. ед. *stolu*, им. ед. *jáma* — род. мн. *jam*, им. ед. *toucha* — род. мн. *tuch* и др. Одни и те же морфемы в различных грамматических позициях представляют чередования длинных и кратких гласных, гласных с различным типом музыкального ударения. Чередования ударных и безударных гласных в одних и тех же морфемах мы находим во всех славянских языках (не только в языках с разноместным, но и с фиксированным ударением).

Чередования данного типа хорошо были известны праславянскому языку. Однако там это были обычные морфонологические чередования, так как количественные и интонационные признаки являлись тогда конститутивными признаками гласных и сонантов. Позже эти признаки эмасципировались, они превратились в суперсегментные элементы слова, которые в различных условиях свободно перемещаются. В настоящее время данные чередования следует отнести к особому типу грамматических чередований (так называемый суперсегментный тип грамматических чередований).

В данной статье затронуты лишь некоторые вопросы теории чередований. Основное внимание в ней уделено разграничению морфонологических и грамматических чередований. Важным вопросом теории чередований является еще разграничение грамматических чередований в словообразовании и в словоизменении. Имеются и другие еще нерешенные вопросы в морфонологии.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О СЕРБСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

В 1910 г. известный сербский критик Йован Скерлич опубликовал в журнале «Српски книжевни гласник», XXV, статью под названием «Н. Г. Чернышевский о сербских народных песнях». Цель этой работы состояла в том, чтобы обратить внимание общественности Сербии на одного из почитателей сербской народной поэзии. Работа Скерлича носила информативный характер, ее автор не останавливался на причинах, вызвавших интерес Чернышевского к сербской народной поэзии, не занимался анализом его теоретических воззрений. К тому же, Скерличу были известны далеко не все работы Чернышевского о сербах¹. Между тем эта проблема заслуживает специального рассмотрения, поскольку среди ценителей сербской народной поэзии, получившей в свое время широкую европейскую известность, мы встречаем литераторов самых различных идейно-художественных ориентаций, по-разному трактовавших творческое наследие сербского народа².

Чернышевский был далек от идеализации народной поэзии. Он не рассматривал ее как некое высшее внеисторическое выражение народной жизни, как это проповедовали славянофилы, превозносившие патриархальную старину и прославлявшие безвозвратно ушедшее прошлое. Указывая на то, что славянофильское увлечение народной поэзией вытекало не столько из признания ее художественной ценности, сколько из отрицания исторического прогресса, Чернышевский был далек от того, чтобы связывать свою оценку славянофильства с отношением к устному народному творчеству.

Исходя из того, что каждая новая историческая эпоха несет новое понимание поэзии и искусства, Чернышевский считал, что содержание и художественная форма народной поэзии уже не отвечают эмоциональному складу современного человека, но в то же время решительно выступал против нигилистического отношения к народному творчеству.

Возникшая в патриархальном обществе народная поэзия отражала особенности духовного мира представителя этого общества. Чернышевский

¹ Чернышевский опубликовал о сербах следующие работы: «Песни разных народов. Перевел Н. Берг. Москва, 1854». — «Отечественные записки», 1854, № 12; то же, «Современник», 1854, № 11; «История Сербии по сербским источникам. Сочинение Леопольда Ранке. Перевод с немецкого Петра Бартенева. С приложением портрета Черного Георгия и карты Княжества сербского. Москва, 1857». — «Современник», 1857, № 3. Кроме того, упоминания о сербах встречаются и в других работах Чернышевского, а именно: «Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждениях России. Барона Августа Гакстгаузена». — «Современник», 1857, № 7; «Народная бестолковость». — «Современник», 1861, № 10.

² Не вдаваясь в характеристику отношения каждого из видных деятелей литературы к сербскому народному творчеству, назовем лишь имена некоторых из них: это Гёте и братья Гримм, Гердер и Мериме, Вальтер Скотт и госпожа Талфи, Пушкин и Мицкевич.

справедливо полагал, что несравненно возросшие духовные запросы современного человека уже не могут удовлетворяться содержанием народной поэзии. В своих работах он связывал народное творчество с эпохой, в которую оно было создано, стремясь объяснить, что в свое время оно было единствленным (и единственно возможным) проявлением человеческого духа и что требования, предъявляемые к современному искусству, неприменимы к народной поэзии. Народный певец-сказитель искусно развивает действие, с большим художественным мастерством ведет свой рассказ. Круг тем народной поэзии, однако, ограничен, чувства, которые ее пропевают, слишком просты, незатейливы. Но проникнутая первозданной гармонией, народная поэзия сохраняет свою художественную притягательность для представителей любой другой эпохи, потому что отражает реальную жизнь минувших поколений, их страдания, радости, мечты. Современный человек не может, однако, отождествить себя с миром их представлений. Его мироощущение более сложно, более субъективно.

Эстетическое восприятие человека менялось вместе с изменением форм общественной жизни; это влияло и на эволюцию художественной формы. «Иногда случается слышать, — писал Чернышевский, — что народную поэзию обвиняют в недостатке художественной формы. Это совершенно несправедливо. О чем говорит народная поэзия, говорит она чрезвычайно художественно. Ее недостаток совершенно другого рода; это — однообразие, доходящее до чрезвычайной монотонности. Сущность патриархальной жизни — неподвижность; формы этой жизни — неподвижные, оцепеневшие формы»³. Как пример оцепеневшей поэтической формы Чернышевский приводит начало сербской народной песни «Княжеская клятва»:

Цар Мурат на Косово паде,
Како паде ситну кыгу пише,
Па је шаље ка Крушевцу граду . . .

Чернышевский считал, что строгий и простой стих народной поэзии утомляет современного человека.

Рассматривая народную поэзию в связи с условиями, в которых она создавалась, Чернышевский подчеркивал, что несмотря на свою простоту она имеет непреходящую художественную ценность. Хотя современный человек и не в состоянии воспринимать ее так, как его предки, он, однако, обладая глубоко развитым пониманием искусства, не может не ощутить силу поэтического чувства, которое заключено в ней, не может не услышать паивно оркестрованной музыки жизни, не воспринять ее чудесных, свежих и сильных мотивов.

Народная поэзия имеет для Чернышевского еще два несомненно значительных качества, благодаря которым она заслуживает внимания современного человека: «Она до сих пор остается единственной поэзией массы народонаселения; поэтому она интересна и мила для всякого, кто любит свой народ. А не любить своего родного невозможно. Другое достоинство ее — чисто ученое: в народной поэзии сохраняются предания старины. Потому важность ее неизмеримо велика и посвящать свою жизнь собиранию народных песен — прекрасный подвиг»⁴.

В 1857 г. появилась на русском языке книга Л. Ранке «Сербская революция», которую перевел с немецкого Петр Бартечев⁵.

³ Н. Г. Чернышевский. Песни разных народов. — Полн. собр. соч. т. 1. СПб., 1906 стр. 193—194.

⁴ Там же, стр. 195.

⁵ Бартечев не мог по цензурным причинам перевести подлинное название книги «Сербская революция», а озаглавил свой перевод «История Сербии по сербским источникам».

Это было богатое событиями время. Балканы бурлили. Создавалась новая история сербов и других балканских народов, старые ценности воскресали в горячем воображении молодых. Тогда-то Чернышевский и нашёл на книгу Ранке рецензию, в которой рассматривал первое сербское восстание как стимул исторической и культурной активизации балканских славян. Сербь и болгары, по мысли Чернышевского, ближе к русским, чем другие славяне, и поэтому заслуживают особого внимания.

Перевод книги о первом сербском восстании с немецкого языка на русский не только отвечал политической потребности, но и был своего рода самоутверждением, выражением веры молодого русского поколения в борьбу как в вечный закон жизни, как в бурный процесс, который рождает свободу. В России времен Чернышевского клочкотали внутренние силы, в ее недрах назревало выступление против «внутренних турок». Для Чернышевского каждая книга о борьбе за свободу имела большое значение, потому что побуждала прогрессивные силы русского общества к новым начинаниям. Ценность перевода Бартевым этой книги тем значительнее, по мнению Чернышевского, что о сербах и их борьбе у русских пет ни одного серьезного исследования. «Выбор сочинения для перевода, — говорит Чернышевский, — сделан очень удачно. Г-н Бартев совершенно справедливо говорит, что „кроме запимательного изложения, книга Ранке отличается от всех иностранных сочинений о Сербии наибольшей точностью“. Она составлена преимущественно по рассказам знаменитого собирателя сербских песен Вука Стефановича Караджича, который сам был один из деятельнейших участников в деле освобождения Сербии от турецкого ига...»⁶.

Сербская революция увлекла Чернышевского. Его глубоко заинтересовала личность Карагеоргия, кровно связанного с родной землей и национальной историей. В рецензии на книгу «История Сербии по сербским источникам» Чернышевский подчеркивал мученичество и героизм этого человека, который во имя этической чистоты революции пошел в себе силы осудить на смерть отца и брата, нанесших ущерб освободительному делу⁷.

Для Чернышевского сербское восстание — это прежде всего борьба братского народа за свою свободу, борьба, вдохновляющая и другие народы. Сербская революция для русского критика — это ускоренный процесс ломки патриархального образа жизни, это устремленность к будущему, к прогрессу.

Чернышевский почувствовал, что с восстанием начался бурный процесс формирования сербского национального самосознания, национальной культуры и литературы. Он видел, что сербская поэзия, воспевая старину, глубоко созвучна современному историческому моменту: она стоит у истоков создания более сложной и высокой культуры. Патриархальная община — это благоприятная почва для расцвета народной поэзии, условия общинной собственности и общинного производства — это идеальная основа для ее развития. «Итак, народная поэзия, — замечает Чернышевский, — принадлежит специально младенческому периоду народной жизни. Этого общепринятого определения, однако, недостаточно. Не у всех младенцествующих народов есть прекрасная и богатая народная поэзия. Чем же обуславливается ее расцвет? Энергиею народной

⁶ Н. Г. Чернышевский. История Сербии по сербским источникам. Полн. собр. соч., т. 3. СПб., 1906, стр. 101.

⁷ В то же время в личных ошибках Карагеоргия, а также во внутренних междоусобицах Чернышевский был склонен видеть одну из существенных причин поражения восстания. Но и здесь Чернышевского не покидало чувство историзма. Основной причиной поражения восстания был для него поход Наполеона в Европу и Россию и временное усиление Турции.

жизни. Только там являлась богатая народная поэзия, где масса народа (нет надобности прибавлять, что слово *народ* мы здесь принимаем в смысле нации, племени, говорящего одним языком) волновалась сильными и благородными чувствами, где совершались силою народа великие события. Такими периодами жизни были у испанцев войны с маврами, у сербов и греков — войны с турками, у малоруссов — войны с поляками»⁸. Борьба за свободу становится одним из основных условий для появления высокохудожественной народной поэзии. «Таким образом, у народа, находящегося на степени патриархальности, существуют все условия поэтического настроения духа, и нужно только, чтобы какие-нибудь события возбудили энергию в народе, дали пищу его нравственной жизни — тогда необходимо возникает могущественная народная поэзия»⁹. Таким событием было для сербов первое восстание, давшее толчок для неожиданно бурной вспышки поэтических настроений. Восстание раздуло коллективную созидательную силу народа и индивидуальные таланты, борьба побудила их к творчеству. Веками копившийся в народе жизненный опыт вылился в чудесные поэтические творения.

Несомненная поэтическая красота сербских народных песен, волнение, которое они песут с собой и в себе, очаровали Чернышевского. Когда в 1854 г. появилась книга Николая Берга «Песни разных народов», в которой были и сербские песни, Чернышевский написал две работы, в которых критиковал Берга и его единомышленников — славянофилов за то, что они видят в народных песнях прежде всего их фольклорно-языковую сторону. Для него эти особенности народной поэзии были второстепенными, как второстепенна сама форма поэтического произведения¹⁰, — красота и ценность народной поэзии заключаются для Чернышевского в глубине, свежести и богатстве содержания. «Существенные качества народной поэзии, — говорит Чернышевский, — достойной своего имени, очевидны из качеств народа, которому она принадлежит, из обстоятельств ее происхождения и роли, какую играет она в народной жизни. Народная поэзия развивается только у народов энергических, свежих, полных кипучей жизни, искренности, достоинства и благородства. Потому она всегда полна свежего, энергического, истинно поэтического содержания»¹¹. Когда-то греческие народные песни считались вершиной достижения в области народного творчества. «Прекрасные романсы о Сиде, — пишет Чернышевский, — также показывают, что не одним грекам досталось на долю развить чудную народную поэзию. Но мы можем указать примеры еще более близкие к нам. Сербские эпические песни прекрасны не менее греческих»¹².

То, что Чернышевский основательно знал сербскую народную поэзию и сербский язык, видно по тому, как он резко критикует сделанный Бергом выбор сербских народных песен, который даже приблизительно не передает их красоту и богатство¹³. Со свойственной ему остротой Черны-

⁸ Н. Г. Чернышевский. Песни разных народов, стр. 182.

⁹ Там же, стр. 183.

¹⁰ Работы о сербской народной поэзии Чернышевский писал в то же время, что и основное свое теоретическое произведение «Эстетические отношения искусства к действительности». Естественно, что в них отразился и его взгляд на соотношение формы и содержания.

¹¹ Н. Г. Чернышевский. Песни разных народов, стр. 184.

¹² Там же, стр. 185.

¹³ Из сербских эпических песен Берг включил только песню «Банович Страхinja», о которой Чернышевский несправедливо говорит, что она «самая незначительная, бесцветная, хотя самая длинная и занимает около пятидесяти бледных и утомительных страниц», или, как он пишет в другом месте: «Из множества превосходных эпических сербских песен у него выбрана только одна не замечательная ни в каком отношении песня о Бановиче Страхине».

шевский критикует Берга за то, что он хотел представить в своей книге лишь неизвестные в России сербские народные песни, вместо того чтобы отобрать и перевести лучшие из них. Стремясь наглядно показать красоту сербских народных песен, он отвергает переводы из книги Берга и дает свой прозаический перевод нескольких песен из «несравненно прекрасной сербской эпопеи».

Чернышевский выбрал несколько песен из Косовского цикла. И не случайно. Песни о Косове своей стариной, своей зрелой красотой и простотой пленяли знатоков народной поэзии во всей Европе. Перед тем как перейти к переводу, Чернышевский счел необходимым познакомить своих читателей с событиями Косовской битвы и ее героями — как историческими личностями, так и вымышленными. Вот почему он приводит основные сведения о князе Лазаре, Милоше Обиличе, Вуке Бранковиче, Иване Косанчиче, Милане Топлице, Юг-Богдане и его сыновьях, имена которых встречаются в косовской легенде. Уже по тому, какие песни пересказал Чернышевский, видно, что русский критик стремился возможно полнее передать события битвы. Он отобрал песни «Княжеская клятва» и «Княжеский ужин», которые повествуют о событиях непосредственно накануне битвы; «Царь Лазарь и царица Милица» и «Лазутчики турецкой армии», изображающие саму битву, а также «Девушка-Косовка», в которой описываются события после битвы. Чернышевский пытался в своем пересказе песен выделить основные вехи действия и показать героев так, как их изображала народная легенда. Закончив пересказ, Чернышевский с восторгом заключал: «Прелесть содержания и художественная полнота формы одинаково совершенны в этих превосходных песнях»¹⁴.

Преобладание в сборнике Берга произведений русской народной поэзии, недооценка им шедевров художественного творчества других народов, явившиеся следствием его националистических предубеждений, заставили Чернышевского подвергнуть критической оценке методологию Берга как собирателя и переводчика зарубежных народных песен. Отвечая Бергу, который в предисловии к книге утверждал, что русские народные песни по своей красоте занимают первое место, Чернышевский пишет: «Русская былина уступает в поэтическом достоинстве сербским песням; но и она прекрасна. Что же касается до сербских песен, нами переведенных здесь, должно решительно сказать, что только у первоклассных поэтов могут быть найдены произведения, равные им по красоте»¹⁵. Чернышевский замечает, что нельзя по-научному серьезно подойти ни к одной теме, если существуют предубеждения и плохо контролируемые чувства¹⁶. Вопрос оценки народной песни «наука решает гораздо полнее и шире».

Причину такой оценки, по-видимому, следует искать во времени, когда было высказано это суждение. Крымская война приближалась к своей развязке. Героические сны русского народа гонимы на бастионах Севастополя. Демократические силы русского общества активизировались. Выразителем идеалов этого поколения и был Чернышевский. Его привлекали не только песни яркие в художественном отношении, но особенно те, которые, наряду со своей эстетической ценностью, несли в себе боевой дух и героизм. Чернышевскому показалось, по-видимому, что «Банович Страхиња» — это примирение с пораженцем. Поэтому в свой пересказ он не включил и песню «Смерть матери Юговичей».

¹⁴ Н. Г. Чернышевский. Песни разных народов, стр. 189. Критика Чернышевского оказала сильное воздействие на Берга. В следующей своей книге «Переводы и подражания», напечатанной в 1860 г., Берг перевел 10 сербских эпических и семь лирических песен, среди которых были и те, которые выделил Чернышевский: «Царь Лазарь и царица Милица», «Гибель сербского царства», отрывок из песни «Лазутчики турецкой армии» (у Берга «Разговор Милоша с Иваном»), «Девушка-Косовка».

¹⁵ Там же, стр. 192.

¹⁶ Чернышевский вообще отвергал принцип классификации поэзии отдельных народов по ее ценности. «По мнению одних, после сербской поэзии второе место занимает великорусская, по мнению других, малорусская, по мнению третьих, словацкая.

У многих народов искони существовала богатая устная поэзия, однако к середине девятнадцатого столетия почти у всех европейских народов устная традиция или исчезла совсем или начала приходить в упадок. «Исключение остается, — пишет Чернышевский, — едва ли не за одними сербами, у которых народная поэзия еще в полной силе свежести. Так же свежа и цветуща была она у малоруссов лет шестьдесят или восемьдесят назад; лет около ста или полутора ста назад (а может быть и более) она была так же свежа и цветуща у великоруссов. Различие только в том, раньше или позже коснулась народа цивилизация, успели записать народные песни в их полной свежести, или принялись за это дело тогда, когда уже начался упадок. Сербы были так счастливы в этом случае, что лучший из всех собирателей песен, Вук Стефанович Караджич, записывал и записывает сербские песни, еще нисколько не утратившие первоначальной своей красоты»¹⁷.

Возникает естественный вопрос: что так сильно могло привлечь Чернышевского к безыскусной красоте сербских народных песен? Нам представляется, что писать о сербской народной поэзии Чернышевского побудили следующие обстоятельства. Человек с большим критическим чутьем и теоретическим складом ума, Чернышевский обладал яркой способностью и развитым чувством восприятия подлинных человеческих и художественных ценностей, и поэтому не удивительно, что он почувствовал магическую красоту сербских народных песен, как только соприкоснулся с ними. Он был слишком трезвым исследователем, чтобы идеализировать народную старину, достаточно серьезным ученым, чтобы некритически относиться к тому, что было модой времени. Он трезво оценивал творчество поэтов-романтиков, открывших народную поэзию и черпавших из нее мотивы и вдохновение. Он очень хорошо видел, что человеческое общество быстро идет вперед, что историческое развитие человечества уносит с собой добрые старые истины, приносит новые тревоги и новые стремления проникнуть в непознанное. И все-таки он признавал реальную ценность народной поэзии, ощущал в ней пульсацию истинной жизни, неразвитой, многогранной, но яркой, человеческой. В незатейливой оркестровке народного стиха Чернышевскому слышались приглушенные аккорды древности. В детски простой по своей композиции народной песне он сумел разглядеть подлинный смысл бурного прошлого.

Истоки интереса Чернышевского к сербской народной поэзии восходят, по-видимому, к его университетским годам. Одним из любимых профессоров Чернышевского в Петербургском университете был Исмаил Иванович Срезневский. Срезневский, как отличный знаток сербской народной поэзии и языка и вообще славянского устного народного творчества, сумел привить своим ученикам любовь к народному творчеству. В своих великолепных разборах народных песен талантливый профессор раскрывал их художественную красоту. Первая встреча Срезневского и Чернышевского произошла в начале 1847 г., когда Срезневский перешел из Харьковского в Петербургский университет¹⁸. Человек глубоко образованный, культурный и гуманный, Срезневский сразу привлек Чернышевского. Тот тоже с первого взгляда заметил талантливого, для своих

Мы положительно уверены только в том, что и великорусские, и малорусские, и словацкие песни прекрасны. Из других европейских народов многие также сохранили еще прекрасную народную поэзию, например, греки, испанцы, хотя повторяем, у всех, кроме сербов, и, быть может, греков, она уж давно находится в периоде упадка». Там же, стр. 195.

¹⁷ Там же, стр. 195.

¹⁸ 8 марта 1847 г. Чернышевский пишет в письме к родителям о новом талантливом профессоре Срезневском. Уже 6 мая он сдавал у Срезневского экзамен по «словенским наречиям» и получил отличную оценку.

лет весьма эрудированного ученика, обладавшего к тому же какой-то притягательной силой, и подошел к нему как к равному¹⁹. Под влиянием Срезневского Чернышевский прочитал еще летом 1848 г. «Историю славянских литератур» и «Славянские древности» Шафарика. Основательно изучал Чернышевский и сборники народных песен Вука Караджича. 17 апреля 1850 г. он отлично сдал Срезневскому экзамен по сербскому фольклору. Общение со Срезневским ни в коей мере не ущемляло самостоятельности и оригинальности Чернышевского²⁰. Ученик пошел своей дорогой.

И, наконец, важную причину интереса Чернышевского к сербской народной поэзии следует искать в общественной и исторической обстановке России 50-х годов, когда были созданы работы Чернышевского о сербах. Это было время, когда сильные волны славянофильства захлестывали русскую интеллигенцию. В России, а нередко и за ее пределами, говорилось о том, что «все славянские реки должны вливаться в русское море». Славянские народы были для многих ветвями одного дерева, а их языки «наречиями». События 1848 г. еще больше усилили интерес к славянским народам. Книга Николая Берга «Песни разных народов» появилась именно как результат этого интереса. Перевод книги о первом сербском восстании с пемецкого языка на русский имел целью широко познакомить русских с историей Сербии²¹. Этот интерес к сербам русских славянофилов выражал собой их стремления к захватам и расширению Российской империи.

Чернышевский сознавал, что у истории другие законы: каждый славянский народ имеет право на свое будущее. Роль русского народа состоит в том, чтобы он, как самый сильный из славянских народов, помог своим братьям как можно скорее проложить собственный путь в это будущее. В своих работах о сербах Чернышевский подверг позиции славянофилов резкой критике и показал, что к историческому процессу следует подходить иначе.

¹⁹ Срезневский поручал Чернышевскому составлять рукописные курсы лекций делать переводы. Он помог Чернышевскому стать самостоятельным ученым. Их близкие отношения продолжались вплоть до 1856 г. Но и позднее они сохранили симпатию друг к другу.

²⁰ Уже в начале сентября 1848 г. Чернышевский почувствовал, что его взгляды расходятся со взглядами учителя. Когда Срезневский выступил против Белинского, Чернышевский записал в своем дневнике: «Это встревожило меня». В мае 1849 г. Срезневский назвал Кошута ренегатом, который хочет гибели венгров. Чернышевский тогда открыто встал на защиту Кошута. Когда же Срезневский в январе 1850 г. заметил, что он не считает Гоголя и Лермонтова такими великими художниками, как Пушкин, Чернышевский с горячностью полемизировал в своем дневнике: «... а я... ставлю Лермонтова выше Пушкина, а Гоголя выше всего на свете, включая в это все и Шекспира и любого другого». Все это не помешало ему после прощальной лекции Срезневского записать в свой дневник 13 марта 1850 г.: «Я глубоко сожалею, что перестал быть его слушателем».

²¹ Не случайно, что перевод книги «История Сербии по сербским источникам» появился в 1857 г. Закончилась Крымская война. Россия проявляла все больший интерес к судьбе придунайских княжеств и балканских славян. Александр II и Наполеон III намеревались вместе решить судьбу придунайских княжеств, без участия Австрии и Англии и, разумеется, без участия народа этих княжеств. Русская революционная демократия решительно выступила против подобного понимания роли России. Это был канун больших социальных потрясений в России и значительных политических событий в Сербии.

К ВОПРОСУ О ПОДЛИННОСТИ ВИРГИНСКОЙ ГРАМОТЫ

Самым ценным источником по социально-экономической истории Второго Болгарского царства являются жалованные грамоты болгарских царей монастырям. Таких грамот, к сожалению, до нашего времени дошло очень мало (менее 10).

К их числу относится недатированная грамота македонскому монастырю св. Георгия близ Скопле, подписанная болгарским царем Константином Асенем (Тихом), так называемая Виргинская грамота. Вопрос о ее подлинности уже более полувека вызывает острую полемику. Первые сомнения в подлинности Виргинской грамоты были высказаны болгарским ученым Г. Баласчевым, который на основании ряда исторических, палеографических и лингвистических наблюдений пришел к выводу, что эта грамота — подделка второй половины XIV в.¹ Однако в защиту подлинности данного памятника выступили Г. А. Ильинский², Р. Грунич³, Й. Иванов⁴ и И. Дуйчев⁵.

Выводы Г. Баласчева о неаутентичности Виргинской грамоты были поддержаны П. Мутафчиевым⁶ и П. Петровым⁷. Последний в обстоятельной статье привел еще ряд доказательств, которые, по его мнению, говорят о неподлинности грамоты. Как полагает П. Петров, Виргинская грамота — поддельный документ, составленный, вероятнее всего, в конце XIV или в начале XV в. на основе имунитетной грамоты (от 1300 г.), выданной сербским королем Милутином этому же монастырю.

В связи с тем, что и после появления статьи П. Петрова вопрос о подлинности данного источника еще далек от окончательного решения, мы считаем необходимым вновь изучить эту спорную проблему и рассмотреть аргументы Г. Баласчева и П. Петрова.

Так, например, П. Петров ссылается на замеченную еще Г. Баласчевым⁸ несогласованность общей формулы грамоты («крали вышеписан-

¹ Г. Баласчев. Същински ли е хрисовулът от царь Константин Тих (1258—1277)? — «Минало», год 2, кн. 5—6, София, 1911, стр. 178—187.

² Г. Ильинский. Грамоты болгарских царей. М., 1911, стр. 108.

³ Р. Грунич. Властелинство Светога Ђорђа код Скопља од XI—XV в. «Гласник Скопског научног друштва» (далее ГСНД), кн. 1, Скопље, 1925; Е го ж е. Када је Немањин унук по кћери бугарски цар Константин Тих могао владати у Скопској области? ГСНД, кн. 12, Скопље, 1933, стр. 272—273.

⁴ Й. Иванов. Български старини из Македонија. София, 1931, стр. 578—581.

⁵ И. Дуйчев. Из старата българска книжнина, т. II. София, 1943, стр. 350—351.

⁶ П. Мутафчиев. История на българския народ, т. 2. София, 1943, стр. 140.

⁷ П. Петров. Към въпроса за автентичността на Виргинска грамота и достоверността на съдържащите се в нея сведения. — «Годишник на Софийския университет, философско-исторически факултет», т. 51, 1958, стр. 169—225.

⁸ Г. Баласчев. Там же, стр. 182—183.

ных») с тем, что в тексте памятника назван лишь один сербский правитель Стефан Неманя (к тому же заметим, он не был королем). Сравнив текст этих двух грамот (Виргинской и Милутиновой) и установив, что в грамоте Милутина такого несогласования нет (так как указаны имена трех сербских королей), П. Петров приходит к выводу, что Виргинская грамота была составлена на основе Милутиновой, а имена двух сербских королей-дарителей были выпущены с целью «прикрыть фальсификацию»⁹.

Однако объяснение причин и целей такого «пропуска» представляется нам не вполне убедительным. Известно, что составители поддельных документов для придания своему творению большей достоверности стремились достичь наибольшего сходства с подлинными документами. Если бы составитель Виргинской грамоты опирался на текст грамоты Милутина, то он должен был бы сохранить перечисленные грамотой имена дарителей, а не выпускать их. По нашему мнению, имена двух сербских королей отсутствуют в Виргинской грамоте только потому, что болгарский составитель грамоты, тщательно сохранив имена болгарских царей-дарителей, не был точен в передаче имен сербских королей. К тому же следует отметить, что составитель Виргинской грамоты мог скрыть имена некоторых дарителей за общей формулой «и прочие»¹⁰. Этот наш вывод подкрепляется также и тем, что в сербской грамоте 1300 г. бережно сохранены имена сербских королей-дарителей, однако опущены указанные в Виргинской грамоте имена византийских царей — Исаака II Ангела и Феодора Комнина¹¹.

Правда, наше утверждение о стремлении составителя Виргинской грамоты сохранить все имена болгарских царей может показаться спорным ввиду отсутствия в Виргинской грамоте имени болгарского правителя, которое передано в сербском акте 1300 г. в греческой транскрипции («Асан»¹²). Между тем, поскольку в названном сербском источнике нет имени царя Калояна¹³, можно предположить, что под «Асаном» в грамоте 1300 г. подразумевается Калоян, тем более что в тексте ее говорится о Калояне как о дарителе Виргинского монастыря¹⁴. Разумеется столь же гипотетический характер, по нашему мнению, носит и заключение П. Петрова, что имя «Асан» обозначает болгарского царя Ивана Асеня II¹⁵.

Касаясь греческой транскрипции этого имени («Асан» вместо «Асень»), П. Петров вполне логично допускал, что эта трансформация обусловлена влиянием стиля грамоты, данной монастырю византийским императором Андроником II. Этим же влиянием Петров объяснял и передачу имени Константина Асеня как «Константин», а не «Костадин»¹⁶. Кстати, было бы неверно делать такой вывод лишь на основании транскрипции этого имени. На монетах Константина Асеня царское имя приводилось по-разному (по нашим подсчетам, имя его 8 раз передано как «Константин» и 13 — как «Костадин»)¹⁷.

По нашему мнению, греческая транскрипция имени Асеня позволяет лишь заключить, что составитель сербской грамоты 1300 г. использовал грамоту Андроника II как наиболее близкую по времени. Далее, при

⁹ П. Петров. Там же, стр. 177, прим. 20.

¹⁰ И. Иванов. Там же, стр. 581.

¹¹ Ср. И. Иванов. Там же, стр. 581; Р. Гружих. Три хиландарске повеље.— «Зборник за историју јужне Србије», Скопље, 1936, стр. 6.

¹² Р. Гружих. Три хиландарске повеље, стр. 6.

¹³ И. Иванов. Там же, стр. 581; Р. Гружих. Три хиландарске повеље, стр. 6.

¹⁴ Р. Гружих. Три хиландарске повеље стр. 8.

¹⁵ П. Петров. Там же, стр. 178.

¹⁶ Там же, стр. 179.

¹⁷ Н. Мушмов. Монетите и печатите на българските царе. София, 1924, стр. 76—83.

рассмотрении имен дарителей для выяснения подлинности анализируемого нами источника не следует упускать из виду, что в грамоте Константина Асеня среди дарителей нет имени византийского императора Андроника II. Это обстоятельство может быть, по-видимому, объяснено только тем, что Виргинская грамота была составлена не позже 1282 г. (когда начал править Андроник II) и поэтому не могла включить имени этого императора.

В свое время у Г. Баласчева вызвала недоверие резкая несогласованность слова «монастырь» и зависящего от него определения «созданна», что Баласчев считал «грубой языковой ошибкой»¹⁸. По его мнению, церковь св. Георгия стала монастырем не раньше середины или даже конца XIV в., а поэтому составитель Виргинской грамоты путает эти два термина; исходя из этого он датировал памятник второй половиной XIV в.¹⁹

Отметим, что свой вывод Баласчев сделал еще тогда, когда не была опубликована сербская грамота 1300 г. Между тем в самой грамоте короля Милутина говорится то о монастыре св. Георгия, то о церкви. Так, Милутин провозглашает, что он создал храм «велика и самовластна и самосудна сътвори хъ паче всехъ м о н а с т и р ь (разрядка моя.—Л. Г.) кралевствами»²⁰. О монастыре св. Георгия говорится и в следующем отрывке о пожаловании сада Леунова «под монастыремь»²¹, и далее — в определении обязанностей священника²², и, наконец, в постановлении о запрете въезда послов в монастырь²³.

Конечно, в грамоте 1300 г. несравненно чаще говорится о ц е р к в и св. Георгия, тем не менее у нас нет никаких оснований игнорировать упоминания в ней м о н а с т ы р я св. Георгия. Примерно так же обстоит дело и с Виргинской грамотой с той лишь разницей, что в ней храм св. Георгия один раз назван монастырем, а в остальных случаях церковью²⁴. Видимо, при объяснении употребления в Виргинской и Милутиновой грамотах двух терминов (церковь и монастырь) следует присоединиться к предположению И. Дуйчева, что монастырь мог выступать под именем своей главной церкви²⁵. В пользу такого предположения говорит также и то, что термины «монастырь» и «церковь» чередуются не только в Виргинской и Милутиновой грамотах, но и в других памятниках.

Так, во многих жалованных грамотах сербских королей Хиландарскому монастырю этот монастырь назван церковью²⁶. В Мрачской грамоте болгарского царя Ивана Александра в 1347 г. и в Рильской грамоте царя Ивана Шишмана 1378 г. соответствующие монастыри названы «церквами»²⁷. Любопытно, что в болгарских жалованных грамотах по сравнению с сербскими слово «монастырь» употреблено более последовательно и лишь в редких случаях заменено словом «церковь». Некоторую непоследовательность Виргинской грамоты в этом плане можно объяснить тем, что она была составлена на территории, где могло сказаться влияние сербских образцов дипломатики. Скорее всего, это было в Македонии.

Доказательство неподлинности Виргинской грамоты видели в том, что названные в ней 24 селения отсутствуют в сербском акте 1300 г. Попытались мотивировать это ссылкой на указание Милутиновой грамоты о внесении

¹⁸ Г. Баласчев. Там же, стр. 178—179.

¹⁹ Там же, стр. 186.

²⁰ Р. Грујић. Три хиландарске повеље, стр. 7.

²¹ Там же, стр. 9.

²² Там же, стр. 11.

²³ Там же, стр. 15.

²⁴ Й. Иванов. Там же, стр. 581.

²⁵ И. Дуйчев. Там же, стр. 351.

²⁶ С. Новаковић. Законски споменици српских држава средњега века. Београд, 1912, стр. 387—388, 390, 394, 395, 400, 402, 412, 427, 428, 433, 442, 444, 446.

²⁷ Й. Иванов. Там же, стр. 591—592 и 597.

в нее всех сведений из старых документов монастыря св. Георгия. У Петрова, например, говорится, что сведения о всех селах, имеющиеся в Виргинской грамоте, должны были войти в сербский источник. А поскольку в Виргинской грамоте перечислено сел больше, чем в сербской грамоте 1300 г., он объявляет Виргинскую грамоту поздним фальсификатом²⁸.

При этом нужно проверить, говорится ли о включении в нее сведений из старых документов и тем самым о признании и подтверждении всех прежних владений монастыря.

Как гласит грамота 1300 г., Милутин приказал переписать в свою грамоту сведения из очень ветхих, плохо сохранившихся хрисовулов²⁹. Вряд ли можно предположить, что Виргинская грамота, изданная самое раннее в 1258 г., могла уже так обветшать к 1300 г., когда была издана грамота Милутина. Видимо, в Милутиновой грамоте речь идет о каких-то более древних болгарских грамотах. Конечно, правомерно предположить, что монахи Виргинского монастыря представили Милутину не только очень ветхие документы, но и все, в которых так или иначе говорилось о владениях монастыря. Однако одно место из грамоты позволяет думать, что все прежние владения монастыря Милутин не мог подтвердить, а потому, говорится в источнике, «и паче исправи кралевство ми елико могахъ»³⁰.

Далее, в памятнике указывается, что не все в старых грамотах можно было прочитать из-за их плохой сохранности³¹, и, естественно, эти «темные» места не вошли в текст Милутиновой грамоты. Таким образом, сербский король учитывал не только сведения старых грамот, но и реальные изменения владений монастыря, который, по его свидетельству, был опустевшим и разоренным.

Нам представляется недостаточно обоснованным также мнение П. Петрова о способе описания подаренных монастырю сел: а именно, что села, перечисленные Виргинской грамотой и отсутствующие в Милутиновой, описаны кратко и крайне схематично, т. е. название села сопровождается фразой «со всеми его владениями», тогда как села, отмеченные обеими грамотами, описаны самым подробным образом³². В этой связи укажем лишь на подробное описание Виргинской грамотой сел Дъвигод и Дльбица³³, которые в грамоте 1300 г. не упоминаются. Если сравнить описание этих двух селений с описанием отмеченного обеими грамотами села Здуне, то можно будет сделать вывод, что селение Здуне охарактеризовано не подробнее, чем предыдущие³⁴. Достаточно подробно описаны также фигурирующие лишь в Виргинской грамоте села Нахово, Тавор, Лежени, Рани Луг, Калугеров Дол. Весьма краткое описание Виргинской грамотой двух сел (Витино и Бинец) компенсируется тем, что отмеченные обоими источниками села Барово и Калугеровяпе описаны столь же кратко Виргинской грамотой.

Нам представляется также не бесспорным еще один аргумент Петрова, считающего, что по данным Виргинской грамоты владения монастыря св. Георгия в отдельных селах больше, чем по данным акта 1300 г. Мы полагаем, что свидетельство Милутиновой грамоты о полном запустении монастыря св. Георгия до 1300 г.³⁵ вполне объясняет тот факт, что владения

²⁸ П. Петров. Там же, стр. 180—181.

²⁹ Р. Грујић. Три хиландарске повеље, стр. 6.

³⁰ Там же, стр. 6.

³¹ Там же.

³² П. Петров. Там же, стр. 183.

³³ И. Иванов. Там же, стр. 582.

³⁴ И. Иванов. Там же, стр. 584—585.

³⁵ Р. Грујић. Три хиландарске повеље, стр. 6.

монастыря в селах, отмеченных в 1300 г., меньше, чем по данным Виргинской грамоты.

По нашему мнению, нельзя также принять и тот аргумент Петрова, который касается выражения Виргинской грамоты «и отрока дав нашего»³⁶. По его словам, вместо «отрока дав нашего» следовало бы ожидать в тексте подлинной грамоты «и отрока дав на нь», как это имеет место в грамоте Милутина, понимая под словом «отрок» зависимого монастырского крестьянина. Содержание Виргинской и Милутиновой грамот дает нам право думать, что под «отроком» следует понимать не просто монастырского крестьянина, а какое-то должностное лицо, принимающее участие в судебном разбирательстве как в церковном суде, так и в светском. Виргинская грамота четко различает «отрока игуменава» и «отрока нашего»³⁷, т. е. царского, которому после получения монастырем судебного иммунитета запрещалось появляться во владениях монастыря.

П. Петров обосновывал свой вывод о поддельности Виргинской грамоты, анализируя также способ написания в ней букв. Сходство начертания буквы «л» с греческой «λ» навело его на мысль, что эта грамота была составлена на Афоне, в Хиландарском монастыре³⁸. По нашему мнению, такое сходство букв «л» и «λ» вовсе не доказывает, что данный документ составлен на Афоне. Известно, что влияние греческой скорописи было велико и наблюдалось повсеместно. На палеографических снимках с югославянских рукописей XI—XIV вв. буква «л» (похожая на «λ») отчетливо наблюдается в Охридском апостоле XII—XIII вв., Тырновском евангелии 1273 г., Карпинском евангелии XIII—XIV вв., Орбельской триоди, Парамейнике XIII—XIV вв. и т. д.³⁹. Кстати, все указанные памятники содержат также и «а», похожее на греческую альфу. Кроме того, буква «л», похожая на «λ», встречается и в надписи на стенах Боянской церкви. На такой способ начертания «л» (как «λ») в среднеболгарских памятниках в свое время обратил внимание знаток славянской палеографии Е.Ф. Карский⁴⁰.

Не вполне обоснованным нам представляется также предположение Петрова о целях составления этого поддельного, по его мнению, документа⁴¹. П. Петров полагает, что Виргинская грамота была составлена монахами Хиландарского монастыря на Афоне в конце XIV в., или по крайней мере после 1377 г. (когда монастырь св. Георгия был передан Вуком Бранковичем Хиландарю в качестве метоха), с тем чтобы получить от турецких властей подтверждение всех описанных в грамоте владений⁴².

При рассмотрении такого предположения прежде всего встает вопрос, почему этот будто бы поддельный документ был подписан именем болгарского царя Константина Асепя (Тиха)? На этот вопрос, однако весьма затруднительно ответить, так как в конце XIV и начале XV в. (т. е. в то время, когда, по мнению Петрова, мог быть составлен фальшивый документ) самостоятельного болгарского государства не существовало и вряд ли для турецких завоевателей могли иметь какое-то реальное значение имена прежних болгарских царей. Гораздо более вероятным было

³⁶ П. Петров. Там же, стр. 189.

³⁷ Й. Иванов. Там же, стр. 585.

³⁸ П. Петров. Там же, стр. 191.

³⁹ П. А. Лавров. Палеографические снимки югославянских рукописей болгарского и сербского письма XI—XIV вв. Вып. 1. СПб., 1905. См. снимок: Г. Б а л а с ч е в. Словенски надписи от юго-западна България.— «Минало», год. 2, кн. 5—6, София, 1911, стр. 3.

⁴⁰ Е. Ф. Карский. Славянокирилловская палеография. Л., 1928, стр. 121.

⁴¹ Ср. Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., 1962, стр. 333.

⁴² П. Петров. Там же, стр. 192.

бы предположить, что хиландарские монахи, жаждавшие расширить свои владения в Македонии, должны были бы подписать составленную ими грамоту именем сербского или византийского правителя. Известно, что до 1453 г. верховную власть над афонскими обителями имели греческие проты⁴³, следовательно, вполне вероятной могла бы быть подпись византийского императора.

Нам представляется также, что хиландарские монахи, прекрасно осведомленные о делах Македонии, где они имели большие владения, не могли составить столь нереальную по своим притязаниям грамоту, так как монастырь св. Георгия не мог, видимо, в силу политической раздробленности Македонии в конце XIV в. объединить под своей властью такое большое количество владений, расположенных во многих областях северной и центральной Македонии. Напомним, что, по данным Виргинской грамоты, монастырь владел селами в Прилепской, Кичевской, Велесской, Скопльской, Верхнеположской, Нижнеположской, Тетовской и Вельбуждской областях.

В конце XIV в. северная и центральная Македония теряет политическую самостоятельность: в 1392 г. турки захватили Скопле, в 1435 г. — владения короля Марко и Константина Деяновича. И ранее, в 70-х годах XIV в., монастырь св. Георгия, переданный Вуком Бранковичем в качестве метоха Хиландарю, не располагал всеми теми владениями, которые фигурируют в Виргинской грамоте, так как он не мог удержать в своей власти села, расположенные в областях, принадлежавших другим феодалам. В частности, это относится к Прилепской области (владению короля Марко) и Вельбуждской области — владению Деяновичей.

Трудно было бы предположить, что монахи Хиландарского монастыря составили Виргинскую грамоту для своего метоха — монастыря св. Георгия в 90-е годы XIV в. или в начале XV в., так как они, конечно, были осведомлены о событиях, происходивших в это время в окрестностях Скопле⁴⁴.

В обстановке постоянных опустошений и разорений турецкими завоевателями монастырь св. Георгия едва ли мог сохранить власть более чем над 40 селениями, о чем, конечно, знали и хиландарские монахи, которым, по нашему мнению, не было никакого смысла в конце XIV или начале XV в. браться за составление подложной грамоты Виргинского монастыря.

П. Петров затронул в своей статье и вопрос о достоверности сведений этой грамоты. По нашему мнению, он совершенно правильно считает критерием достоверности сообщений Виргинского хрисовула сходство и совпадение текстов обоих источников (Виргинской и Милутиновой грамот). Однако вызывает возражение непоследовательность применения избранного им самим критерия. Так, остается прежде всего совершенно необоснованным его предположение, что некоторые фразы в Виргинской грамоте, отсутствующие в Милутиновой, составлены на основе какой-то старой болгарской грамоты⁴⁵. Далее, Петров отступает от своего критерия, утверждая, что все сведения Виргинской грамоты о царях-дарителях монастыря св. Георгия достоверны⁴⁶.

Между тем, применяя указанный выше критерий, нельзя утверждать, что сведения Виргинской грамоты о византийских императорах Федоре Комнине и Исааке II Ангеле⁴⁷ достоверны, так как о них ничего не гово-

⁴³ П. Успенский. История Афона, ч. III. СПб., 1892, стр. 284 и сл.

⁴⁴ L. Chalcocondylas, ed. Вонпае, 1843, р. 60, 101.

⁴⁵ П. Петров. Там же, стр. 193.

⁴⁶ Там же, стр. 197—198.

⁴⁷ И. Иванов. Там же, стр. 581.

рится в грамоте Милутина. С этих позиций нельзя считать достоверными и данные Виргинской грамоты о разорении монастыря и восстановлении его императором Алексеем I Комнином, поскольку этих сведений в грамоте Милутина опять-таки нет. Некоторые частные выводы П. Петрова о достоверности сведений Виргинской грамоты представляются нам поверхностными. Так, Петров считает достоверными сведения Виргинской грамоты о селе Чрешовени лишь на том основании, что в грамоте 1300 г. говорится о пожаловании его монастырю еще царем Романом ⁴⁸, а следовательно, оно было монастырским и при других болгарских царях ⁴⁹. Однако это утверждение нельзя безоговорочно принять: село Чрешовени, подаренное монастырю в X и XI вв., могло и не принадлежать ему в XII—XIII вв.

Из Виргинской и Милутиновой грамот мы точно знаем о полном разрушении монастыря в XI в. при византийском императоре Алексее I Комнине (1081—1118) ⁵⁰ и в конце XIII в. ⁵¹. Закономерно предположить, что монастырю был нанесен ущерб и в другие эпохи. Если встать на точку зрения Петрова и признать Виргинскую грамоту фальсифицированным документом, то будет трудно дать конкретный ответ на вопрос, для какого времени достоверны сведения Виргинской грамоты о селе Чрешовени и можно ли использовать данное свидетельство грамоты как источник для изучения социально-экономических отношений в XIII в. Это относится и к селениям Здуне, Сушице, Брод, Крупа, Речица, Бистрица, Казарево, Калуге-ротяпе, Тавор ⁵².

Таким образом, аргументы П. Петрова, выдвинутые им для обоснования вывода о неподлинности Виргинской грамоты, нам представляются не совсем убедительными. Напротив, есть основания полагать, что она представляет собой подлинный документ третьей четверти XIII в., т. е. времени правления царя Константина Тиха. В пользу этого вывода говорит и тот факт, что тексты Виргинской грамоты и грамоты Милутина в ряде мест буквально совпадают. Согласно Виргинской грамоте, владения монастыря св. Георгия в отдельных селах обширнее, чем по данным сербского акта, что вполне согласуется со сведениями о разорении монастыря в конце XIII в. В пользу нашего мнения о подлинности Виргинской грамоты можно было бы привести также еще некоторые доказательства и в том числе отметить отсутствие в Виргинской грамоте имени византийского императора Андроника II.

Далее, доказательством подлинности ее может служить и недвусмысленное свидетельство Милутиновой грамоты, что царь Константин был дарителем монастыря (утвердилась точка зрения, что здесь имеется в виду болгарский царь Константин Асень).

Никаких сомнений не может вызвать Виргинская грамота и в отношении материала письма: она написана на бомбичине точно так же, как и другие болгарские грамоты XIII в. Никаких подозрений не вызывает и способ письма (скоропись), так как скорописью написана и Дубровницкая грамота Асея II. Г. Баласчев ⁵³, отмечая, что у южных славян скоро-

⁴⁸ В литературе нет единого мнения по поводу конкретизации имени «Роман». Р. Груич полагал, что это византийский император Роман III Аргир. По мнению П. Петрова, это болгарский царь Роман (980—991). Р. Груич б. Властелнство Светога Ђорђа, стр. 48; П. Петров. Там же, стр. 205.

⁴⁹ П. Петров. Там же, стр. 199—200.

⁵⁰ Й. Иванов. Там же, стр. 581.

⁵¹ Р. Груич б. Три хиландарске повеље, стр. 6.

⁵² П. Петров. Там же, стр. 201—211.

⁵³ Г. Баласчев. Българското скорописно писмо и образци от него от X—XIV век.— «Минало», год 1, кн. 3, София, 1909, стр. 285.

писное письмо появилось почти одновременно с уставным письмом, указывал, что скорописные элементы заметны в Тырновской надписи Ивана Асеня II 1230 г. и на монетах того же царя. Кстати, скорописью сделана запись на Тырновском четвероевангелии 1273 г.

Следует сразу отметить, что палеографический анализ болгарских жалованных грамот весьма затруднен из-за поразительного отличия жалованных грамот от других письменных памятников того же периода, на что в свое время указывал Г. Ильинский, выделяя грамоты в совершенно самостоятельную палеографическую группу⁵⁴. До сих пор палеографическую загадку представляет употребление в Виргинской грамоте «oi» вместо «ы» и «и», что не встречается ни в каких других памятниках среднеболгарской письменности, за исключением Саввиной книги XI в.⁵⁵ Видно, следует признать, что в настоящее время (ввиду отсутствия точных сведений относительно данного явления) этот факт нельзя использовать для подтверждения тезиса о подлинности или, напротив, неподлинности Виргинской грамоты. Однако мы позволим себе предположить, что «oi» появляется под влиянием греческой графики, поскольку звук «и» передавался тогда сочетанием «ei», «oi», и «u»; — это вполне могло иметь место в Македонии, находившейся до конца XIII в. под властью византийских императоров.

При рассмотрении вопроса о подлинности Виргинской грамоты следует также принять во внимание, что там между согласными и гласными ставится буква «и», а не «i», а это характерно для рукописей именно XIII в. Выдающийся знаток памятников славянской письменности Б. Цонев, доказывая, что время происхождения Врачанского евангелия не XIV, а XIII век, ссылался на употребление перед гласной «и», а не «i»⁵⁶. Далее, в Виргинской грамоте так же, как в Дубровницкой и Ватопедской грамотах XIII в., после согласной употребляется омега, а не «o». В Ватопедской и Дубровницкой грамотах в таких случаях омега фигурирует почти повсеместно, а в Виргинской довольно часто.

В литературе предпринимались неоднократные попытки определить время, когда болгарский царь Константин Асень пожаловал монастырю св. Георгия эту грамоту. Сербский ученый Р. Груич первоначально датировал грамоту концом 50-х годов XIII в., когда существовали союзные отношения между болгарским царем и никейским императором⁵⁷. Позднее Груич пришел к выводу, что наиболее вероятной датой является 1265 или 1266 г.⁵⁸ Против этого последнего вывода Груича выступил П. Петров. Временем написания этой грамоты он считает или 1257 год, когда Константин Асень женился на дочери никейского императора Федора Ласкаря, или 1258 год, когда сербский король Урош I овладел некоторыми македонскими областями и Константин Асень, как союзник сербов, мог дать грамоту македонскому монастырю⁵⁹.

Мы склонны признать более обоснованной точку зрения Р. Груича. Его аргументы дополняются и свидетельством византийского историка Пахимера, на основании которого можно сделать вывод, что в 60-е годы XIII в. Константин Асень вел продолжительные войны в Македонии. «Спустя короткое время (речь идет о 1262 году. — Л. Г.) после того, как у болгарского царя Константина Асеня умерла супруга Ирина, — пи-

⁵⁴ Г. Ильинский. Там же, стр. 37.

⁵⁵ И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, стр. 15.

⁵⁶ Б. Цонев. Врачанско евангелие. София, 1914, стр. 5.

⁵⁷ Р. Груич. Властелинство Светога Ђорђа, стр. 51.

⁵⁸ Р. Груич. Када је Немањин..., стр. 272—273.

⁵⁹ П. Петров. Там же, стр. 212.

шет Пахимер, — император (Михаил VIII. — *Л. Г.*) пожелал вступить с ним в союз, чтобы установить перемирие в пределах Гема, Македонии и Фракии, так как в течение долгого времени войска истощались непрерывными войнами: поэтому он отправил к Константину послов, обещая выдать за него свою племянницу Марию, вторую из дочерей Евлогия, которая до этого была женой великого доместика Алексея Филиса»⁶⁰. Как видно из приведенного сообщения, Константин Асень долгое время воевал в Македонии, и вполне закономерно предположить, что он временами захватывал какие-то македонские области.

Все рассмотренные выше данные позволяют, таким образом, заключить, что доводы, приведенные в пользу тезиса о неподлинности Виргинской грамоты, не являются бесспорными, и в то же время имеются обстоятельства, дающие возможность говорить об аутентичности этой грамоты.

---

⁶⁰ G. P a c h y m e r i s, ed. Bonnæ, 1835, p. 342—343.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

ТРАЙЧО КОСТОВ. Избрани статии, доклади, речи. Издателство на БКП, София, 1964, 962 стр.

Издание литературного наследства видных деятелей братских коммунистических партий — всегда событие большого научного значения; исследователи получают новый ценный источник, вводящий в научный оборот важный документальный материал. В этом отношении очень интересен сборник «Избранные статьи, доклады и речи» Трайчо Костова. Хронологически материалы, включенные в книгу, охватывают период с 1935 по 1948 г. — годы, ставшие переломными для судеб болгарского народа.

Выход сборника работ Трайчо Костова очень важен и в политическом отношении. Несправедливо обвиненный в 1949 г. в государственной измене, Трайчо Костов ныне посмертно реабилитирован.

Вступив в находившуюся в подполье БКП вскоре после поражения Сентябрьского восстания 1923 г., Т. Костов в канун второй мировой войны стал членом ЦК БКП, а затем его секретарем. Он непосредственно руководил подготовкой вооруженного восстания, к которому болгарские коммунисты начали готовиться с момента нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. После победы восстания 9 сентября 1944 г. и возвращения Г. М. Димитрова на родину Т. Костов стал ближайшим его соратником в строительстве новой социалистической Болгарии. Он занимал пост заместителя председателя Совета министров, министра электрификации, председателя Комитета по вопросам экопоминки.

Материалы, вошедшие в сборник, можно подразделить на три группы. Первая (и наиболее обширная) включает статьи Т. Костова, написанные им в 1935—1936 гг. для нелегального органа ЦК БКП газеты «Работнически вестник».

В январе 1935 г. в Болгарии состоялся V пленум ЦК БКП, на котором подверглась осуждению политическая линия левосектантского руководства партии и с помощью Г. М. Димитрова выработан курс на создание единого народного фронта для борьбы против фашизма, на укрепление связей партии с массами. Т. Костов был одним из тех, кого Заграничное

бюро ЦК БКП направило в страну для претворения нового курса в жизнь. Он стал редактором газеты «Работнически вестник» и превратил этот орган в центр идеологической и политической борьбы против остатков левосектантства, за перестройку всей партийной работы. Его статьи появлялись в каждом номере газеты.

В статьях «За новый курс», «За работу по выполнению решений V пленума», «В свете решений VII конгресса», «Единое в едином фронте» и других Костов в качестве первоочередной задачи выдвигал укрепление связей партии с массами, подчеркивая, что единый фронт это — не тактический прием коммунистов, а настоятельная необходимость. Он резко критиковал методы партийной деятельности левосектантов, избегавших работы с массами, с легкостью относившихся к неудачам в массовой работе.

Но разоблачение левосектантского курса прежнего руководства БКП — не самоцель для Костова. Главным для него было извлечь уроки из ошибок, найти конкретные пути и способы для создания в Болгарии единого антифашистского фронта. Изучая опыт борьбы с реакцией в 1933—1934 гг., Т. Костов отмечал, что болгарские коммунисты тогда еще не поняли необходимости перехода к новой тактике, не проявили должной гибкости в отношениях с главным союзником рабочего класса — крестьянством и Болгарским земледельческим народным союзом (БЗНС). Левосектантский лозунг организационного разложения БЗНС только отталкивал крестьян от БКП («В свете решений VII конгресса»). В новых условиях 1935—1936 гг., анализируя конкретный материал, Костов приходит к выводу, что на основе борьбы с голодом, налогами и бесплатным принудительным трудом легче всего сплотить крестьян под знаменем единого антифашистского фронта («Единый фронт на практике»).

Специфику единого фронта в Болгарии Костов видел в борьбе за непосредственные экономические требования трудящихся

«...если во Франции единая борьба выросла на политической почве, то у нас она возникает вначале, главным образом, на экономической основе» (стр. 234), чтобы затем перерасти в единодействие и по политическим вопросам. Отсюда исключительное внимание, которое уделял в своих статьях Т. Костов анализу расстановки классовых и политических сил в стране, малейшим изменениям в лагере буржуазии («Смена правительства 21 апреля», «Демократия и фашизм», «Процесс заговорщиков», «Новая перегруппировка политических сил» и др.). Он писал: «Мы должны внимательно следить за изменениями в лагере буржуазии и использовать их» (стр. 122).

Царский двор и реакционные монополистические круги видели один из способов укрепления своего господства в поощрении крайне правой фашистской группировки Цанкова. В борьбе против Цанкова, отмечал Т. Костов, надо использовать всех педовольных им, не только трудящихся города и деревни, но и значительные массы буржуазных элементов, а именно среднюю буржуазию или часть ее, а также офицерство. Т. Костов проявил немалую смелость в постановке вопроса о привлечении к антифашистскому фронту офицерства, так как армия в Болгарии издавна играла сугубо реакционную роль. В специальной статье «Об офицерстве» Костов писал, что неправильно считать офицерство безнадежно реакционным, что и в его среде также происходит процесс дифференциации, которому надо активно содействовать.

Немаловажное место в работах Т. Костова периода 1935—1936 гг. отведено анализу международной обстановки. В его статьях панела яркое отражение позиция БКП по отношению к СССР — самому искреннему и последовательному борцу за мир, готовому защитить малые страны от фашистской агрессии («Международное и внутреннее положение», «Болгария и СССР», «За торговые связи с СССР»). И поныне актуальны строки, написанные почти 30 лет назад: «Борьба против войны будет затруднена, если мы не преодолеем сильно распространенное у нас представление о неизбежности и даже желательности войны как средства для ускорения свержения фашизма. Пример мировой войны показывает, что для превращения империалистической войны в революцию нужен более или менее длительный срок, во время которого война поглотит реки крови и горы трупов... Мы должны бороться за выступление Болгарии на стороне государств, борющихся за мир...» (стр. 198).

К этому периоду относится также доклад Т. Костова Заграничному бюро ЦК БКП о работе VI пленума ЦК, датированный 10 VII 1936 г. Он извлечен из фондов Центрального партийного архи-

ва при ЦК БКП и публикуется впервые. Этот доклад, являющийся результатом глубокого анализа опыта работы партии за период между V и VI пленумами ЦК БКП, очень интересен глубиной оценок и выводов. В книге впервые публикуется также «Письмо Заграничному бюро» от 17 апреля 1938 г. в связи с выборами в болгарский парламент.

Вторая часть сборника охватывает работы Т. Костова, написанные с 1940 по 9 сентября 1944 г. Это прежде всего статьи, опубликованные в газете «Рабочническо дело» в апреле 1940 — июне 1941 гг. В центре внимания автора — столкновение миролюбивой внешней политики СССР с захватническими устремлениями фашистской Германии. Главный лозунг БКП в этот период — борьба за мир и нейтралитет, за дружбу и взаимопомощь с СССР. После вступления 1 марта 1941 г. гитлеровской армии на территорию «союзной» с Германией Болгарии Т. Костов в остром полемическом стиле пишет статьи: «Кому это нужно?», «В защиту свободы и национального достоинства», «Что означает гитлеровский „новый порядок“».

Статьи Костова 1942—1943 гг. носят совсем иной характер. Находясь в тюрьме, он работает над «Лекциями по истории БКП». Эти лекции сыграли большую роль в теоретической подготовке партийных кадров. В тесные долгие времена они были главным пособием для изучающих историю Болгарской коммунистической партии. Автор стремился систематично изложить основные моменты истории партии с первых шагов социалистического движения в Болгарии в 90-е годы XIX в. до периода фашистской диктатуры включительно.

К сожалению, это не удалось сделать: «Лекции» заканчиваются 1912 годом. Написанные в тюрьме, они страдают известной неполнотой, некоторые оценки автора не выдержали проверки временем. Но и до сих пор «Лекции» имеют значение не только для историографии. Очень интересно, в частности, сравнение этапов в истории развития партии болгарских тесняков и партии русских большевиков. Эти параллели нужны автору не ради оригинальности изложения, а для того, чтобы стало яснее, «...в каком отношении теснячество является действительно, по определению т. Георгия Димитрова, течением, близким и родственным большевизму, и почему оно привело нашу партию к Коминтерну и к Ленину, но в то же время — в чем теснячество не идентично большевизму, чем отличается от него, отстает в понимании ряда важных вопросов пролетарской революции и почему для большевизации нашей партии необходимо перейти от позиций теснячества на позиции ленинизма» (стр. 380).

В последнюю часть сборника включены работы Т. Костова с момента победы вос-

стапия 9 сентября 1944 г. до конца 1948 г. Это — доклады и выступления на пленумах ЦК БКП, на V съезде БКП, на партийных конференциях, конгрессах Отечественного фронта и т. д. В них нашли отражение основные проблемы работы партии в то напряженное время: участие Болгарии в войне против фашистской Германии и проблема мирного договора, борьба против реакционной оппозиции за единство рабочих и крестьян, вопросы партийного строительства, экономической политики партии и государства и многие другие.

Большое значение приобретала в тот период задача дальнейшего развития и укрепления Отечественного фронта. Явившись практическим воплощением идеи народного единства, Отечественный фронт поставил перед коммунистами, впервые пришедшими к власти, к тому же в союзе с другими партиями, ряд сложных задач, требовавших немедленного решения. В ожесточенной борьбе против внутренней и поддерживавшей ее международной реакции БКП нашла единственно верный путь, выдвигнув лозунг всемерного укрепления Отечественного фронта. Развивая мысль Г. Димитрова, Т. Костов говорил на I конгрессе Отечественного фронта в 1945 г.: «...мы должны беречь Отечественный фронт как зеницу ока. Мы не только не должны ослаблять его, но все более укреплять и расширять, превратить в истинно всепартийное движение».

Костов был сторонником все более тесного сближения партий Отечественного фронта и горячо приветствовал решение II конгресса Отечественного фронта о превращении последнего в единую общепартийно-политическую организацию.

Как истинный марксист-ленинец, особое значение Т. Костов придавал союзу рабочих и крестьян Болгарии: «Этот союз — величайшее историческое завоевание в новейшей истории Болгарии. В союзе рабочих и крестьян — все будущее Болгарии, вся надежда болгарско-

го народа на свободную, светлую и счастливую жизнь» (стр. 796—797).

Широко представлены в сборнике работы Т. Костова того периода, когда важнейшими для партии и страны были вопросы восстановления и развития разрушенного войной хозяйства. Возглавляя хозяйственную работу государства, Т. Костов уделял огромное внимание разработке и осуществлению первого в истории Болгарии двухлетнего плана, проведению намеченного БКП экономического курса. «Нельзя создать благосостояния для нашего народа, — писал он, — и обеспечить экономическую и политическую независимость нашей страны без национальной промышленности и без модернизированного и развитого сельского хозяйства. А индустриализация страны и модернизация ее сельского хозяйства невозможны без электрификации» (стр. 759).

Как до 9 сентября 1944 г., так и после установления народно-демократической власти Т. Костов последовательно и непоколебимо выступал за единство с КПСС, высоко ценил разностороннюю помощь Советского Союза. «Экономическая и техническая помощь СССР и взаимное сотрудничество стран народной демократии, — говорил он на V съезде БКП, — существующий элемент в деле строительства социализма в наших странах. Поэтому абсолютно необходимы самые искренние, братские, честные отношения стран народной демократии между собой и с СССР, необходимо взаимное согласование их хозяйственных планов».

Рецензируемый сборник дает представление о многосторонней деятельности преданного партии борца-коммуниста. Книга является ценным источником для изучения истории БКП, болгарского рабочего и революционного движения и всей гражданской истории Болгарии на протяжении 1935—1948 гг.

Р. И. Гришина

Ю. В. БРОМЛЕЙ. Становление феодализма в Хорватии. «Наука», 1964, 405 стр.

Книга Ю. В. Бромлея посвящена рассмотрению основных вопросов социально-экономического развития Хорватии в период раннего средневековья. Для изучения этих вопросов он привлек широкий круг источников, уделив особое внимание актовому материалу, в первую очередь картуляриям монастырей в Задаре, Биограде, Полице и Сплите. При этом он учитывал имеющуюся литературу.

Социально-экономическую историю Хорватии хорватские ученые изучают

уже давно, в всяком случае начало серьезного исследования проблем из этой области может быть датировано 80 годами XIX в., когда появилась известная монография Ф. Рачког о внутреннем состоянии Хорватии до XIII столетия. С тех пор накопилось много работ, отражающих разные принципиальные позиции их авторов.

Особенно много исследований по этим вопросам появилось в последние десятилетия. Некоторые из них, такие как ра-

боты Е. А. Ефремова¹, особенно близки теме, избранной Ю. В. Бромлеем.

Надо сказать, что для Ю. В. Бромлея характерна острая критичность в отношении к работам своих предшественников. Это обстоятельство следует отметить не только потому, что оно свидетельствует о самостоятельности автора в решении вопросов, по которым до него писало немало ученых, но и в силу того, что рассматриваемая работа отличается от трудов всех его предшественников широтой охвата вопросов и глубиной их анализа. Существует достаточно исследований почти по всем вопросам, излагаемым в книге, хотя бы и с иных позиций, но трудно назвать такую книгу, которая бы подобно книге Ю. В. Бромлея охватила все основные вопросы темы.

Нельзя в этой связи не отметить высокое теоретическое уровня книги. В ней творчески решается ряд теоретических вопросов, необходимых для конкретного анализа стоящих перед автором проблем.

Автор весьма тщательно в разборе текстов и осторожен в формулировании выводов. Иногда кажется, что он все еще колеблется перед тем, как высказать свое окончательное мнение. В то же время в решении некоторых вопросов автор не проявил обычно присущей ему осторожности.

В целом — это серьезное исследование, которое, — можно думать, — займет свое место среди трудов советских медиевистов вообще и славистов в частности и которое несомненно привлечет к себе внимание хорватских историков, еще не создавших подобной книги.

Ю. В. Бромлей очень удачно и правильно подошел к важному для данной темы вопросу о подлинности хорватских актов. Вопрос этот ослеплен и запутан в последние десятилетия. Автор решил опереться на то, что уже было сделано хорватскими учеными, имеющими неоспоримое преимущество — возможность оперировать не с изданиями текстов, а с оригиналами документов.

В результате разбора предшествующих работ и источниковедческого анализа, произведенного Ю. В. Бромлеем, признано невозможным использовать в качестве источника всего лишь полтора десятка актов и была убедительно доказана возможность использовать для изучения остальные.

Рассматривая важнейшие итоги исследования в целом, следует отметить такие основные положения автора. Основными

видами сельского хозяйства в Хорватии были: земледелие в пашенной форме, скотоводство, разведение винограда и фруктовых деревьев. Бромлей подчеркивает широту развития товарно-денежных отношений и вовлечения в них сельского населения. Последнее он характеризует как свободных общинников, в среде которых признает существование сохранившейся семейной общины в форме так называемой «братской» семьи. Но и ее он считает редким явлением, а основной формой признает малую семью.

Анализируя процесс дифференциации в крестьянской среде, Бромлей приходит к выводу, что процесс отчуждения земли свободными общинниками приобрел массовый характер, хотя и оговаривается, что преувеличивать его распространенность не следует.

Акты второй половины XI в. говорят о заметном росте монастырского землевладения, главным образом за счет пожалований государями неразделенных угодий, а также покупки.

Значительный интерес и не только для изучения истории Хорватии представляет процесс формирования зависимого сельскохозяйственного населения. Ю. В. Бромлей выясняет происхождение сервов, связывая это с закабалением обедневших крестьян, приобретением сервов у торговцев или у других лиц, а также превращением пленных в зависимое состояние. Интересно, что несмотря на сохранение термина, содержание его было уже новым. Сервы использовались преимущественно в сельском хозяйстве частично без предоставления им хозяйственной самостоятельности (рабовладельческий тип), частично с такой самостоятельностью (тип зависимых крестьян). Наличие первой группы являлось этапом на пути превращения сервов в зависимых крестьян (стр. 381). Таким образом, исследователь отвергает наличие в Далматинской Хорватии патриархального рабства.

Нам представляется не точным название книги. Во-первых, потому, что она посвящена не всей, а части Хорватии — Хорватии Далматинской. Во-вторых, в книге, несмотря на ее широкое заглавие, не рассматривается развитие города, хотя автор и вынужден говорить о некоторых формах воздействия города на развитие сельской жизни.

Большие сомнения вызывает общая характеристика уровня экономического развития исследуемого в книге общества.

Ю. В. Бромлей констатирует, что крестьяне, продавая землю, получали за нее иногда деньгами, иногда натурой. Следовательно, полагает он, они тратили эти деньги, что-то покупали на них. Отмечая «преобладание денег в качестве средства платежа» (стр. 101), автор утверждает наличие «относительно высокой степени вовлечения в XI в. сельского

¹ Е. А. Ефремов. Формирование феодальной собственности на землю в Далматинской Хорватии в X—XI вв. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XX, М., 1960; Ег о ж е. Земельные отношения и сельская община в Далматинской Хорватии в X—XI вв. — Там же, т. XXIV, М., 1962.

населения в товарно-денежные отношения» (стр. 100). Хотя в утверждении автора стоит спасительное, но бессодержательное «относительно», положение это представляется нам субъективным и сомнительным. Ведь автор не сообщил читателю численность населения изучаемой области и никак не определил место рассмотренных им сделок в общем экономическом обороте. Уже в силу этого возникает ряд сомнений. Перед нами только узкая и специфическая область отношений. Автор ставит продажу земли — тут трудно что-либо возразить — в связь с процессом расслоения деревни. Следовательно, речь идет о продажах выжужденных и вполне естественно, что крестьянин в таких случаях стремился получить деньги.

В это же время известно большое значение натуральной олаты при покупке земель монастырем св. Петра. Поэтому недостаточно убеждает и приводимая автором цифра 30% денежных сделок, так как она взята из одного картулярия и поэтому недостаточно характеризует общее положение.

Другой вопрос, поставленный в книге и вызывающий большие сомнения, — это вопрос о семейной общине. Опираясь скудным материалом немногочисленных актов, автор прослеживает данные об участниках сделок на землю, продавах участков, действующих от лица группы родственников или индивидуально. В итоге наблюдений делаются такие выводы. С одной стороны, констатируется преобладание малой семьи при сохранении большой. С другой стороны, утверждается, что основной формой большой семьи была так называемая «братская семейная община» (стр. 149). Это положение основывается на упоминаниях в актах родственных отношений участников сделок. Сама констатация участия родственников в сделках не нова, но вывод касательно «братской» семьи — новый.

Собственно вопросов здесь два. Один касается распространения большой семьи или семейной общины. Другой — формы сохранившихся больших семей. В отношении первого вопроса, полагаем, что Ю. В. Бромлей совершенно прав. В старой литературе славянской задруге действительно придано преувеличенное значение.

Ю. В. Бромлей отбирает все случаи упоминания в актах братьев и на этом основании формулирует свое утвержде-

ние о существовании «братской» формы большой семьи (стр. 149). Оставляя в стороне вопрос о том, в какой мере вообще можно говорить о «братской» семье как устойчивой семейной форме, хочу отметить, что в источниках имеются случаи, противоречащие утверждению автора. Например, известен некий Семивит. Был ли он главой простой семьи или семейной общины, неизвестно. Так или иначе, из оставшейся после него земли его сыновья подарили участок монастырю. Был ли один из них — Петр Семивит — главой «братской» семьи, как думает Ю. В. Бромлей, или он назван первым в качестве жупана, неизвестно. Во всяком случае, первоначальным владельцем был отец, и если тогда существовала семейная община, она явно была патриархальной, а возникла ли после его смерти «братская» семья, неизвестно.

В акте 12/31 картулярия монастыря евангелиста Иоанна в Биограде названы в качестве продавцов два брата, но названы по отцу. Может быть, случай этот надо толковать совсем иначе, чем это сделано в книге. Именно: тяжело больной отец посылает сыновей для совершения сделки. Поэтому акт и называет их по отцу. Есть примеры в актах, когда вообще братья не упоминаются. Например, хочется отметить, что у Ю. В. Бромлея нет данных о составе семей, нет сведений о семьях за какой-то промежуток времени, т. е. действительной возможности доказать наличие «братской» семьи не имеется. Между тем свидетельства, имеющиеся о смежных территориях (в данном случае речь идет о Болгарии XIV в.), показывают большую неустойчивость семейных общин.

Тезис же Ю. В. Бромлея о наличии в Хорватии в изучаемое им время «братской» семьи — пока только еще гипотеза, и будет ли она убедительно доказана историками, пока неясно. Что же касается этнографических справок о том, что такая форма где-то существовала, то это не может служить достаточно убедительными доказательствами существования таких отношений на рассматриваемой территории и именно в тот период времени, о котором идет речь.

В целом работа Ю. В. Бромлея является интересным исследованием, которое, как думаем, привлечет внимание историков.

С. А. Никитин

В. Д. КОРОЛЮК, *Западные славяне и Киевская Русь*. «Наука» 1964, 382 стр.

Новая монография В. Д. Королюка посвящена главным образом исследованию внешнеполитических отношений между Польшей, Чехией и Киевской

Русью в один из самых примечательных периодов их раннефеодальной истории. Избранные автором хронологические рамки определяются объективными факто-

рами. С одной стороны — это 60-е годы X века, которые были в некотором отношении переломными, так как образование универсалистской, агрессивной Германской империи поставило перед молодыми славянскими государствами проблему независимого национального существования; с другой стороны — это середина XI столетия, на которую приходится завершение процесса формирования феодальных общественных отношений и феодальной государственности в трех славянских странах, следствием чего явилось ослабление центральной власти, политическое раздробление.

Исследователь опирался главным образом на русскую летопись, Галла Анонима и Титмара Мерзебургского — свидетелей незаменяемых, но не всегда достоверных. Автором проделана большая историко-лингвистическая работа. Глубокое знание материала, способность анализировать его в самых различных — и на первый взгляд неожиданных — аспектах позволили автору пересмотреть ряд установившихся в науке положений.

Например, новое толкование летописного сообщения о походе Владимира на Червенские грады в 981 г. требовало от В. Д. Королюка тонкого анализа материала, хотя его вывод, что первоначальная запись летописи заключала в себе только рассказ о походе на «хорваты и дулебы», едва ли может считаться вполне обоснованным.

В. Д. Королюк рассматривает сложный вопрос о границах старой Чехии: все, что он пишет о планах, касающихся «пражского архиепископства», также останется гипотезой (при данном состоянии источников), но и эта гипотеза основана на блестящем знании эпохи и ее деятелей, логически обоснована.

В центре внимания автора стоят русско-польские отношения.

Три главных свидетеля (русская летопись, Титмар и польские хроники), к которым вынужден обращаться исследователь, охотнее всего повествуют о неудовольствиях и обидах, дипломатических акциях, интригах и особенно войнах. Буржуазные историки, рассматривая источники, утверждают, что соперничество и военные столкновения были чем-то постоянным в отношениях между Польшей и Киевской Русью, а мир и дружба — исключением.

Достижением В. Д. Королюка является радикальный пересмотр этого важного вопроса. Он отмечает, что для Польши и Чехии, моментом, определившим основную линию их внешнеполитической активности в X—XI вв., было существование Германской империи. Принимая во внимание политику Империи, он исследует и вопрос о русско-польских отношениях.

Анализ этих отношений очень сложен, но он вполне удался автору книги. Гер-

манская угроза, подкрепленная неоднократно актами прямой агрессии, толкала все три славянские страны к единению. Помимо определенных экономических связей, специальное рассмотрение которых не входило в число задач исследования В. Д. Королюка, должна была, конечно, существовать традиция этнической и языковой близости славян. Об этой традиции пишет наш летописец.

Несмотря на существовавшую между славянскими странами общность, каждая из них преследовала и свои собственные внешнеполитические интересы.

Опасность со стороны Империи (а может быть, еще и тот пример, который она подала) способствовала тому, что «великодержавные» стремления, характерные для всякого раннефеодального государства, приняли форму привлекательных, но совершенно неосуществимых планов создания великой Польши, объединяющей большую часть западнославянских земель. Чешские же феодальщики стремились к присоединению некоторых польских земель и в связи с этим добивались для себя преобладающего влияния на бодричей и лютичей.

Сходные намерения волновали и киевский двор, когда, мечтая подобраться к Византии, он вынашивал идею включения в состав Руси Болгарии. Ни один из этих планов не был осуществлен. Более того, связанная с ними политика ослабляла славянские страны, толкала их на борьбу между собой, чем неоднократно пользовалась Империя.

Основную причину крушения этих планов, их нереальность В. Д. Королюк усматривает в том, что главным направляющим процессом во внутреннем развитии славянских государств в указанный период был процесс «образования в основном этнически однородных раннефеодальных государств» (стр. 337). С этим, видимо, следует согласиться.

С большим интересом читается глава, посвященная польскому походу на Киев в 1018 г. Автор не затушевывает острый конфликт в истории русско-польских отношений, но он отмечает, что на смену ему пришел более или менее тесный военный и политический союз. Как показано в книге, не было ни «исконной русско-польской вражды», о которой столь тенденциозно говорят буржуазные, особенно немецкие, историки, ни преувеличенно идеализируемой славянофилами «славянской общности».

В. Д. Королюк убедительно доказывает, что русско-польский союз 30—40-х годов, русско-чешские союзнические отношения в последние годы правления Владимира и первые годы правления Ярослава не были случайными, — в этом существенная заслуга автора.

Как уже говорилось, эти отношения В. Д. Королюк рассматривает в тесной

связи с политическими событиями в Восточной и Центральной Европе того времени. Автор рисует картину Европы, в которой славянские народы играли самостоятельную и активную роль. В этом совершенно верном видении тогдашнего европейского мира заключено политически важное отрицание идей тех представителей западногерманской историографии, которые продолжают до сего дня твердить о «созидающем германском духе» и т. п. Страницы, посвященные этой тематике, лучшие в книге.

В работе В. Д. Королюка есть, конечно, некоторые спорные положения. Вызывает сомнение трактовка им в качестве однозначного явления понятий

«племенного княжества» и «государства». Так, например, из весьма неопределенного указания на существование «сильного князя» на Висле (в «Житии Мефодия») делается заключение о существовании «государства вислян», которое, впрочем, оказывается возможным именовать как «мелкое государственное образование» или еще более неясным термином «княжество вислян». Следует, впрочем, оговориться, что терминологические расхождения, здесь отмеченные, не умаляют значения исследования В. Д. Королюка. Советское славяноведение обогатилось хорошей монографией.

З. М. Черилковский

В. А. ДЯКОВ. *Тарас Шевченко и его польские друзья*. «Наука», 1964, 152 стр.

Еще первые биографы Т. Г. Шевченко — А. Я. Конисский, М. К. Чалый, В. П. Маслов, указывали на близость украинского поэта к польским прогрессивным деятелям. И. Я. Франко и М. П. Драгоманов, В. Г. Щурат и М. С. Возняк много сделали для изучения связей Т. Г. Шевченко с польскими демократическими кругами. Советские исследователи И. Я. Айзеншток, Г. Д. Вервес, П. В. Жур, Е. П. Кирилук, Г. И. Марахов, Г. П. Паламарчук, П. Н. Попов, Ф. Я. Прийма, А. Ф. Смирнов, Н. М. Ткаченко, Ф. А. Ястребов — в различных аспектах расширяли и углубляли эту, имеющую большую общественную значимость, историко-литературную тему. Определенный вклад внесли в разработку этой темы и польские ученые; особенно плодотворны исследования М. Якуба и др.

В. А. Дьяков много сделал для всестороннего освещения проблемы «Шевченко и поляки». Им написаны работы: «Шевченко и польское национально-освободительное движение» (Сб. «Тарас Шевченко», изд-во АН СССР, М., 1962) и «Новое про польские связи Шевченко в оренбургской ссылке» («Збірник праць XI Наукової Шевченківської конференції», Київ, 1963).

В рецензируемой работе автор ставит своей задачей рассказать о друзьях Шевченко среди деятелей польской культуры и польского национально-освободительного движения, раскрыть органическую близость Шевченко к этому движению, познакомить читателя с данными о распространении произведений украинского поэта-революционера в Польше.

Книга состоит из небольшого вступления, четырех глав и примечаний, по преимуществу библиографических.

В первой главе (стр. 7—34) автор рассказывает о зарождении у молодого поэта интереса к польскому языку и поль-

ской культуре, говорит о первом знакомстве его с поляками, о связях Шевченко с польскими студентами в Петербурге, о сближении с польскими революционными деятелями 40-х годов. Вольнолюбивые произведения Адама Мицкевича, прозванные революционным пафосом, исторические труды Иоахима Лелевеля — в центре внимания украинского поэта. Очень важной, на наш взгляд, является данная автором характеристика отношений Шевченко с поляком-петрашевцем Рудольфом Жуковским, прогрессивным деятелем польской культуры Ромуальдом Подберезским, а также со студентом Юлианом Бялыня-Кенджшиком, в будущем — активным участником восстания 1863 г.

Важно также указание исследователя на глубокую заинтересованность Шевченко революционными событиями 1846 г. в Галиции и Кракове. Автор комментирует донос лубенского городского Андреаса, обвинившего поэта в том, что последний «старался бросить пламеник мятежа и кровавых междоусобий и в Малороссии, подобно происходившим в западных губерниях (т. е. в Галиции. — *Е. Ш.*), восстановить народ противу законной власти».

Во второй главе (стр. 35—100) В. А. Дьяков обстоятельно говорит о связях Шевченко со ссыльными польскими революционерами и общественными деятелями в Оренбургском крае. Исследователь приводит ряд необычных данных об уже известных шевченковских друзьях-поляках по ссылке, называет новые имена, убедительно аргументируя свои предположения. Нельзя не согласиться с выводом автора, что дружеское общение на протяжении десяти лет с польскими ссыльными много дало Шевченко в смысле совершенствования его познаний в польском языке и дальнейшего знакомства с польской культу-

рой. В ссылке у поэта завязались дружеские отношения с выдающимся революционером Зыгмундом Сераковским, с одним из крупнейших прогрессивных польских поэтов Эдвардом Желиговским. Имя Шевченко становится чрезвычайно популярным в передовых польских кругах.

Большой интерес представляет третья глава книги, повествующая о польских связях Шевченко по возвращении его из ссылки, в последние годы жизни. Автор тщательно проследживает встречи поэта с польскими деятелями на пути в Петербург (Астрахань, Нижний-Новгород, Москва). Особенно интересны страницы, где речь идет о практической революционной деятельности Шевченко, о его содружестве с организаторами польского подполья в Петербурге.

Смерть и похороны Шевченко вызвали широкий отклик со стороны польской прогрессивной общественности. В. А. Дьяков приводит текст некролога, опубликованного «Вилеским курьером», в котором подчеркивалось, что Шевченко «вышел из народа, горячо любил его и был всегда с ним тесно связан» и как «человек идеи и правды... заслужил всеобщую любовь и признание». В ряде случаев, как указывает В. А. Дьяков, на страницах польских газет звучало признание, что патристические и свободолюбивые мотивы творчества поэта чрезвычайно созвучны с настроениями демократической польской общественности. Шевченко — друг польского народа и соратник в его освободительной борьбе.

В заключительной, четвертой, главе книги В. А. Дьяков рассказывает о том, как наследие Шевченко продолжало играть свою роль и в дальнейшем развертывании освободительной борьбы славянских народов. В конце XIX — начале XX в. творения Шевченко проникают в пролетарскую среду, содействуя формированию мировоззрения наиболее революционного класса Польши. Свидетельством популярности поэта является, в частности, замечательное стихотворение «Смерть Шевченко», написанное в начале 80-х годов прошлого века Болеславом Червешским, крупнейшим деятелем польского социалистического движения, одним из зачинателей польской пролетарской поэзии.

В 20- и 30-х годах польские националистические публицисты изображали Шевченко «врагом польского народа». Дьяков отмечает, что официальная литература в этот период искажала облик Шевченко, оказывая определенное отрицательное влияние на польскую общественность. Однако для передовой части польского общества, несмотря на все усилия фальсификаторов, Шевченко и в черные годы «санаций» продолжал оставаться поэтом революции, глашатаем идей дружбы между народами.

Автор свидетельствует, что с установлением в Польше народной власти популярность Шевченконеуклонно растет; появляются все новые и новые издания произведений поэта на польском языке, все глубже проникает слово Шевченко в массы польского народа. С переводами произведений украинского поэта выступают видные деятели современной польской литературы: Я. Ивашкевич, Л. Пастернак, Ст. Струмиф-Войткевич, В. Слободник, Г. Ястжембец-Козловский. В Польше широко отмечались юбилейные (1961 и 1964) шевченковские годы; ведется большая научно-исследовательская работа по изучению творчества Шевченко.

Значение книги В. А. Дьякова заключается в том, что она дает полный и систематизированный свод сведений о связях Шевченко с деятелями польского освободительного движения, начиная с таких известных и выдающихся деятелей, как Э. Сераковский, Э. Желиговский, и кончая многими менее известными участниками освободительной борьбы конца 50 — начала 60-х годов XIX ст.

Работа В. А. Дьякова свидетельствует о том, что тема «Тарас Шевченко и его польские друзья» может быть широко и полностью научно раскрыта лишь как тема единения передовых сил братских народов в борьбе против самодержавия и крепостничества, тема сплочения революционно-демократического авангарда в целях свержения реакционного строя, несшего социальное и национальное порабощение масс. Автор сделал весьма существенные общие выводы о взаимосвязях Шевченко и польского освободительного движения (см. стр. 98—100, 120, 126, 127).

Наряду с известными ранее литературно-историческими источниками, в книге В. А. Дьякова широко использованы новые материалы, особенно о лицах, связанных с Шевченко (Фишер, Вернер, Филалковский, Турно и др.).

В результате кропотливых изысканий В. А. Дьякова существенно пополнились и углубились наши представления о той среде, в которой жил Шевченко, особенно во время ссылки. В. А. Дьяков подробно характеризует обстановку, в которой очутился украинский поэт в Орском укреплении, где, оказывается, существовал довольно большой кружок ссыльных, русско-польский по своему составу, с которым Шевченко был тесно связан.

Анализ накопленных сведений дал возможность автору книги подробно, чем это делалось до сих пор, воссоздать историю написания таких произведений, как «Когда мы были казаками...», «В Вильно — граде достославном» и «Сычи», правильно трактовать их содержание (см. стр. 40—55). Правда, В. А. Дьяков, будучи сам историком (а не литературо-

ведом), заостряет внимание преимущественно на вопросах общественно-политических. Но поскольку эта сторона менее разработана, такой аспект представляется совершенно оправданным и целесообразным.

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть огромную роль кружка «Современника», его руководящего ядра в утверждении той основы, на которой укреплялась дружба Шевченко с передовыми деятелями польского революционного авангарда. Сближение с Чернышевским, с кружком «Современника» помогло украинскому поэту быстрее и глубже разобраться в политическом положении страны, включиться в борьбу революционно-демократических сил против самодержавия, социального и национального гнета.

Особенно важно было бы, на мой взгляд, проследить связи Шевченко и польских деятелей с молодежью военных учебных заведений, с офицерами генерального штаба, со слушателями и преподавателями инженерных и военно-медицинских учебных заведений Петербурга, Москвы, Киева.

В советской исторической литературе (А. Ф. Смирнов) уже отмечалось, что военная молодежь различной национальностью была тесно связана между собой и готовилась к совместному выступлению против царизма. Сераковский, Станевич, Домбровский, Новицкий (члены военной подпольной организации) были связаны с руководством «Современника» и вместе с Шевченко сыграли большую роль в сплочении лучшей части молодежи (в том числе — военной) вокруг «Современника».

Следовало бы, на мой взгляд, подробнее остановиться на том, что произведения Шевченко конца 50-х годов были могучим агитационным средством в руках деятелей «партии Чернышевского», в том числе и ее польского крыла. Концепция боевой дружбы народов, провозглашение самоотверженной борьбы за народное освобождение целью и смыслом жизни были той основой, на которой крепла и развивалась дружба Шевченко с польскими революционерами.

Характеризуя своего друга З. Сераковского, А. И. Герцен писал: «К Россину у него не было не только ненависти, но он с любовью останавливался на любимой мечте о независимости Польши и дружественной ей вольной России». Вот тот фундамент, на котором сплывался революционный авангард России, Украины и Польши, объединялись их лучшие сыны. Польские знакомые Тараса Шевченко становились его подлинными друзьями именно на этой основе. Они закалялись и шли в революционную борьбу как пламенные патриоты своей отчизны и вместе с тем как самоотверженные борцы всероссийского фронта — против царизма, против социального и нацио-

нального гнета. Книга В. А. Дьякова повествует о польских друзьях Шевченко именно под этим углом зрения.

Несмотря на широту охвата материала, книга В. А. Дьякова не исчерпывает, конечно, данную проблему. В качестве желательных направлений для продолжения исследований хотелось бы указать следующие: 1) вилениские связи Шевченко 30-х годов, в особенности ученики Рустемаса и связанные с ними студенты Университета; 2) связи Шевченко с поляками — воспитанниками петербургской Академии художеств, с репрессированными участниками восстания 1830—1831 гг. и польских конспиративных организаций в 30-е годы; 3) связи Шевченко с поляками из студенческих кружков Петербурга и Москвы середины 40-х годов, особенно из кружков нетрашцевцев; 4) связи Шевченко с поляками, участвовавшими в Кирилло-Мефодиевском братстве или сочувствовавшими ему, а также с самостоятельно существовавшими подпольными кружками и группами в Киеве и других городах Украины второй половины 40-х годов; 5) дальнейшее изучение связей Шевченко с польскими конспираторами и русско-польскими и украинско-польскими нелегальными организациями в 1859—1861 гг.

Последнее из названных направлений представляется мне наиболее важным. Источники убедительно говорят о близости Шевченко к революционному подполью в Петербурге. Петр Жук (в книге ошибочно названный Петр Жуков) привлек внимание исследователей к обнаруженной в бумагах В. Ф. Ратча рукописи В. Коссовского, из которой явствует, что Шевченко принадлежал к одному из подпольных революционных кружков. Это говорит о том, что освободительное движение имело в лице Шевченко, в его творчестве могучую силу, вдохновлявшую многих к самоотверженной борьбе с самодержавием. Недаром в письмах З. Сераковского украинский поэт еще в начале 50-х годов был назван «батьком». Обращаясь к Шевченко, З. Сераковский писал: «...Ты олицетворяешь идею». И это действительно так! Для революционного авангарда Польши конца 50 — начала 60-х годов XIX в. Шевченко был не просто единомышленником, «сочувствующим» их борьбе, но и высоким примером самоотверженного служения народу, негибаемым борцом против царизма и крепостничества.

В книге В. А. Дьякова широко использована как уже имеющаяся литература, так и архивные материалы, обнаруженные автором в хранилищах Москвы, Ленинграда, Киева, Вильнюса, Варшавы и Кракова. Широко использованы в книге также многочисленные литературные источники и мемуары о революционном движении 40—60-х годов XIX ст.

Книга вышла в научно-популярной серии изданий Академии наук СССР. Хочется отметить хороший язык книги, доступность и аргументированность в изложении часто очень сложного материала. Заслуживают внимания, в частности, помещенные в книгу иллюстрации, подобранные вдумчиво и представляющие безусловный интерес для широкого читателя. Одновременно с русским текстом вышел польский перевод рецензируемой книги (переводчик Эрне-

стина Мендзыжецкая, редактор Данута Янишевская, художник Пшемислав Бытоньский). Книга хорошо оформлена, перевод точно передает содержание подлинника. Нет сомнения, что книга В. А. Дьякова послужит популяризации имени Тараса Шевченко в Народной Польше, будет содействовать укреплению дружбы между народами Советского Союза и польским народом.

Е. С. Шаблювский

SIEGFRIED MICHALK. Der obersorbische Dialekt von Neustadt. Bautzen. 1962, 483 стр. + 106 карт.

ЗИГФРИД МИХАЛК. Верхнелужицкий диалект Нейштадта

Серболужицкие языки до последнего времени были наименее разработанным разделом в славянском языкознании. К 30-м годам XX в. по серболужицкому языкознанию, возникшему в середине XIX в., имелся ряд серьезных исследований, авторами которых были как лужицкие, так и иностранные лингвисты. Однако работы в этой области не могли быть продолжены в тех условиях, которые сложились в Германии в результате установления фашистского режима. Лишь после 1945 г., когда лужицкие сербы получили равные права с остальным населением ГДР и культурную автономию, вновь созданы предпосылки для изучения серболужицких языков, центром которого стал Институт серболужицкого народоведения в Баутцене. К числу работ, созданных в этом институте, принадлежит и вышедшая недавно книга лужицкого лингвиста Зигфрида Михалка «Верхнелужицкий диалект Нейштадта» (в серии: «Spisy za serbski ludospy», 15).

Цель, которую З. Михалк ставит в своем исследовании, обусловлена ясным пониманием того, насколько бедна современная славистическая литература сведениями о серболужицких языках. Свою задачу он определяет следующим образом: «дать возможно полное описание говора верхнелужицкой деревни Нейштадт» (Neustadt, лужицкое название — Nowe Město), «пополнить ряд серболужицких диалектологических монографий и тем самым помочь создать предпосылки для всестороннего изучения серболужицких диалектов» (стр. 5).

Специфика говора дер. Нейштадт, территориально расположенного на стыке верхнелужицких и нижнелужицких диалектов, позволяет З. Михалку расширить рамки своего исследования; сопоставительный анализ сосуществующих в диалекте верхнелужицких и нижнелужицких особенностей дает возможность выявить связи исследуемого диалекта с другими говорами Верхней и Нижней Лужицы.

Книга З. Михалка содержит описание фонетики и морфологии говора в их современном состоянии, а также в отношении к праславянскому состоянию, с одной стороны, и к другим верхнелужицким и нижнелужицким диалектам, с другой. К исследованию приложено большое количество диалектных текстов из дер. Нейштадт, словарь и карты распространения некоторых диалектных явлений на территории, примыкающей к этой деревне.

Определение фонемного состава говора, даваемое З. Михалком, представляет собой один из первых опытов фонологической интерпретации звукового материала серболужицких диалектов. З. Михалк строит фонологический анализ в артикуляционных терминах в духе пражской фонологии. Особенно важно, что Михалк детально анализирует позиционное распределение фонем, их сочетаемость и частоту употребления. Так, например, таблица позиций различия твердых и мягких согласных фонем (стр. 54—55) и таблица сочетаний согласных с учетом их частотности (стр. 65—73) даны в применении к серболужицким диалектам впервые. З. Михалк вносит ряд важных уточнений в представление о фонемном составе некоторых серболужицких диалектов, изложенное в свое время Л. В. Щербой (стр. 40, 46, 52).

В разделе «Отношение звуков диалекта Нейштадт к звукам праславянского языка и современных нижнелужицких и верхнелужицких диалектов» З. Михалк затрагивает вопросы истории говора и определяет его место среди верхнелужицких и нижнелужицких диалектов на основании лингвогеографических данных, содержащихся в приложенных картах. Выводы эти очень важны, так как они в некотором роде компенсируют отсутствие сводного описания и классификации серболужицких диалектов.

В разделе фонетики значительное внимание уделяется фонетической передаче немецких заимствований.

В исследовании о малоизученных языках, какими являются серболужицкие, особенную роль играет качество и подача материала. З. Михалк свои соображения по поводу фонемного и звукового состава говора и его истории аргументирует тщательно подобранным богатым материалом, особенно при анализе явлений неунифицированных, имеющих большое количество отклонений и исключений, например таких, как фонетическая реализация задненёбной звонкой согласной фонемы (стр. 60—64), замена * ϵ (стр. 109—112) и др.

Однако некоторые соображения, изложенные в разделе фонетики, вызывают возражение.

Автор не всегда четко разграничивает понятие фонемы и звука, следствием чего являются неточные определения. Так он пишет, что фонема [ɛ] не выступает после твердых губных, где она чередуется с [ɔ], и на основании этого выделяет особую подсистему гласных фонем для позиции в начальном слоге после твердых губных (стр. 39). Однако утверждение о невозможности употребления после твердых губных справедливо только по отношению к гласному ϵ , но не по отношению к фонеме [ɛ]. Эта последняя может быть реализована не только гласным ϵ , но и гласным e (стр. 34), который возможен в позиции после твердых губных как в начальном, так и в нена начальном слоге. Ср. примеры из текстов: *bucej* (347), *uēt lubej* (348), *zes praucej* (358), *nowej* (359), в словаре — *beja* (422), *hibel* (430), *jačibel* (432), *rebel* (449) и др. Часть примеров такого рода З. Михалк расценивает не как нарушение сформулированного им правила о невозможности употребления фонемы [ɛ] после твердых губных, а как выражение того, что мягкость согласных перед e релевантна. Подтверждение этой мысли он видит в возможности параллельных форм с твердыми и мягкими согласными перед e : *rečep*, *řečač*, *řečor* (стр. 33). Иными словами, З. Михалк в этом случае констатирует нейтрализацию противопоставления по твердости-мягкости. С этим согласиться нельзя. Пока наряду со словами, в которых произойдет $i'e || te$, имеются слова, в которых возможно только te и никогда $i'e$, нет оснований говорить о релевантности мягкости перед e . Дублетные формы свидетельствуют всего лишь о возможности параллельного употребления твердых и мягких согласных фонем, вызванного общим ослаблением категории мягких фонем. К тому же зафиксированное в текстах произношение *uečor* (301) свидетельствует о возможности употребления ϵ после твердых губных. Сам автор также приводит ряд случаев употребления гласного ϵ после твердых губных, однако считает возможным не принимать

их во внимание, так как эти слова по своему происхождению являются заимствованиями из немецкого: *pelc*, *šuegerńica*, *tułka* (стр. 33). К ним можно добавить *měldowaj* (319), *fer'uetuionu* (339). Однако сам автор (35) справедливо замечает, что в лужицких языках следует различать заимствования в зависимости от того, осознается ли их немецкое происхождение или нет, так как в последнем случае фонетический облик слова организуется в соответствии с нормами диалекта, воспринявшего эти слова. И если слова, иноязычного происхождения которых осознается, по своему звуковому и фонемному составу могут оказаться за пределами основной системы, то слова, иноязычного происхождения которых не осознается, полностью включаются в эту систему. В словах же *tułka*, *šuegerńica*, *fer'uetuionu* уже сама их словообразовательная структура свидетельствует о том, что немецкое происхождение их вряд ли осознается, и они вполне могут быть использованы в качестве иллюстраций употребления ϵ после твердых губных.

Смешением понятия звука и фонемы вызвано и утверждение относительно гласного i : «эта фонема возможна только после всех мягких согласных» (стр. 34).

Следствием недостаточного четкого разграничения синхронного и диахронического аспекта является утверждение автора о том, что в положении после твердых согласных оппозиция $i — \epsilon$ нейтрализуется в y (стр. 36). В современном говоре в словах *syč*, *sykač*, *cyra*, *syn*, *zuma* не происходит нейтрализации противопоставления $i — \epsilon$. Речь может идти лишь о том, что употребление фонемы [ɛ] ограничено положением после мягких согласных.

Обращаясь к системе консонантизма исследуемого говора, З. Михалк констатирует в ней несколько рядов коррелятивных фонем. К числу коррелятивных он относит как нейтрализуемые, так и ненейтрализуемые противопоставления. В ряд фонем, коррелятивных по наличию или отсутствию нисовой артикуляции, без достаточного основания включены фонемы [ɟ] — [ŋ], так как последние различаются более чем одним признаком — не только наличием или отсутствием нисовой артикуляции, но и наличием или отсутствием взрывности.

Параллельное употребление согласных h и u (на месте h может быть u) З. Михалк расценивает как проявление тенденции к образованию одной фонемы вместо двух (стр. 64). Но поскольку h вместо u не зафиксировано, то речь, по видимому, может идти лишь об ослаблении противопоставления [h] — [u] за счет ослабления релевантности фонемы [h]. Вследствие этого обе фонемы могут оформлять фонетические дублеты слов.

Необоснованным кажется и утверждение З. Михалка о том, что вследствие возможности произношения *hnač*||*gnač*, согласный *g* надо считать факультативным вариантом фонемы [h] (стр. 118). Судя по зафиксированным словам, в которых произносится только *g*, но не *h* (стр. 119), в говоре наряду с фрикативной задненёбной звонкой фонемой имеется взрывная задненёбная звонкая фонема [g]. Сфера употребления ее незначительна; она может находиться в параллельном употреблении с фонемой [h], о чем и свидетельствует произношение *hnač*||*gnač*.

Следует заметить, что автор вообще несколько недооценивает фактор противопоставления при определении фонемного состава говора. Так, положение о том, что из факта произношения *d'ias, s'iaty, z'iazab* еще не следует, что в говоре имеются фонемы [d'], [s'], [z'], З. Михалк аргументирует невозможностью употребления после *d, z, s* гласных *i* и *ě* (стр. 53). Более убедительным аргументом было бы упоминание о том, что в говоре ни в какой позиции невозможна оппозиция *d — d', s — s', z — z'*.

Более половины всей монографии занимает описание морфологии говора Нейштадта, в основном глагольной системы говора.

В разделе, посвященном имени существительному, прилагательному, местоимению и числительным, автор приводит парадигмы для всех родов и чисел, комментирует некоторые из форм, рассматривает отношение падежных флексий к праславянским и к флексиям в верхне- и нижнелужицком литературных языках. В некоторых случаях он сопоставляет соответствующие флексии из разных говоров и уточняет уже известные данные (см., например, комментарий к двойственному числу существительных, стр. 161). Автор удачно сопоставляет парадигмы существительных, прилагательных, местоимений, числительных и выделяет различные типы склонений, например, у существительных в двойственном и множественном числах — два типа склонений, у прилагательных, местоимений и числительных в двойственном и множественном числах — один тип.

Наиболее значительным и ценным в работе З. Михалка надо считать описание морфологии глагола. Впервые в лингвистической литературе автор устанавливает ряд важных фактов в серболужицких языках. Напомним, что З. Михалком уже опубликовано несколько статей по морфологии серболужицкого глагола. Материалы некоторых из них¹ вошли и в данную монографию.

Особое внимание автор уделяет наиболее сложным и запутанным вопросам морфологии серболужицкого глагола — виду и времени. В этой монографии, как и в других статьях, З. Михалк убедительно обосновывает точку зрения на правомерность существования категории вида в современном верхнелужицком диалектном языке, приводя пары глаголов, противопоставленные по виду. Отметим, что эти данные З. Михалка расходятся с ранее собранным материалом Л. В. Щербы.

Материал, приводимый З. Михалком, и сделанные им выводы при описании морфологии глагола говора Нейштадта (как в разделе о категории вида, так и в части, посвященной формам времени) выходят далеко за рамки чисто монографического описания говора.

В разделе о формах времени особенно интересны наблюдения З. Михалка над распространением отдельных форм прошедшего времени в серболужицких языках вообще. Известно, что в серболужицких литературных языках и части говоров до сих пор употребляются простые формы прошедшего времени — аорист и имперфект. В говоре, который обследует З. Михалк, этих форм нет. Но автор не ограничивается констатацией этого факта. Основываясь на своих предшествующих наблюдениях, он приводит в монографии карту распространения простых форм прошедшего времени по всей территории серболужицких языков². Проследившая распространение форм аориста и имперфекта в северных верхнелужицких говорах, З. Михалк пытается доказать, что утрача форм аориста и имперфекта в нижнелужицких говорах и в говорах северной части верхнелужицкой области представляет собой довольно раннее явление. Он утверждает, что в нижнелужицком диалектном языке эти формы были архаизмами уже в XVI в. В качестве аргументации этой точки зрения приводятся исключительно морфологические факты. Так, например, З. Михалк отмечает, что в некоторых верхнелужицких и во всех нижнелужицких говорах, где простые формы прошедшего времени уже не употребляются, утрачено спряжение вспомогательного глагола в формах конъюнктива. Здесь вместо старых спрягаемых форм во всех лицах и числах употребляется конъюнктивная частица (*by*). В этих же диалектах значительно чаще, чем в других говорах, сохраняющихся еще простые формы прошедшего времени, опускается вспомогательный гла-

¹ S. M i c h a l k. Über den Aspekt in der obersorbischen Volkssprache. — «Zeitschrift für Slawistik», Bd. IV, 1959, H. 2.

² Впервые эта карта была опубликована в статье: S. M i c h a l k. Der Verlust der synthetischen Vergangenheitsformen im Norden des obersorbischen Sprachgebietes. — «Slavica Pragensia», I, Praha, 1959, S. 104.

гол в 3-м лице единственного числа перфекта (*jo*).

Автор придает большое значение влиянию немецкого языка, но не определяет, к сожалению, в чем конкретно оно проявляется. Влияние немецкого языка на серболужицкие языки легче всего обнаруживается в таких областях, как лексика и синтаксис, в меньшей степени — в словообразовании и формах имени. Но если в этих разделах роль немецкого языка не вызывает сомнений, то влияние его на серболужицкий глагол и, в частности, на временную систему не столь очевидно и требует специального изучения. З. Михалк считает, что простые формы прошедшего времени в серболужицких литературных языках, в частности в ранних переводах Библии, сохранились в результате немецкого влияния. В этом случае необходимо было бы учесть и состояние простых форм прошедшего времени в соответствующих немецких диалектах, выяснить, какова судьба серболужицких простых форм прошедшего времени там, где окружающие немецкие диалекты еще сохраняют простые формы претерита в живом употреблении, и там, где они уже утратили эти формы.

Вполне самостоятельную ценность имеют помещенные в книге диалектные тексты, данные в фонетической транскрипции и снабженные переводом на верхнелужицкий литературный язык. Такое обширное собрание серболужицких диалектных текстов публикуется впервые. З. Михалк специально подобрал тексты разной стилистической окраски, что между прочим дало ему возможность проиллюстрировать связь звуковых изменений с темпом и стилем речи (стр. 81).

Приведенные тексты представляют большой интерес и для тех, кто интересуется морфологией верхнелужицкого языка и, в частности, употреблением отдельных специфических верхнелужицких форм времени (например, формы причастия прошедшего времени на *-t* в сочетании с аористной формой глагола *być*: *by*, *bychmy*, *bychu*). К сожалению, в фонетических записях текстов не всегда представлено ударение, особенно если учесть, что (по словам самого З. Михалка) картина акцентуации в говоре достаточно сложна (стр. 78).

Карты, приложенные к книге, охватывают территорию пограничных диалектов, слепянского, мужаковского и северной части верхнелужицких. Большая часть карт отражает произношение отдельных слов (морфем), возводимых к определенной праславянской форме. В некоторых случаях как явление картографированы лишь морфологические особенности. Например, карта 54 отражает наличие или отсутствие в говорах имперфекта и аориста, карта 63 — образование дательного падежа единственного числа существительных мужского рода и т. д. Как явление картографируется и место ударения (карта 43). Итоговый характер имеет карта 102: на ней нанесены пучки изоглосс, выявленных на основании картографирования материала на предыдущих картах.

Монография З. Михалка, созданная на обширном и тщательно обработанном материале, представляется одним из наиболее значительных и ценных исследований в ряду работ по серболужицким языкам, вышедших за последнее время

М. П. Ермакова, Л. Э. Калынь

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ХУДОЖНИКАХ¹

За последнее время польская научная литература обогатилась рядом интересных работ, посвященных исследованию современной культуры, в которых значительное место занимает социологический анализ предмета². В 1964 г. в серии «Исследования по проблемам рабочего класса и интеллигенции», издаваемой Институтом философии и социологии ПАН, вышла книга Александра Валлиса «Художники. Профессия и среда».

В работе рассматриваются экономические и общественные проблемы творческой деятельности художников. Автор прежде всего хочет ответить на основной вопрос: каким образом под влиянием революционных преобразований, происшедших в Народной Польше, формировалось общественное положение художников, т. е. чем определяются позиции художников в обществе и их моральный авторитет, каким путем результат их творчества становится общественным достоянием.

Материал, послуживший основой исследования, можно разделить на три группы. Первая — это результаты двух анкет, проведенных среди художников. Вторая — различного рода публикации: статьи, воспоминания, дискуссии, каталоги и т. д. Третья — личные наблюдения автора, тесно связанные со средой, о которой он пишет.

¹ A. Wallis. *Artyści — plastycy. Zawód i środowisko. Z badań nad klasą robotniczą i inteligencją*. T. XIV. Warszawa, 1964.

² S. Żółkiewski. *O kulturze Polski Ludowej*. Warszawa, 1964; A. Kłowska. *Kultura masowa*. Warszawa, 1964; E. Kossak. *Pisarz, kultura, społeczeństwo*. Warszawa, 1964.

Существенный интерес представляет первая группа материалов. Автор провел две анкеты: в 1958 и 1959 годах. Ответ на первую анкету дали 1072 художника (около $\frac{1}{3}$ общего состава Союза художников), на вторую — 342 ($\frac{1}{4}$ исследуемой среды). Полученные ответы дали автору материал для ряда интересных наблюдений, которые несут, однако, в известной степени ограниченный характер. Во-первых, анкетой не было охвачено большинство членов Союза. Кроме того, поскольку анкетирование было проведено в 1958—1959 гг., собранный материал дает основание сделать вывод лишь относительно ситуации, имевшей место до 1959 г. Поэтому некоторые выводы автора не совсем актуальны для сегодняшнего дня, ибо в последующий период (особенно после III съезда ПОРП) в этой сфере произошли весьма серьезные изменения.

Центральное место в книге занимает анализ «художественной среды» и ее взаимоотношений с обществом и государством.

Художественную среду автор рассматривает в широком аспекте, как одну из профессиональных групп интеллигенции, и в более узком — как группу людей, объединяющую наиболее авторитетных художников, создающих общенациональные культурные ценности.

На богатом фактическом материале автор исследует вопрос о географическом размещении художественной среды, отмечая два одновременно протекающих и в известной мере противоположных процесса: с одной стороны, укрепление средних и малых художественных центров, имевших до сих пор второстепенное значение, и создание новых, а с другой стороны, — переселение художников из более мелких городов в крупные, наиболее ярким выражением чего является возрастающая концентрация творческого потенциала страны в столице.

Автор отмечает исторически сложившееся численное преобладание живописцев среди художников. В то же время автор показывает относительно медленный рост числа живописцев по сравнению с художниками-графиками и особенно мастерами декоративно-прикладного искусства и проектирования интерьера. Относительное уменьшение удельного веса станковой живописи является естественным следствием изменения потребностей общества. В эпоху массовой культуры, какой является XX век, преимущественное развитие наиболее массовых по своей природе видов искусства — исторически закономерное.

Как показывают приводимые автором данные, в годы Народной Польши наблюдается необычайно бурный рост монументального искусства. Если в период межвоенного двадцатилетия было реализовано лишь несколько значительных проектов

монументальных росписей, то в настоящее время осуществляется свыше 100 росписей ежегодно, что является несомненным результатом экономического и культурного развития Народной Польши. Благодаря поддержке государства был создан ряд издательств, что стимулировало развитие книжной графики и плаката. Социалистические основы деятельности, — отмечает А. Валлис, — позволяют издательствам исключить те негативные явления (например, конкурентную борьбу), которые присущи развитию прикладного искусства в капиталистических странах (особенно тех его видов, которые связаны с массовой культурой).

Рассматривая возраст и время дебютов большинства современных художников, автор приходит к выводу, что к 1958 г. поколение, начавшее творческую деятельность во время и после войны, численно преобладает над теми, кто дебютировал перед второй мировой войной. Автор показывает одно из тяжелых последствий войны, сказавшееся на развитии творческих сил целого поколения художников: послевоенные годы дали наибольшее число запоздалых дебютов, а как известно из истории искусства, лишь в единичных случаях художникам, поздно дебютировавшим, удавалось добиться выдающихся результатов.

Другое тяжелое последствие войны заключалось в том, что в первые послевоенные годы польское общество практически не имело средств для покупки произведений искусства. Народное государство начало закупку картин буквально с первых дней своего существования, однако значительный масштаб она приобрела лишь в конце 40 — начале 50-х годов, когда страна, разоренная фашистской оккупацией, несколько восстановила свою экономику.

Организации, осуществляющие закупку произведений искусства у художников, автор делит на три группы: государственные, которые играют доминирующую роль, частные (отдельные лица и частные фирмы), роль которых также весьма значительна, и, наконец, церковные. По данным А. Валлиса, церковь покупает 23% скульптур, а частные лица 53% графики. Все эти закупки, как отмечает автор, хотя и имеют определенное значение, не могут полностью обеспечить экономическую основу быта художников. Существуют и «косвенные» источники дохода, что оказывает известное влияние на профессиональную психологию художественной среды.

Поэтому материальная поддержка государством среды художников осуществляется и другими путями: развитием сети обучения, общежитий, стипендий для студентов, развитием новых художественных центров, заграничными стипендиями, выделением известного количе-

ства мастерских, финансированием выставок.

А. Валлис показывает полную независимость государственной помощи развитию изобразительного искусства от коммерческих интересов, которые в капиталистических странах в целом являются определяющими. Выбор выставок, географическое размещение экспозиций по стране, организация индивидуальных и ретроспективных показов, их интенсивность, создание новых художественных объектов совершенно свободны от коммерческих основ, продиктованы социалистической концепцией культуры.

Важен и интересен раздел «Выставки и публика», где разбирается вопрос о путях приобщения широких кругов зрителей к искусству. Автор дает исторический обзор этой проблемы. Анализируя классовый состав публики, посещавшей выставки в буржуазной Польше, А. Валлис показывает, что наиболее традиционные по форме и консервативные направления в искусстве, например, общество «Pro Arte», поддерживались буржуазной публикой и имели определенный классовый характер.

Автор рассматривает положительные явления, возникшие в годы Народной Польши, в отношениях между художниками и зрителями. Лишь при народной власти началось систематическое, не зависящее ни от каких посторонних причин развитие выставочной деятельности, приобретшей небывалый размах. Непонятно возросла популярность выставок. Автор приводит интересные цифры, позволяющие сравнить посещаемость одинаковых по характеру выставок в буржуазной и Народной Польше. Если в 1932 г. выставку Леона Вгучулковского ежедневно посещало в среднем 86 человек, то в 1956 г. выставку Яна Цибиса — 972 человека. Остановившись на том, какие выставки наиболее активно посещаются, А. Валлис приходит к выводу, что цифровые данные противоречат распространенному мнению, будто популярность «традиционного искусства» превышает интерес к выставкам «современного искусства».

Значительное внимание автор уделяет анализу психологии исследуемой среды. Он констатирует, что какой-то специфической «идеологии художников» не существует, существует лишь определенная психология среды, выражающая реакцию этой профессиональной группы на условия ее деятельности.

Одной из основных проблем, в которой находит выражение профессиональная психология художников, является проблема «творческой свободы». Автор проследивает борьбу за осуществление этой идеи со времени «Молодой Польши», отмечая, что идеал творческой свободы часто находится в противоречии с идеалом общественного и экономического раз-

вития. Реализация ничем не связанных стремлений художников часто бывает так далека от актуальных потребностей общества, что оба названных идеала взаимно себя исключают.

Автор отмечает, что переход в современной Польше функций покупателя произведений искусства от частных лиц к государству коренным образом изменил ситуацию, характерную для буржуазной Польши, когда покупатель был и основным «потребителем» художественной ценности картины или скульптуры. Это вызвало у художников ощущение известной «изолированности», ибо была утрачена ориентировка на того конкретного зрителя, к которому должно быть обращено их творчество.

А. Валлис, констатируя существующее противоречие между определенными тенденциями в изобразительном искусстве и интересами «потребителей», не связывает его с развитием в XX в. агиреалистических, пекомуннативных течений в искусстве. А именно это столь характерное для XX в. явление — одна из существенных причин творческой изоляции художников. Видя выход из положения только в развитии культурных потребностей нового общества, автор тем самым проходит мимо вопроса о содержании искусства нового общества, хотя эта проблема естественно и не могла стать основной в исследовании социологического характера.

А. Валлис освещает также ряд интересных частных вопросов: причины возникновения художественных групп, вопрос об авторитете личностей и групп, о путях формирования общественного и профессионального мнения об отдельных мастерах.

Одним из интересных результатов исследования А. Валлиса является вывод о значении художественной среды в определении общественного положения художников. Художественную среду автор считает явлением общественно-историческим. Она имеет собственную психологию, собственную иерархию художественных ценностей, собственные авторитеты. Наиболее четко, по мнению автора, эта психология проявляется в отношениях художников с обществом. При решении вопросов внутри среды чаще выступают взгляды отдельных групп или личностей, нежели идеология художников как единого целого.

Среди факторов, определяющих большую роль среды, автор называет опосредованный характер взаимоотношений между художником и публикой, современный характер «мецената», противоречивость положения художников-станковиков и скульпторов в эпоху массовой культуры. В этом автор видит специфику художественной среды по сравнению с другими группами творческой интеллигенции.

Книга А. Валлиса отражает переходный этап в развитии художественной среды, когда народная власть сделала уже очень многое для развития культуры. Этап сложный, противоречивый, характеризующийся паличем различных направлений.

Трудности и успехи, переживаемые польским пародом, идеологическая борьба в той или иной форме находят отражение и в художественной культуре. К сожалению, автор слишком изолированно исследует среду художников, вне той исторической связи с окружающей действительностью, которая позволила бы выснить причины различных отмечаемых автором явлений. Лишь в нескольких местах автор бегло сравнивает среду художников со средой других творческих профессий, но не анализирует ее взаимосвязанно с определенными этапами в развитии польского общества в целом. Это делает

некоторые выводы автора внеисторичными. В результате многие явления, до ставшие в наследство от буржуазной Польши, выглядят не как постепенно преодолеваемые пережитки прошлого, а как стабильные явления социалистической культуры. Это порой ставит читателя в тупик перед некоторыми пессимистическими выводами автора.

Однако ценность книги А. Валлиса бесспорна. Сама концепция автора, являясь продуктом определенного исторического периода, даже в своей известной непоследовательности и не всегда полной аргументированности отражает противоречия современного этапа в развитии польской культуры. Вместе с тем книга дает богатый материал для понимания некоторых причин этих противоречий, а тем самым для их преодоления.

И. Свирида

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ И СТАТЬЯХ

JAN KRŠEN. *Do emigrace. Buržoazní zahraniční odboj 1938—1939*. Praha, 1963, 579 s.

Я. КРШЕН. *В эмиграцию. Буржуазное сопротивление за границей в 1938—1939 гг.*

В чехословацкой историографии существует много работ, посвященных деятельности буржуазной эмиграции в годы второй мировой войны. Но все они вышли из-под пера буржуазных историков и политических деятелей вскоре после войны. Только в 1961 г. вышла первая марксистская монография Б. Лапшовички «В Лондоне во время войны»¹, в которой показана борьба, развернувшаяся между КПЧ и буржуазной эмиграцией за руководство национально-освободительным движением. Книга Я. Кршена «В эмиграцию» является первой частью задуманной им трилогии. Она восполняет существенный пробел в чехословацкой исторической литературе. «Нельзя оставлять буржуазии монополию писать самой о себе», — справедливо замечает автор, обосновывая необходимость исследования политики буржуазной эмиграции и ее участия в движении Сопротивления (стр. 10).

Монография Кршена охватывает период от Мюнхена до начала второй мировой войны. Изучение этого, казалось бы небольшого, отрезка времени имеет принципиальное значение для понимания последующего хода развития событий. В этот период создались пред-

посылки и началось формирование буржуазной эмиграции как одной из сил, борющихся за гегемонию в чехословацком национально-освободительном движении. В опубликованной в 1963 г. статье о задачах первого тома готовящейся в Чехословакии фундаментальной истории чехословацкого антифашистского движения Сопротивления Я. Кршен справедливо считает недостатком чехословацкой историографии слабую изученность начального периода оккупации. В результате этого «значительные события конца войны в нашем изложении, — замечает автор, — зачастую появляются без глубокого освещения основных исходных моментов»².

Автор монографии поставил перед собой две основные задачи: исследовать отношение западных держав к чехословацкому вопросу и проанализировать политику чехословацкой буржуазной эмиграции прозападной ориентации накануне войны.

Монография основана на разнообразных источниках, в том числе на материалах архивов ЦК КПЧ, Института истории КПЧ, Института истории КПС и ряда немецких архивов, а также на изучении литературы.

¹ B. Laštovička. V Londýně za války. Zápasy o novou ČSR 1939—1945. Praha, 1961.

² J. Křen. K úkolům prvního svazku trilogie o československém odboji. — «Historie a vojenství», 1963, № 3, s. 65.

Работа Кршена состоит из двух разделов. Первый — «Предпосылки эмиграции» — хронологически охватывает период от Мюнхена до оккупации страны в марте 1939 г. Здесь показана предательская роль западных держав, которые своей политикой умиротворения гитлеровской Германии привели Чехословакию к мюнхенской катастрофе, а затем и к оккупации страны. Мюнхен, отмечает автор, явился результатом кризиса чехословацкой буржуазной демократии. Мюнхенский диктат и оккупация Чехословакии углубили политическую дифференциацию в самом буржуазном лагере. Кршен подробно анализирует различные течения и группировки как внутри реакционной, профашистски настроенной части чехословацкой буржуазии, так и среди антифашистской буржуазной оппозиции в стране и в эмиграции.

Во второй части монографии — «Возникновение эмиграции» рассматриваются экономические и политические причины участия антифашистской буржуазной оппозиции в национально-освободительной борьбе, в частности, в эмигрантском движении Сопротивления, а также условия формирования буржуазной эмиграции в Польше, Франции и Англии вплоть до начала второй мировой войны.

Основное внимание в монографии уделяется формированию и деятельности двух основных групп буржуазной эмиграции, борющихся за руководство эмигрантским движением Сопротивления. Автор показал отношения между отдельными группами буржуазной эмиграции, их взаимоотношения с антифашистской буржуазной оппозицией и с коллаборационистами внутри страны, с правящими группировками западных держав, а также позицию эмиграции по отношению к КПЧ и СССР. Автор приходит к выводу, что часть буржуазной эмиграции, возглавляемая Э. Бенешем, проводила наи-

более реальную политику, допуская возможность помощи со стороны СССР и сотрудничества с КПЧ в борьбе за восстановление национального чехословацкого государства. Я. Кршен приводит новые материалы, которые еще раз подтверждают тот факт, что Бенеш рассчитывал при этом главным образом на помощь западных держав и не стремился к развертыванию национально-освободительной борьбы в самой стране.

В работе Кршена нашло отражение характерное для чехословацкой историографии в настоящее время стремление к более глубокому исследованию истории антифашистского национально-освободительного движения. Вместе с тем следует отметить, что в монографии имеются существенные недочеты. По нашему мнению, автор недостаточно учитывает антисоветскую направленность политики чехословацкой буржуазной эмиграции, которая в то время открыто содействовала намерениям западной дипломатии, выступая за создание различных антисоветских федераций. Равным образом спорной остается оценка Кршеном группировки Бенеша как наиболее демократического крыла чехословацкой буржуазной эмиграции. Результатом такой трактовки, очевидно, является не всегда критическое отношение к мемуарам Бенеша. Автору можно сделать упрек и в недостаточной последовательной критике других источников, когда, например, делаются выводы на основании одного документа без сопоставления его с другими источниками того же периода.

Вышеуказанные спорные моменты в оценке деятельности эмигрантской оппозиции не снижают значения работы Кршена как первой чехословацкой марксистской монографии, посвященной столь сложной проблеме.

Книга снабжена фотокопиями документов и библиографией.

М. Копачева

М. KUDEĽKA. *Spor Gelasia Dobnera o Hájkovu kroniku. Praha, 1964, 80 s.*

М. КУДЕЛКА. *Полемика Гелазия Добнера по поводу «Хроники» В. Гайка*

В обстановке длительного господства феодально-клерикальной идеологии и национального порабощения чешского народа историческая наука в середине XVIII в. стала ареной ожесточенной идеологической борьбы за новые методы научного исследования в духе идей Просвещения.

По существу это был спор о путях дальнейшего развития чешской культуры и общественной мысли, спор, в котором формировалась национально-просветительская идеология в чешских землях.

Книга М. Куделки — одно из первых исследований в этой области. Она посвящена изучению причин возникновения, характера и значения известного спора, разгоревшегося в середине 1760-х годов в связи с выходом в свет первых томов комментария Г. Добнера к «Чешской хронике» В. Гайка, хрониста XVI в.

Книга состоит из трех глав — «Полемика о „Хронике“ Гайка в 1760—1770 гг.», «Основа и смысл спора» и «Значение спора для оценки творчества Г. Добнера». Хорошо составленное резюме на русском

языке дает возможность ознакомиться с выводами исследования специалистам, не владеющим чешским языком. В приложении опубликованы библиографические списки источников и литературы, имеющие самостоятельное справочное значение.

«Чешская хроника» В. Гайка, изданная в XVI в., была пронизана феодально-католической идеологией. В ее основу зачастую положены не подлинные факты, а вымышленные и мифические сведения. Благодаря этому хроника В. Гайка популяризовалась орденом иезуитов.

Тщательно проанализировав «Чешскую хронику» В. Гайка, Г. Добнер смело пошел против обветшалых традиций прежней историографии и показал всю несостоятельность многих положений этой хроники. Выступление Добнера получило широкий общественный резонанс. М. Куделка отмечает, что размежевание лагерей сторонников и противников Г. Добнера пошло именно по линии принятия или отрицания идей Просвещения, которые в тех условиях выражали передовую для своего времени идеологию, направленную против средневекового мракобесия и obscurантизма.

Внешним поводом для нападок на труд Г. Добнера послужила его трактовка начального этапа истории чешского народа. Критики Г. Добнера, среди которых наиболее известен историк Ф. Пубичка, связанный с орденом иезуитов, ставили ему в вину отрицание мифа, будто чешский народ произошел от певчего «праотца Чеха». Но, как подчеркивает М. Куделка, по сути дела, причины возникновения конфликта были более глубокими. Высмеивая легенду о «праотце Чехе», брате мифического прародителя польского народа — «праотца Леха», Г. Добнер вступал в конфликт с теми могущественными чешскими и польскими дворянскими родами, которые производили свою генеалогию от мифических «братьев». Таким образом объективно труд Г. Добнера наносил удар и по феодальному дворянству (стр. 54).

Идейная борьба вокруг Г. Добнера

раскрыта в работе М. Куделки в связи с социально-экономическим развитием чешских земель. Чрезвычайно важным является введение в научный оборот ряда новых данных, имеющих серьезное значение для решения и более общих проблем. В частности, следует выделить отмечаемый М. Куделкой интерес Г. Добнера к русской исторической науке. Так, он неоднократно для подкрепления своих позиций ссылался на «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносова, изданный в Петербурге в 1760 г.

Большой интерес не только для чешской, но и для польской историографии представляют приводимые М. Куделкой сведения о деятельности научного общества в Лейпциге, основанного в середине 1760-х годов польским магнатом Яблоновским, одним из наиболее упорных противников Г. Добнера.

М. Куделка не только освещает впервые с такой подробностью перипетии спора вокруг комментария Г. Добнера, но и критикует тех чешских историков, которые не видели прогрессивности позиций Г. Добнера, противопоставляя его И. Добровскому, наиболее яркому представителю чешского Просвещения. Мы присоединяемся к точке зрения М. Куделки, что Г. Добнера следует считать не антагонистом, а прямым предшественником И. Добровского и других чешских просветителей конца XVIII — начала XIX в. Не следует также забывать о том, что сам по себе путь формирования национально-просветительской историографии в Чехии был нелегким. Поэтому не удивительно, что во взглядах Г. Добнера — пионера этого процесса — нельзя не найти отзвуков старых идей, восходящих к предшествующей эпохе. Очевидно, об этом следовало бы сказать подробнее.

Работа М. Куделки представляет собой ценное исследование истории чешской общественной мысли одного из важнейших, переломных периодов ее развития.

А. Мильников

JERZY ZIOMEK. Kazimierz Brandys. Warszawa, «Wiedza Powszechna», 1964, 203 s.

ЕЖИ ЗЁМЕК. Казимеж Брандыс

Книга Е. Зёмек — первая в польском литературоведении попытка осветить творческий путь К. Брандыса, одного из наиболее популярных современных польских прозаиков. Наряду с очерком творчества писателя она содержит календарь наиболее важных фактов его биографии и творческого пути, подборку статей польских критиков (С. Жулкевский, Г. Маркевич, Т. Боровский,

А. Киевский, В. Садковский и др.) о его произведениях, библиографию творчества Брандыса и литературы о нем.

В центре внимания исследователя — морально-философская проблематика творчества писателя, всегда пытавшегося «ответить на наиболее актуальные вопросы дня». Для Брандыса, как показано в книге, характерна не только чуткость к современной тематике, но и

стремление реализовать актуальные теоретические постулаты литературной критики, что, по мнению Е. Зёмека, несколько не дискредитирует писателя, а является «попыткой договориться с эпохой на языке, который она предлагает». В разные годы Брандыс обращается к различным манерам и стилям повествования, но его проза всегда была прозой высокого класса. При всей изменчивости стиля Брандыса одному принципу он всегда оставался верен — писателя постоянно интересовали и интересуют человек и объективные законы истории. «Герои Брандыса», — пишет Е. Зёмек, — постоянно разыгрывают свою партию с историей. Они меняют места за столом, прибегают к различной тактике, играют с нею, либо против нее, но она — постоянный партнер, хотя и выглядит по-разному в глазах автора и его героев в начале творческого пути в романе «Деревянный конь» и в «Письмах к пани Зет».

От изображения бездеятельно-пассивных героев («Деревянный конь», «Самсон», «Антигона», «Троя — открытый город») через утверждение активного героя («Человек не умирает», «Граждане») к поискам решения сложного уравнения «личность — общество» («Защита Гренады», «Мать Крулей», «Письма к пани Зет» и др.) — такова эволюция творчества Брандыса, прослеживаемая Е. Зёмеком.

Автором высказан ряд интересных суждений о произведениях Брандыса. Он устанавливает близость писательской манеры Брандыса в романе «Человек не умирает» манере Г. Сенкевича. Вопреки значительной части современной поль-

ской критики и самому писателю, он убедительно отстаивает идейно-художественные достоинства романа «Граждане», «наиболее значительной и добросовестной книги своего времени», хотя и не закрывает глаза на слабости романа. Удался автору монографии и анализ творчества Брандыса после 1956 г. (сборник рассказов «Романтичность» и в первую очередь новелла «Как быть любимой»). Вслед за С. Жулкевским, назвавшим «Письма к пани Зет» «полигоном новой литературы», Е. Зёмек интересно анализирует это произведение — «собрание многих еще не написанных книг».

В книге немало и других, в том числе и спорных, замечаний и выводов автора. Вряд ли можно согласиться, например, с оригинальной, но, на наш взгляд, пафосной трактовкой образа главного героя романа «Самсон» Якуба Гольда как «жертвы отчуждения (alienacji) добра». Мало в работе историко-литературного материала, сопоставлений творчества Брандыса с произведениями других писателей. Анализ последних книг Брандыса давал, например, критику возможность высказаться по актуальной в современной польской критике проблеме так называемой «интеллектуальной литературы». Возможность эта автором не использована.

В заключение автор исследования говорит: «Биографии героев Брандыса можно бы уложить в одно описание жизни польского интеллигента 40—50-х и 60-х гг. XX века». Книга убедительно раскрывает эту особенность творчества писателя.

В. Хорев

NORA KRAUSOVÁ. Epika a román. Bratislava, 1964, 172 s.

НОРА КРАУСОВА. Эпика и роман

Книга Н. Краусовой — одно из первых исследований проблем эпики в словацком марксистском литературоведении — состоит из трех самостоятельных статей, которые скорее можно назвать разделами целостной монографии. Отправляясь от общих посылок теоретико-литературной классификации («К теории литературных родов»), автор переходит затем к характеристике эпики («К теории эпики») и завершает исследование разбором концепций развития романа («К теории романа»).

Автор придерживается принципа исторического рассмотрения основных этапов развития теории литературных родов (генеологии): от «Поэтики» Аристотеля через Буало, Лессинга, Гёте и Шиллера — к Гегелю и многочисленным представителям современной теории литературы на Западе и в социалистических странах. Целью такого обзора

является стремление выделить из наследия предшественников идеи, представляющие методологическую ценность для современной марксистской науки. В критическом подходе к существующим точкам зрения выражена собственная позиция автора. Коротко она сводится к следующему.

Опыт развития мировой литературы подтвердил плодотворность выдвинутого еще Аристотелем принципа деления литературы на три основных рода — лирику, эпос и драму. Классификация эта удерживалась до конца XIX в., дополняемая и углубляемая наблюдениями различных теоретиков и практиков искусства. Особое значение имела концепция Гегеля, которую, по мнению Краусовой, «наряду с аристотелевской можно считать основополагающим научным фундаментом современной теории литературных родов» (стр. 34). С начала XX в.

пмеют место попытки либо полностью отказаться от подобного деления литературы (Б. Кроэ), либо, вытравив из родовых категорий их объективное содержание, стереть существующие между ними границы (Э. Штайгер, В. Кайзер и др.).

Стремления «дополнить» классическую классификацию литературных родов проявились и в работах некоторых марксистских теоретиков литературы, например у В. Днепров, выдвинувшего гипотезу «четвертого рода» — романа.

Отмечая ряд ценных наблюдений над конкретными вопросами развития современной литературы, которые содержатся в трудах исследователей XX в. (при этом особо подчеркиваются достижения польской филологической школы), Н. Краусова вместе с тем решительно отвергает отход от традиционной классификации литературы по родам, характерный для многих западных ученых. По ее мнению, эти категории литературы не являются некими фикциями, омертвевшей оболочкой живых литературных явлений, но вечно живыми, неустанно обогащающимися и все-таки сохраняющими реальное родовое содержание естественными формами поэзии (Гёте). Н. Краусова призывает рассматривать литературные роды «не статически, а динамически, стремясь очертить их историческое развитие, связывая их в моменты возникновения, в различных фазах развития либо отмирания с конкретной общественно-литературной обстановкой, стараясь каждый раз выявить их специфически взаимосвязанные структурные признаки» (стр. 72). Такой последовательно диалектический взгляд полностью соответствует, например, концепции коллектива авторов недавно вышедшего очередного тома советской «Теории литературы»¹.

Последующие разделы монографии содержат интересные наблюдения над судьбами эпики и романа в современной литературе. Исходя из аристотелевских принципов выделения эпики, Н. Краусова polemизирует с теми западными

исследователями, которые не устают предвещать гибель «эпическому», роману. Она отстаивает перспективность этого жанра, хотя и не закрывает глаза на кризисные явления, присущие современному буржуазному роману. Истоки кризиса она видит в углубляющейся субъективизации эпики, рассматривая французский «антироман» как крайнее проявление процесса «тотальной хаотизации романа». Вместе с тем даже творческая практика представителей современной французской прозы (Роб-Гризе, Саррот, Бютор) свидетельствует о том, что «вопреки всему роман остается эпическим жанром» (стр. 149). Выход из «кризиса», по мнению Н. Краусовой, намечают писатели, обращающиеся непосредственно к большим проблемам жизни. В этом отношении знаменателен опыт испанских романистов (Гойтисоло и др.), а также опыт литературы социалистических стран.

Н. Краусова не согласна со взглядами защитников «широкой панорамной формы романа-эпопеи» (М. Кузнецова, А. Чичерина, Г. Белой и др.), то есть с точкой зрения, широко представленной в советском литературоведении. «Новый эпический роман коммунизма, — пишет она, — не может быть формальным повторением „Войны и мира“ и „Тихого Дона“» (стр. 161). По ее мнению, более правы советские теоретики — сторонники романа-очерка: «...Лишь на путях приближения к подлинной реальности, не деформированной наслоениями догматического мышления, современные писатели могут поведать непримрашенную правду о сегодняшнем дне».

Монография Н. Краусовой дает в общем полное и объективное представление о существующих в современном литературоведении точках зрения на пути развития современной прозы. Следует, однако, пожалеть, что автор не использовала в своей книге материала творческой практики современных словацких романистов. Целый ряд вопросов, затронутых в монографии, нельзя решить без учета национальной традиции в эпике, без учета опыта развития национальных литератур.

Ю. В. Богданов

¹ «Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы». М., 1964.

D. PIRJEVEC. *Ivan Cankar in evropska literatura*. Ljubljana, 1964, 489 s.

Д. ПИРЬЕВЕЦ. *Иван Цанкар и европейская литература*

Обширная литература, посвященная изучению художественного наследия классика словенской литературы Ивана Цанкара, пополнилась новым серьезным исследованием Д. Пирьевица, поставившего перед собой цель выяснить значение европейской литературы в форми-

ровании творческой индивидуальности писателя. Пройдя через недолгое увлечение натурализмом, испытав сильное влияние декаданса, Иван Цанкар выработал свой творческий метод, в котором реализм переплетался с элементами символизма, социальной критика, одухотво-

рявшаяся предвидением революции, облекалась в символические образы. Цанкару присущ особый, лирический психологизм, в котором глубочайшая правда переживаний раскрывается нередко в символически-романтических формах.

Д. Пирьевец исследует процесс освоения Цанкаром европейской литературы, относящейся главным образом ко второй половине 90 — началу 900-х годов, т. е. к тому времени, когда молодой писатель учился в Венском университете и зачитывался новейшими французскими, немецкими, австрийскими, скандинавскими писателями и русскими реалистами, с увлечением штудировал труды по филологии и эстетике.

Монография Д. Пирьевца имеет своеобразное ступенчатое построение. Он ведет исследование проблемы многопланово — начинается с обстоятельного изучения круга чтения Цанкара и характеристики входивших в этот круг авторов, затем переходит к выяснению того, как определенные идеи и художественные приемы декаданса, реализма (который он, впрочем, склонен отождествлять с натурализмом) и символизма применяются в творческой практике писателя и, наконец, подходит к цели исследования — к уяснению своеобразия творческой личности Цанкара в его исторической и социальной обусловленности, того своеобразия, которым диктовалось и отношение писателя к современной литературе, приятие и неприятие тех или иных ее особенностей, видоизменение черт, им усвоенных, и т. д. Ценным качеством труда Д. Пирьевца является соединение компаративного метода, раскрывающего органическую связь крупнейшего словенского художника с современной ему мировой литературой и эстетической мыслью, с определением специфики — исторической, национальной и индивидуальной — творчества писателя,

ставшего выразителем чаяний своего народа.

В полной мере отдавая должное стремлению автора использовать возможности компаративного метода и одновременно преодолеть его ограниченность, мы, однако, не можем во всем согласиться с ним. Явственно звучащие экзистенциалистские акценты в трактовке мировоззрения Цанкара, недостаток внимания к реализму как к той из доминант его мышления и творчества, которая с годами приобретала все возрастающее значение, далеко не способствуют объективному освещению художественного и публицистического наследия писателя-революционера. Связи Цанкара с реалистической литературой, значение научного материализма в формировании его философских и политических взглядов освещены скупо, декларативно: проблеме «Цанкар и европейская литература» автор решает в основном в рамках периода 90 — начала 900-х годов, периода искавшей молодого писателя. Дальнейшее развитие литературных взглядов Цанкара в сущности опущено. Как уже упоминалось, Пирьевец не проводит четкой грани между реализмом и натурализмом и охотно приписывает грехи натурализма реализму, следуя в этом отождествлении столь же за современным буржуазным литературоведением, сколь и за некоторыми теоретиками, писавшими в тот период, о котором идет речь в его книге.

Сильная сторона труда Д. Пирьевца — освещение отношения Цанкара к декадансу и символизму, определение его сходства с корифеями этих течений и его глубокого отличия от них. Это сделано настолько убедительно и исчерпывающе, что дает все основания поставить монографию Пирьевца в ряд основных, фундаментальных исследований о величайшем мастере словенской литературы.

Е. Рябова

KAREL KREJČÍ. Heroikomika v bósniectví slovanů. Praha, 1964, 549 s.

КАРЕЛ КРЕЙЧИ. Героикомиическое в поэзии славян

Вышедшая в прошлом году в издательстве Чехословацкой академии наук книга Карела Крейчи «Героикомиическое в поэзии славян» посвящена сравнительно-типологическому рассмотрению героикомиической литературной традиции у славянских народов, как в чисто жанровом отношении (героикомиический эпос, поэма), так и применительно к тем отдельным элементам «героикомики» в различных родах и видах литературы, которые противоположны прямому героическому началу в поэзии.

Монография охватывает многочисленные явления из истории чешской, словац-

кой, польской, русской, болгарской, сербской и других литератур за целый ряд столетий и является первым обширным сравнительным исследованием по названной теме. Она содержит следующие главы: I. Историческое развитие и типология «героикомики» в европейских литературах; II. Славянская «героикомика» в период классицизма и романтизма; III. Славянская «героикомика» в годы перехода к критическому реализму; IV. Славянская «героикомика» в период критического реализма; V. «Героикомика» и новая героика века империалистических войн и пролетарских революций.

Классическим периодом героикомиического эпоса автор считает XVI, XVII и XVIII века, связывая расцвет этого жанра с постепенным старением феодального общества и закатом рыцарства. В XIX в., когда упадок феодализма достигает наибольшей степени, героикомиический эпос как жанр утрачивает питавшую его почву, но в литературе сохраняется героикомиическое видение мира, которое в разных формах продолжало и продолжает существовать, обнаруживая себя и в наши дни. Такова общая концептуальная посылка книги.

В работе использован значительный материал из истории русской дореволю-

ционной и советской литературы. Читатель встречается на ее страницах имена Майкова, Чулкова, Богдановича, Жуковского, Пушкина, Гоголя, Шаховского, Лермонтова, Полежаева, Тургенева, Некрасова, Добролюбова, Курочкина, Бедного, Маяковского, Твардовского и многих других русских поэтов и писателей. В этом смысле монография представляет немалый интерес для литературоведов-русистов.

Издание содержит иллюстрации, дающие представление об отражении «героикомики» в изобразительном искусстве, именной и предметный указатели.

Л. К.

«*Cyganeria i polityka. Wspomnienia krakowskie 1918—1939*». Warszawa, «Czytelnik», 1964, 492 s.

«Богема и политика. Воспоминания о Кракове 1918—1939»

«Богема и политика» — сборник воспоминаний об общественно-политической и культурной жизни Кракова 20—30-х годов. Авторы воспоминаний — писатели, художники, музыканты, режиссеры, издатели, общественные деятели — люди разных поколений, различных политических и литературных ориентаций и симпатий. Это предопределило многоплановость конкретных материалов в книге, разнообразие оценок и интерпретаций, в конечном счете — многосторонность освещения отдельных явлений культуры («Газета литератца», «Литарт», «Краковска группа», «Жице» и т. д.). Воспоминания восстанавливают, хотя и фрагментарно, процесс обновления, охвативший в те годы все без исключения области польской культуры и искусства, иллюстрируют некоторые закономерности, свойственные этому процессу. Живо и наглядно вырисовывается в воспоминаниях картина общественной активизации, радикализации взглядов деятелей литературы и искусства. По воспоминаниям видно, как волновали людей искусства политические вопросы, какое огромное значение для духовной жизни Кракова имели острые идеологические дискуссии.

Поиски новых путей в искусстве и литературе для многих передовых художников сливались с борьбой за утверждение идей научного социализма. О непосредственном участии писателей, художников, артистов в политической жизни, участии, нередко связанном с трудными жизненными испытаниями, повествуют многие страницы книги. Здесь содержится также ряд новых материалов, свидетельствующих о росте влияния компартии на творческое развитие отдельных деятелей культуры и творческих объединений (воспоминания А. Слапа,

З. Млынарского, Я. Гопинского, З. Полевковой, Л. Кручковского, Й. Стерна, Ю. Рота и др.).

Тесная связь компартии с интеллигенцией сыграла в жизни Кракова очень большую роль. Краковские коммунисты содействовали упрочению связей между пролетариатом и интеллигенцией города. Под их руководством осуществлялись совместные выступления интеллигенции и пролетариата, организовывались общеобразовательные и художественные кружки, литературные вечера, публичные диспуты, политические манифестации. Такое единство действий прогрессивной интеллигенции и пролетариата было важным элементом общественной жизни межвоенной Польши.

Много интересного сказано в книге об Ягеллонском университете, тесно связанном с прогрессивными кругами Кракова. Не раз кафедры университета становились трибуной для пропаганды революционных идей.

По своей форме воспоминания, составившие книгу «Богема и политика», весьма разнородны. Некоторые из авторов высказываются по существу отдельных спорных проблем и явлений. Ю. Пшибось, например, выступает со своей интерпретацией поэтической концепции Т. Пейпера — теоретика польского авангардизма, рассказывая о восприятии пейперовских идей современниками-авангардистами различных оттенков. Большинство же мемуаристов сообщает о конкретных, памятных им фактах культурной жизни города. Здесь в равной мере интересны материалы, дополняющие творческую биографию А. Полевки, И. Фика, К. Филиповича, Т. Голая, материалы о роли краковского театра в формировании общественного мнения, о его борьбе за прогрессивный репертуар

(«Смерть на груше» В. Вандурского, «Кордиан и хам» Л. Кручковского и т. д.), за нового зрителя, материалы об общественно-литературных периодических изданиях, о живописи, музыке, о восприя-

тии советской и западной культуры и т. д. Все это вносит много нового в наши представления о польской культуре межвоенного периода.

Т. П. Агапкина

МИФ НА СЛУЖБЕ РЕВАНША

Легенда о Карле Герделере, одном из главных вдохновителей и организаторов антигитлеровского заговора части буржуазной верхушки и генералитета 20 июля 1944 г., стала очень популярной в правящих кругах Западной Германии. Яркое выраженная реваншистская программа этого деятеля снижала ему горячие симпатии боннских политиков. Если же, кроме того, учесть вынашивавшиеся Герделером планы создания антисоветского союза европейских государств во главе с Германией, в котором хотят видеть прообраз современной интеграции Европы, то станет понятным, почему Герделер нашел в Западной Германии столько восторженных почитателей. Реакционные историки в ФРГ не жалеют усилий для того, чтобы представить Герделера подлинным патриотом, выразителем национальных интересов немецкого народа.

В марксистской исторической литературе разоблачен миф о Герделере, созданный западногерманской историографией и пропагандой. Историками социалистических стран всесторонне обоснован тот факт, что Герделер и вся правая часть буржуазно-генеральской оппозиции представляли интересы того же самого германского империализма, наиболее крайним олицетворением которого был Гитлер. Однако попытки использовать миф о Герделере для утилитарных нужд боннских политиков все еще продолжают. В связи с этим обращает на себя внимание статья Рихарда Брейера, появившаяся в «Zeitschrift für Ostforschung» под названием «Карл Герделер и германская восточная граница»¹.

Выбор темы, несомненно, свидетельствует о стремлении автора идти «в ногу со временем». Реваншистская программа Герделера находит полное понимание и оправдание со стороны Р. Брейера. Через всю статью проходит идея законности реванша. Формулировки и оценки Брейера не отличаются оригинальностью; он открыто заимствует их у известного реакционного западногерманского историка Г. Риттера, книга которого о Герделере² объявляется им «образцовым

произведением» (стр. 198). Рассматривая территориальные требования Герделера, Брейер в соответствии с традициями буржуазной историографии на первый план выдвигает их «моральные» мотивы. Главной побудительной причиной политических идей и действий Герделера, пишет он, было «чувство нарушенного права» Германии на территории, потерянные ею по Версальскому миру (стр. 198).

Для оправдания политики ревизии восточных границ ФРГ Брейер прибегает к доводам с позиций антикоммунизма. Сильно выпячивая «европейскую» миссию Герделера, он отмечает антисоветскую направленность его политической программы — создание сильной Германии с включенными в ее состав польскими и чехословацкими территориями, с зависимой от нее Польшей и Литвой для «защиты западной цивилизации» от «большевистской России». Сочувственно обрисованный антикоммунизм Герделера, видимо, призван укрепить симпатии к нему и его планам теперешних союзников ФРГ по НАТО.

Брейер вслед за Риттером пытается всячески преувеличить расхождения Герделера с Гитлером, в частности, по вопросу о захватнической политике Гитлера на Востоке Европы. Он утверждает, что Герделер «полностью освободился от национализма нацистских партийных кругов» и поднялся выше преклонения перед силой в духе прусских милитаристов (стр. 205).

Исторические факты, однако, не укладываются в построенную Брейером схему. Хорошо известно, что в отношении планов экспансии на Востоке между Герделером и Гитлером не было принципиальных расхождений. Отличие касалось лишь методов проведения захватнической политики. Территориальные требования Герделера возрастали параллельно военным успехам гитлеровской Германии³. По-

³ См. Д. Мельников. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Легенда и действительность. М., 1962, стр. 222—235; В. Бертольд. «Голодать и повинаться. Историография на службе германского империализма». М., 1964, стр. 233—246; R. Rudolf, G. Seifert, G. Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, Н. 1, S. 188—202 и др.

¹ R. B r e u e r. Carl Goerdeler und die deutsche Ostgrenze.— «Zeitschrift für Ostforschung», 1964, N 1—2.

² G. R i t t e r. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954.

этому фальшиво звучат заверения Брейера, что Герделер был удручен тем обстоятельством, что его «законные» плаши реванша были осуществлены Гитлером.

Статья заканчивается весьма многозначительным вопросом: была ли самонадеянной иллюзией надежда Герделера на то, что Германия сможет утвердить свое положение, «которое сложилось исто-

рически целесообразно и необходимо?». Последние слова принадлежат Герделеру, чьи империалистические взгляды на роль Германии и ее территориальный состав хорошо известны. Они придают этой обтекаемой тираде, как и всей статье, конкретный политический, реваншистский смысл.

В. Виноградов

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1965 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран п партий, внешняя политика

Брежнев Л. И. Великая победа советского народа. Доклад на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященный 20-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне.— «Правда», 1965, 9 мая.

Брежнев Л. И. Речь на митинге в Варшаве 8 апреля 1965 г.— «Правда», 1965, 9 апреля.

Бродский Ст. Польша и проблема европейской безопасности.— «Новое время», 1965, № 15, стр. 3—4.

Гомулка В. Речь на митинге в Варшаве 8 апреля 1965 г.— «Правда», 1965, 9 апреля.

Гречко А. Боевое сотрудничество братских народов.— «Военно-исторический журнал», 1965, № 5, стр. 16—25.

Гречко А. Боевой союз братских народов.— «Правда», 1965, 13 мая.

Давид В. Ясность перспектив.— «Новое время», 1965, № 18, стр. 6—9.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой.— «Правда», 1965, 10 апреля.

Коммюнике о пребывании в СССР Председателя Президиума Народного собрания Народной Республики Болгарии Георгия Трайкова.— «Правда», 1965, 21 мая.

Косыгин А. Н. Выступление во Вроцлаве 7 апреля 1965 г.— «Правда», 1965, 8 апреля.

Нашковский М. Дружба, братство, сотрудничество.— «Коммунист», № 6, стр. 76—83.

Немец Я. Наша дружба.— «Новое время», 1965, № 18, стр. 9.

Советско-польский союз.— «Новое время», 1965, № 16, стр. 9—10.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Бергер В. Техническая революция и экономическое сотрудничество социалистических стран.— «Проблемы мира и социализма», 1965, № 4, стр. 9—16.

Бочкова В., Бутаков Д. Сбережения населения и формы их привлечения в европейских странах народной демократии.— «Деньги и кредит», 1965, № 3, стр. 68—76.

Бочкова В., Бутаков Д. Стимулирование новой техники и повышение качества продукции в европейских странах народной демократии.— «Вопросы экономики», 1965, № 3, стр. 51—61.

Валев Э. Б. Структурно-географические сдвиги в экономике Народной Республики Болгарии.— «Вестник МГУ. География», 1965, № 1, стр. 27—36.

Вацлавик Б. Темпы, качество (Опыт работы шахтеров ЧССР).— «Советский шахтер», 1965, № 3, стр. 41—43.

Галецкая Р. Структура народного хозяйства Польши (Обзор польской экономической литературы).— «Плановое хозяйство», 1965, № 5, стр. 79—85.

Гинзбург П. Финансы промышленных предприятий социалистических стран.— «Вопросы экономики», 1965, № 5, стр. 110—113.

Глинский Б., Магеевич Я. Совершенствование планирования и руководства хозяйством (По страницам польского журнала «Новые дороги»).— «Проблемы мира и социализма», 1965, № 5, стр. 38—43.

Горизонтов Б. Пути развития транспорта в системе международного социалистического разделения труда.—

«Вопросы экономики», 1965, № 5, стр. 82—89.

З а й к и н А. Решающий революционный фактор современности (О мировой системе социализма).— «Партийная жизнь Казахстана», 1965, № 1, стр. 45—50.

З е л е н е ц Л., Ч а р а к ч и е в А. Великий исторический опыт (К 20-летию европейских стран народной демократии).— «Проблемы мира и социализма», 1965, № 5, стр. 14—23.

К а м е н о в К. Развитие кооперативного производства в Болгарии.— «Советская потребительская кооперация», 1965, № 2, стр. 56—57.

К о л а р у с Я. Некоторые проблемы методологии сопоставления стоимостных показателей экономического развития стран социализма.— «Вопросы экономики», 1965, № 4, стр. 88—97.

К о р н и л о в Ю. Строительная площадка социализма (СФРЮ).— «Советские профсоюзы», 1965, № 5, стр. 38—40.

К у б е ш а Я., С т а р ы В. Распределение доходов в единых сельскохозяйственных кооперативах ЧССР.— «Учет и финансы в колхозах и совхозах», 1965, № 3, стр. 61—63.

Л а р и о н о в К., О б о л е н с к и й Н. Плодотворное сотрудничество в области валютно-финансовых отношений (О деятельности Постоянной Комиссии СЭВ по валютно-финансовым вопросам).— «Финансы СССР», 1965, № 1, стр. 35—39.

М п к у л ь с к и й К. Комплексное развитие хозяйств и международное разделение труда.— «Коммунист», 1965, № 8, стр. 82—89.

Н а з а р к и н К. Взаимовыгодное сотрудничество равных.— «Международная жизнь», 1965, № 5, стр. 97—102.

О р л о в с к а я О. Рост капитальных вложений в сельское хозяйство Болгарии.— «Экономика сельского хозяйства», 1965, № 4, стр. 108—112.

П е т р у ш е в А. Братское сотрудничество — залог успеха.— «Внешняя торговля», 1965, № 3, стр. 3—7.

П р ы м о в И. На основе принципов материальной заинтересованности (Об опыте руководства сельским хозяйством Болгарии).— «Правда», 1965, 27 апреля.

Р е м б я л к о в с к и й М. Проблемы финансирования судоремонта в польском торговом флоте.— «Морской флот», 1965, № 3, стр. 41.

Р я б у ш к и н Т., Г а л е ц к а я Р. Экономическое развитие и изменение структуры народного хозяйства социалистических стран Европы.— «Научные доклады высшей школы. Экономические науки», 1965, № 2, стр. 18—24.

С р о г а А. Новое в организации сельского хозяйства Польши.— «Новое время», 1965, № 10, стр. 12—13.

Ф и ш б е й н Л. Крепнущая дружба (Связь горняков треста «Узловскуголь» с горняками стран социалистического

содружества).— «Советский шахтер», 1965, № 2, стр. 45—46.

Ф о р м а п е к Б. Денежная оплата труда в сельскохозяйственных производственных кооперативах Чехословакии.— «Учет и финансы в колхозах и совхозах», 1965, № 1, стр. 64—62.

Ш и ш к о в Ю. Совет Экономической Взаимопомощи и «общий рынок» — некоторые сопоставления.— «Вопросы экономики», 1965, № 1, стр. 104—113.

Ш у л ь я к о в С. Автомобильный транспорт Югославии.— «Автомобильный транспорт», 1965, № 3, стр. 57—59.

3. Партийная жизнь. Молодежные организации.

Профсоюзы

Г и н о в а М. Важный участок партийной работы (О работе среди женщин БКП).— «Партийная жизнь», 1965, № 7, стр. 68—72.

Г у т к о в с к и й Т. По месту жительства (О территориальных партийных группах в ПОРП).— «Партийная жизнь», 1965, № 10, стр. 68—72.

З у п к а Ф. Профсоюзы социалистических стран — за единство и мир.— «Советские профсоюзы», 1965, № 1, стр. 36—38.

П а н а й о т о в В. Ровесники революции (О болгарской молодежи).— «Молодой коммунист», 1965, № 3, стр. 112—115.

С е л е з н е в К. Л. Диссертации по истории братских партий (обзор).— «Вопросы истории КПСС», 1965, № 3, стр. 140—144.

4. Государственное строительство и право

В а с и л ь к о в с к и й Я., М а з у р М., Р е с и х З. Верховный суд народной Польши.— «Социалистическая законность», 1965, № 2, стр. 27—30.

Г е л ь ф е р М. Условное осуждение по законодательству европейских социалистических стран.— «Социалистическая законность», 1965, № 3, стр. 55—57.

Демографические проблемы в социалистических странах (О симпозиуме демографов социалистических стран в Закопане. Октябрь 1964 г.).— «Научные доклады высшей школы. Экономические науки», 1965, № 2, стр. 101—104.

К о н ь е в С. П. Народное признание как стимул и мера поощрения за честный и доблестный труд (К истории развития правового института почетных званий, наград и премий в некоторых странах народной демократии 1946—1950 гг.).— «Труды Московского историко-архивного института», т. 20, 1965, стр. 143—178.

М и л а н о в Ж. Б. Повышение роли Народных советов в Народной Республике Болгарии.— «Советское государство и право», 1965, № 5, стр. 131—135.

Мишутин А. Н. Из опыта деятельности органов юстиции Народной Республики Болгарии.— «Советское государство и право», 1965, № 3, стр. 50—58.

Помайзл К. Национальные отношения в Чехословацкой Социалистической Республике.— «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1965, № 2, стр. 39—45.

Сахаров А. В гостях у югославских юристов.— «Советская юстиция», 1965, № 4, стр. 28—31.

Фабри В. Некоторые вопросы чехословацкого земельного права.— «Советское государство и право», 1965, № 4, стр. 138—143.

Флэйсиг И. Проще, удобнее, прибыльнее (Из практики хозяйствования национальных комитетов Праги).— «Советы депутатов трудящихся», 1965, № 3, стр. 105—109.

Шабанов М. Развитие демократических основ правосудия в ЧССР.— «Советская юстиция», 1965, № 6, стр. 27—28.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Бирман М. А. В. И. Ленин и борьба революционных социал-демократов балканских стран против империалистической войны в 1914—1915 гг.— «Советское славяноведение», 1965, № 2, стр. 6—20.

Брюсов А. Я. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (Этногенетический очерк).— «Советская археология», 1965, № 2, стр. 47—56.

Волков В. К. Внешняя политика Югославии в 1935—1936 гг.— «Советское славяноведение», 1965, № 1, стр. 34—45.

Воробьева Е. Д. Образование и деятельность чехословацкого Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией (1925—1927).— «Советское славяноведение», 1965, № 2, стр. 33—43.

Гентцен Ф.-Х. Предмет, развитие и содержание империалистического немецкого остфоршунга.— «Советское славяноведение», 1965, № 3, стр. 25—40.

Гуркин В., Зубаков В. Освобождение Чехословакии от гитлеровской оккупации.— «Советское славяноведение», 1965, № 3, стр. 60—70.

Ежабек Й. Героиня пражских баррикад (Об участии пражского восстания 1945 г. А. Швердиковой).— «Физкультура и спорт», 1965, № 4, стр. 13.

Емец В. А. Позиция России и ее союзников в вопросе о помощи Сербии осенью 1915 г.— «Исторические записки», т. 75, 1965, стр. 122—146.

Еременко А. В последние недели войны.— «Правда», 1965, 26 апреля.

Желанов В. Н. Материалы к истории освобождения Варшавы от немецко-фашистских оккупантов.— «Советское

славяноведение», 1965, № 1, стр. 55—60.

Кишкин Л. С. «Прага победоносной Красной Армии—освободительнице». — «Советское славяноведение», 1965, № 3, стр. 71.

Козак С. Польско-українські революційні зв'язки (1830—1863 рр.).— «Український історичний журнал», 1965, № 3, стр. 97—104.

Манусевич А. Я. Из истории борьбы за союз и дружбу между СССР и Народной Польшей (К 20-летию советско-польского договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве).— «Советское славяноведение», 1965, № 3, стр. 15—24.

Морозов В. П. Освобождение Праги в 1945 году.— «Новая и новейшая история», 1965, № 2, стр. 26—42.

Натов И., Колев Т. Крепнет гражданская оборона Болгарии.— «Военные знания», 1965, № 1, стр. 20.

Носкова А. Ф. Генеральный план Ост (К итогам изучения в советской и польской исторической литературе).— «Советское славяноведение», 1965, № 3, стр. 72—79.

Очак І. Д. Югослов'янський революційний союз на Україні (1917 р.).— «Український історичний журнал», 1965, № 3, с. 85—96.

Пелагич В. Неопубликованное письмо. Подг. к печати В. Г. Карасев.— «Советское славяноведение», 1965, № 2, стр. 62—65.

Пилатовский В. Народ — хозяин своей земли (К 20-летию освобождения Нижней Силезии).— «Проблемы мира и социализма», 1965, № 4, стр. 17—22.

Писарев Ю. А. Роль масс в освобождении Сербии и Черногории от оккупации в 1918 г.— «Новая и новейшая история», 1965, № 3, стр. 82—90.

Поплавский С. Западнее Вислы (О боях за Померанию соединений 1-й армии Войска Польского).— «Военный вестник», 1965, № 2, стр. 16—17.

Прасолов С. И. Советско-чехословацкий договор 1943 г. (К истории дипломатической подготовки).— «Советское славяноведение», 1965, № 1, стр. 20—33.

Скрыльник А. Чувство локтя. (О жизни и быте личного состава Войска Польского).— «Коммунист Вооруженных сил», 1965, № 4, стр. 83—86.

Сульженко В. К. Братерська дружба и співробітництво трудящих західних областей України та народно-демократичних країн.— «Український історичний журнал», 1965, № 3, стр. 78—84.

Топорнин Б. Н. Развитие чехословацкого государства в период построения социалистического общества.— «Вопросы истории», 1965, № 4, стр. 86—99.

Топорнин Б. Н. Возникновение и развитие Национального фронта в Чехословакии.— «Советское государство и право», 1965, № 3, стр. 59—69.

Тых Ф. Ленинизм и польская социал-демократия.— «Советское славяноведение», 1965, № 2, стр. 21—32.

Флоровський А. В. Російсько-австрійські відносини на початку XVIII ст.— «Український історичний журнал», 1965, № 3, с. 42—50.

Флорья Б. Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского.— «Советское славяноведение», 1965, № 2, стр. 55—61.

Шленова Н. А. Двадцать лет развития социалистической промышленности Чехословакии.— «Советское славяноведение», 1965, № 3, стр. 8—14.

Шмераль Я. Б., Валев Л. Б. Историческое двадцатилетие (К истории развития социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы).— «Советское славяноведение», 1965, № 1, стр. 9—19.

Яблонський Генрик. Стан і перспективи розвитку історичної науки в Польщі.— «Український історичний журнал», 1965, № 4, стр. 51—62.

Ярошепко А. Д. В. І. Лєвін і Комуністична партія Східної Галичини.— «Український історичний журнал», 1965, № 4, с. 33—40.

2. Культура

Асаркан А. Любовь и мода. Зарисовки с концертов польской, болгарской и югославской эстрады.— «Театр», 1965, № 3, стр. 133—137.

Бенеш И. Поиски любителей из Странцице (О самодеятельном театре в ЧССР).— «Театр», 1965, № 2, стр. 133—134.

Вайда И. Народный художник (О чехословацком композиторе Эугене Сухоне).— «Советская музыка», 1965, № 5, стр. 120—124.

Валясек М. «Закон и кулак» (О польском фильме).— «Искусство кино», 1965, № 4, стр. 108—110.

В. Б. «Польская культура и мир».— «Вопросы литературы», 1965, № 5, стр. 112—115.

Васина-Гроссман В. Нестареющая музыка (О фестивале польской музыки в Быдгощи).— «Советская музыка», 1965, № 3, стр. 113—117.

Вачинская И. Фестиваль в Познани (О фестивале польской оперы и балета).— «Советская музыка», 1965, № 3, стр. 117—121.

Генина Л. Софийские встречи (О международной встрече молодых музыкантов социалистических стран).— «Советская музыка», 1965, № 4, стр. 120—128.

Дроздовский Б. Стабилизация или застой? (О польской кинематографии).— «Искусство кино», 1965, № 3, стр. 87—93.

Земцов С. Произведения Станисла-

ва Ноаковского.— «Искусство», 1965, № 3, стр. 67—69.

Злыднев В. И. Из истории установления советско-болгарских культурных связей (конец 20-х — начало 30-х годов).— «Советское славяноведение», 1965, № 1, стр. 61—69.

Иранек Я. Героизм и поэзия будней (О чешском композиторе Яне Ф. Фишере).— «Советская музыка», 1965, № 5, стр. 125—128.

Коваль М. Словенский оперный театр.— «Театр», 1965, № 3, стр. 130—132.

Кирашек И. К. Д. Ушинский и чешская педагогика.— «Советская педагогика», 1965, № 2, стр. 109—113.

Кундера Л. Улыбки и усмешки (О чехословацком художнике В. Рейхмане).— «Подъем», 1965, № 1, стр. 132—135.

Лисса З. Быдгощ и Торунь, 1966 (О предстоящем фестивале старинной музыки славянских народов и стран Центральной и Восточной Европы).— «Советская музыка», 1965, № 3, стр. 121—123.

Львова Е. П. Из истории русско-болгарских художественных связей конца XIX — начала XX века.— «Советское славяноведение», 1965, № 3, стр. 80—87.

Малевиц О. Карел Чапек и кино. Публикация: Карел Чапек. Статьи о киноискусстве.— «Искусство кино», 1965, № 1, стр. 124—130.

Марков Д. Ф. О некоторых чертах реализма в литературе зарубежных славянских народов конца XIX — 20-х годов XX в.— «Советское славяноведение», 1965, № 3, стр. 41—51.

Маркулан Я. Первый фильм Анджея Вайды.— «Искусство кино», 1965, № 1, стр. 93—96.

Млодазевский Е. В польских татрах (О народной музыке горцев).— «Музыкальная жизнь», 1965, № 3, стр. 22.

Нестьев И. Будни музыкальной Праги.— «Советская музыка», 1965, № 5, стр. 130—136.

Николов П. Клоунада в болгарском цирке.— «Советская эстрада и цирк», 1965, № 2, стр. 30—31.

Погожева Л. «Похиитель персиков» (О болгарском фильме).— «Искусство кино», 1965, № 2, стр. 107.

Погребенник Ф. Украинські матеріали в Літературному архіві Національного музею в Празі.— «Радильська літературознавство», 1965, № 4, с. 84—86.

Поспишил В. Солистка флармони (Чешская певица В. Сукунова).— «Советская музыка», 1965, № 5, стр. 128—129.

Савина А. Польская дидактика в поисках активных методов обучения.— «Народное образование», 1965, № 3, стр. 108—111.

Тупицын И. Малоизвестная

скульптура Ивана Мештровича.— «Искусство», 1965, № 4, стр. 49.

Уразова Л. Скульптура Альфонса Карны.— «Искусство», 1965, № 3, стр. 30—35.

Христов В. Письмо из Болгарии. В 47-й школе г. Софии.— «Народное образование», 1965, № 2, стр. 104—106.

Чарновский О., Лещинская М. Произведения Яна Матейки во Львове.— «Искусство», 1965, № 2, стр. 55—58.

Штиглер И. Встречи друзей (О дружбе хора МГУ с ансамблем песни хмыков г. Пардубице ЧССР).— «Музыкальная жизнь», 1965, № 3, стр. 9.

Цыбенко Е. З. Жеромский и Прус (к 100-летию со дня рождения С. Жеромского).— Вестник МГУ. Серия VII. Филология, журналистика, 1965, № 2, стр. 9—20.

Ягин М. Актуальные проблемы высшего образования в Чехословакии.— «Вестник высшей школы», 1965, № 3, стр. 82—87.

3. Языкознание

Аванесов Р. И. К итогам работы над общеславянским лингвистическим атласом (1958—1964 гг.).— «Советское славяноведение», 1965, № 1, стр. 46—54.

Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии (слав. *naglъjъ, *naprasъnjъ, *pakostъ, *lъzo, *lъzivo).— В кн.: Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. «Наука», 1965, стр. 27—43.

Венедиктов Г. К. К вопросу о начале современного болгарского литературного языка.— «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 43, 1965, стр. 3—16.

Гудков В. П. О различиях между двумя вариантами сербско-хорватского литературного языка.— «Советское славяноведение», 1965, № 3, стр. 52—59.

Гумецкая Л. Л. Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода.— «Вопросы языкознания», 1965, № 2, стр. 39—44.

Ермакова М. И. Из истории употребления простых форм прошедшего времени в серболужицких литературных языках.— «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 43, 1965, стр. 41—50.

Журавский А. И. Некоторые особенности взаимодействия древнеславянского и белорусского литературного языков.— «Советское славяноведение», 1965, № 2, стр. 44—54.

Куркина Л. В. О некоторых поздних образованиях в системе славянских глаголов на -i. В кн.: Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. «Наука», 1965, стр. 44—45.

Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспекто-

логии.— В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., 1965, стр. 53—80.

Меркулова В. А. О некоторых принципах этимологии названий растений.— В кн.: Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. «Наука», 1965, стр. 72—87.

Меркулова В. А. Об относительной хронологии славянских названий грибов (Вопросы лингвистической реконструкции и реконструкции материальной культуры).— В кн.: Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. «Наука», 1965, стр. 88—99.

Мошинский Л. К. Фонологии просодических элементов в славянских языках (о фонологической нерелевантности изолированного просодического признака).— «Вопросы языкознания», 1965, № 2, стр. 3—14.

Нещименко Г. П. Тенденции употребления существительных женского рода со значением лица в литературном чешском языке.— «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 43, 1965, стр. 51—63.

Полянский К. Материалы по полабской этимологии.— В кн.: Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. «Наука», 1965, стр. 100—103.

Рожновская М. Г. Два типа конструкций «глагол + предикативное определение» в болгарском языке.— «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 43, 1965, стр. 68—84.

Смирнов Л. Н. У истоков словяцкого литературного языка (Обзор новейшей литературы о языковой деятельности А. Бернолака).— «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 43, 1965, стр. 85—94.

Стаховский Ст. Заметки о методологии этимологических исследований турецких заимствований в сербско-хорватском языке.— В кн.: Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. «Наука», 1965, стр. 56—71.

Толстой Н. И. Страницка из истории македонского литературного языка (Переводы «Любушиного суда» из «Краледворской рукописи» на македонский язык в XIX в.).— «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 43, 1965, стр. 17—34.

Трубачев О. Н. Славянские этимологии 41—47.— В кн.: Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. «Наука», 1965, стр. 3—12.

Усыкова Р. П. О некоторых изменениях норм в македонском литературном языке.— «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 43, 1965, стр. 35—40.

Хамм И. Некоторые замечания к диахроническим исследованиям.— «Вопросы языкознания», 1965, № 1, стр. 22—36.

Цейтлин Р. М. Об употреблении термина «старославянizm». — «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 43, 1965, стр. 64—67.

Цыхун Г. А. Да характерыстыкы так званных неаўназначных слоў (На матэрыяле «Слоўніка македонскай мовы»). — В кн.: Беларускае мова. Мінск, 1965, стр. 190—194.

Шпрокова А. Г. Из истории возникновения и развития маркированных многократных глаголов в чешском языке.

— Вестник МГУ. Серия VII. Филология, журналистика, 1965, № 2, стр. 33—45.

Шпрокова А. Г. Основное значение многократных глаголов в чешском языке. — «Вопросы языковедения», 1965, № 2, стр. 73—84.

Якобссон Г. Этимология и семантика на примере нескольких древнерусских слов. — В кн.: Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. «Наука», 1965, стр. 13—26.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1965, № 1

В. Георгиев. Деятельность Общего рабочего профессионального союза в защиту непосредственных интересов рабочего класса и служащих (1944—1947 гг.); Л. Йончев. К вопросу о государстве Самуила; Д. Сирков. Радиостанция «Демократическая Болгария» (декабрь 1938 г.— март 1939 г.); И. Унджиев. О председателе революционного комитета Ловеча; Н. К. Кондов. О первичной общественной крестьянской ячейке средневековой Болгарии; К. Телбизов. Биографические данные о полковнике-гарибальдийце Стефане Дунёве, прославленном герое битвы при р. Волтурно.

№ 2

П. Аврамов. Организационное строительство БКП после выхода ее из подполья; Кр. Манчев. Правительство Цветковича-Мачека и вопрос о «перестройстве» Югославии; И. В. Узунов. Некоторые противоречия в Межсоюзнической военно-контрольной комиссии и переворот 9 июня 1923 г.; И. Г. Дивизиев. Болгары Разлога и Апрельское восстание; В. Павлов. Первое болгарское торговое пароходное общество «Провидение»; Е. Михайлов. Изучение болгаро-русских взаимоотношений в середине века после 9 сентября 1944 г.; П. Коледаров. Некоторые вопросы исторической географии и картографии в Болгарии; О. Маждракова. Заметки Христо Иванова Большого на полях двух книг Стояна Занмова.

«Литературна мисъл», 1965, № 1

А. Обретенов. Традиции и новаторство; Г. Цанев. Традиции и новаторство в болгарской литературе; Е. Каранфилов. О традициях, новаторстве и их особенностях в современной болгарской поэзии; М. Николов. О некоторых явлениях в беллетристике; И. Цветков. Новаторство — самая

лучшая традиция!; А. Годоров. Одно из самых содержательных обсуждений в Институте; В. Колевский. Традиции и новаторство и проблемы идейности; С. Каролов. Поощрять творческие искания!; С. Бажов. Хорошее начало; Д. Лекков. Положительный герой в болгарской художественной прозе эпохи Возрождения; Г. Дончев. Два неизвестных стихотворения начального периода новоболгарской поэзии; Н. Д. Николов. Кто такой Желю — герой повести Блыскова «Изгубена Станка»?

№ 2

Л. Георгиев. Современность и поэзия; Е. Каранфилов. Георгий Джагаров; М. Николов. Смех в творчестве Смирненского; Б. Ст. Ангелов. Болгаро-византийские литературные связи; М. Арнаудов. Как создает Кирил Христов; Б. Делчев. Встречи и разговоры с Полем Элюаром; Й. Лунгу. Современная румынская литература и румынская деревня; А. Георгиева. Бегство в действительность; Д. Минев. Письма профессора Асена Златарова.

№ 3

З. Петров. Никола Фурнаджиев; А. Лозовский. Атанас Далчев; И. Георгиев. Законченность и незаконченность художественного литературного произведения; М. Цанева. Поэмы Ивана Вазова; И. Цветков. Шолохов и мы; Д. Хронкова. Болгарская литература в Чехии за последние двадцать лет (1944—1964 гг.); Г. Константинов. Молодой Лилев в свете новых документов; М. Неделчев. Неизвестное письмо д-ра К. Крыстева к Фердинанду.

«Език и литература», 1965, № 1

И. Спасова. Структурно-стилистическое своеобразие афоризмов у Герцена; Э. Георгиев. Йордан Хаджи-

константинов Джинот; К. Ничева. Язык «Рыбного букваря» Берона и «Недельника» Софрония; В. Велчев. Пьеса Максима Горького «На дне» и прогрессивная общественность Болгарии; С. Русакиев. Пролетарско-революционная поэзия в России (1890—1917); Е. Даскалова. Александр Блок в творческом развитии Димчо Дебелянова; М. Москов. Происхождение названия реки Ботуня.

№ 2

А. Илиев. Мироззрение и художественный метод; Р. Мутафчиев. Статистическое распределение глагольных форм; П. Русев. Юмор Михалаки Георгиева; Й. Цонев. Известность Шолохова в Болгарии (Литературная критика 30-х годов о романе «Поднятая целина»); Ю. Белунов. Необходимость критических изданий намятников древнеболгарской литературы IX—XIII вв.; К. Кувев. О времени появления сочинения Храбра; Й. Богданов. Об истории литературы.

«Zeitschrift für Slavistik», 1965, № 1

Е. Хексельшнейдер, М. Вегнер. Германское рабочее движение и русская литература (до 1917 г.); Б. Хиллер. Константин Федин и немецкий экспрессионизм; С. Станцев. Пенчо Славейков и Гете; Д. Мюллер. Церковно-славянская рукопись сочинения Ишполита об антихристе, хранящаяся в австрийской национальной библиотеке «Kodex Slavicus» 9; Х. Вальтер. О функции энклитических форм местоимения в современном болгарском литературном языке; Ф. Ливер. Замечания к статье Х. Вальтера «О функции энклитических форм местоимения в современном болгарском литературном языке».

«Kwartalnik historyczny», 1965, № 1

Г. Яблонский. К вопросу верной оценки исторических наук сегодня; С. Киневич. Достижения за последние 20 лет в области историографии 1795—1914 г.; Т. Цесляк. История Польши 1914—1964 гг. в научных исследованиях Народной Польши; Д. Боравская. О дискуссии по вопросу кризиса Польского государства в XI в.; В. Дзевульский. Попытка возрождения теории о славянской обрядности в Польше; З. Гульдзон, Ю. Рышард Шафлик. Люблинская деревня середины XVII века; М. Радван. Технический переворот в промышленности Королевства Польского; Г. Раппопорт. О роли ППС в формировании II Речи Посполитой; Ю. Бардах. Книга о политической работе в

Польской армии в СССР; Я. Лескевич. Еще раз о варшавской интеллигенции XIX в.; Г. Яблонский. Польская интеллигенция в межвоенной Польше; В. Куля. Загадка польской интеллигенции; А. Матейко. Состав и структура интеллигенции; Е. Томашевский. Интеллигенция межвоенной Польши, как общественная группа; Г. Самсонович. Исследования по истории польских городов; В. М. Завадзкий. Финансовая политика Польши в 1931—1935 гг., со вступлением З. Ляндау, Е. Томашевского.

«Przegląd historyczny», 1965, № 1

Е. Довят. Бела I венгерский в Польше (1031/32—1048); А. Сухепи-Грабовская. Борьба за размер и назначение подати-кварти в конце XVI—начале XVII столетия; В. Собоцинский. Княжество варшавское и Франция; З. Ляндау. Бюджетное хозяйство Народной Польши в Люблинский период (1944—1945 гг.); М. Бискуп. Списки поляков, попавших в плен после битвы под Хойницами (1454); А. Бартицкий. Попытки Эфиопии установить отношения с Польшей в межвоенный период; А. Боравская. Галл Аноним или итальянец Аноним (о национальности автора древнейшей польской хроники).

«Z pola walki», 1965, № 1

60-летие товарища Владислава Гомулки; Т. Данишевский. Состояние исследований в области истории рабочего движения в Польше; К. Май. Формирование тактики единого фронта в международном и польском рабочем движении в 1921—1922 гг.; Я. Пясецкая, Ю. Ауэрбах. Организационное состояние КПП в 1929—1933 гг.; Я. Канцевич. Социальная революция, национальный вопрос и СДКПиЛ; Письма Розы Люксембург Лео Йогихесу (Я. Тышка). Часть XI (март 1902 — октябрь 1904) — подготовил к печати Ф. Тых; Соотношение сил в прамотечии рабочего движения в последние годы независимости Польши — подготовил к печати Л. Хасс; Начало восстановления столицы в документах варшавской организации Польской Рабочей Партии (ППР) — подготовили к печати Б. Бржезинский и Н. Коломейчик.

«Slavia orientalis», 1965, № 1

П. Левин. Интермедия русской школьной сцены; Г. Порембина. Две редакции «Сестер» А. Н. Толстого; А. Жига. Крашевский и русская литература; Я. Урбаньская. Начальный период восприятия русского sq-

ветского романа в Польше; З. Збыровский. Поэзия Бориса Пастернака в Польше; Б. Бялокозович. Письма Георгия Чичерина к Мариану Здзеховскому.

«Pamiętnik literacki», 1965, № 1

Е. Кондзеля. О генезисе «Сизифова труда»; Я. Журавicka. Был ли Жеромский лингвистом; К. Бартошиньский. «Пеплы» и кризис исторического романа; С. Пигонь. Гетман Жулкевский у ног Самуэля Зборовского. Из проблематики «Думы о Гетмане»; Г. Янашек-Геваничкова. Жеромский в свете идей Сореля; А. Гутникевич. Проблематика композиционных форм в писательском искусстве Жеромского; М. Гловиньский. Анахронизм и конструкция времени (Из проблем поэтики Жеромского); С. Заберовский. Участие Аскенази и его школы в генезисе «Пеплов». Из переписки Жеромского со Свентоховским. Обработка В. Слодковского. Переписка Зенона Шпесмыцкого и Стефана Жеромского по вопросу о «Повести об удалом Вальгеже». Обработка С. Пигоня; А. Бергель-Крегликowa. Над рукописью «Кануна весны». Предисловие Адольфа Варского к «Кануну весны». Обработка Г. Маркевича.

«Język polski», 1965, № 1

Э. Клеменевич. Гигиена права языкового общения; С. Роспанд. Из исследований по польской топонимике: XI. Загадочное название Psim; В. Борись. Замечания с несколькими наиболее редких польских словах: 1) rałatka i łałka, 2) swędra; Т. Холыньска-Баранова. Этимология слова czegwca; П. Смочиньский. Трудности польской фонетики для немцев и связанные с этим другие лингвистические проблемы; И. и Е. Бартошиньские. Диалектологические тексты. 34. Тексты Люблинского воеводства.

«Príspevky k dejinám KSČ», 1965, № 1

М. Клир. Роль Б. Шмерала в разработке стратегической ориентировки КПЧ в период ее возникновения (окончание); З. Градилак, Я. Новак. Замечания о борьбе за новое понимание единого антифашистского фронта; Я. Опат. О методе изучения и толкования некоторых проблем периода 1945—1948 гг.; В. Кашик. История Интернационала и некоторые проблемы марксистской историографии; Р. Ветишка. Прыжок во тьму (воспоминания).

«Ceskoslovensky časopis historicky», 1965, № 1

Ф. Граус. Княжеские дружины в эпоху раннего средневековья и их значение при возникновении государств в Цен-

тральной Европе; Й. Мадек. К вопросу о внешней политике короля Иржи Подебрада; М. Шванкмайер. К вопросу об исследованиях при помощи вычислительных машин в области исторической науки; И. Главачек. Из мерзбургских «богемик»; З. Сладек. Об изучении чехословацко-советских отношений в период между двумя мировыми войнами; Й. Петртыл. Обзор чехословацкой нумизматической библиографии за 1955—1964 гг.

№ 2

Я. Кладива. Проблематика культурной революции в советской историографии; Я. Мехирис. Независимые социалисты в чешском рабочем движении в начале 90-х годов XIX века; Я. Мезник. Карл IV, патрициат и цехи; З. Сметанка. Современное состояние археологических исследований материальной культуры поселений сельского типа X—XV веков в Чехии; З. Шолле. Воспоминания Карла Каутского о Бржековском съезде чехословацких социал-демократов.

«Historický časopis», 1965, № 1

К. Матуш. Социальная структура населения Словакии в X—XII вв. Дискуссия на научной конференции о Словацком национальном восстании; Л. Тяковски. К истории партизанского движения в пограничной области южной Словакии в 1944 г.; В. Колчан. Османские повествовательные источники по истории Словакии.

«Slovansky přehled», 1965, № 1

М. Куделька. Славяноведение, славянская идея и современность; М. Шестак. Сотрудничество Й. В. Фрича и Э. Кватерника; М. Шванкмайер. Чешско-русская торговля в начале XIX века; С. Станиславска. Начало внешней политики Польской Народной Республики; Р. Гоффман. Странная венгерская осень в 1956 г.; Ч. Аморт. Чехословацко-югославская боевая дружба в документах; А. Мештян. Чехословацко-польские культурные связи в период 1918—1939 гг.

№ 2

И. Долежал. Как родилось чешское майское восстание; М. Гюбл. Начало пути; Я. Валента. Польша на пути от войны к миру; Р. Гоффман. Венгрия — год освобождения; Я. Опат. За основы новой Югославии; М. Тейхман, З. Кутина. Борьба за демократическую власть в Румынии; К. Коржалкова. Албания в 1944—1945 гг.;

Р. Гавранкова. Первые шаги народной демократии в Болгарии; Ю. Доланский. Памяти М. В. Ломоносова; З. Сладек. История и современное славяноведение.

«Česká literatura», 1965, № 1

М. Янион. Спорные проблемы литературоведения; М. Отруба. Полемика Карела Чапека с романтизмом; Я. Яначкова. Конец «Майской сказки»; Ф. Водичка. Идентичность «Силезских песен»; И. Опелик. Рассказы Вейла периода 1938—1948 гг.; Я. Климентова. Моделирование ритмического строения стиха с помощью «Марковских процессов»; Я. Биак. К истории «Брненского Деветсила»; О. Сус. Из документов «Брненского Деветсила».

№ 2

Л. Долежал. Пражская школа и статистическая теория стихотворного языка; М. Червенка. Стих Брежевины; В. Форст. Почти забытое сочинение Терезы Новаковой; К. Гаусенблас. Перевод и теория литературы (в связи с книгой И. Леви «Искусство перевода»); Г. Гузалова. Выбор и расстановка действующих лиц в новелле Бублика «Позвоночник».

«Slovenská literatura», 1965, № 1

С. Шматлак. О сборнике Л. Новомеского «Воскресенье»; М. Руфус. Заметки о пролетарской поэзии; В. Турчаний. По поводу рифмы в поэзии Лаца Новомеского; И. Кусый. Вопросы развития словацкой литературы во второй половине XIX в.; И. Левый. О новых методах в литературоведении.

№ 2

Н. Краусова. Рассказчик в романе; К. Томиш. Прямая речь в современной словацкой прозе; Э. Андриал. «Консервативный модернист» Светозар Гурбан Ваянский; В. Марчок. Заметки к смысловому разбору прозы Кукучина; Р. Бронь. Венгерский или датский Симплицизм — произведение Даниэла Сиканиуса Горчичка.

«Slavia», 1965, № 1

Д. Брозович. Вук и новоштокавская фольклорная «кюйна»; А. Л. Гольдберг. Юрий Крижанич и Шимон Старовольский; Ф. Вольман. Проблема «славянского характера» у Герцена; И. Пфафф. Отношение Неруды к польской революции; Е. Герма-

нова. О художественном строе Малостранских рассказов; Я. Свобода. Ономастика на V Международном съезде славистов; Я. Седлачек. Результаты эмпирического собрания материалов для славянского лингвистического атласа; Б. Струминский. Отприлагательные прилагательные на -owaty в польском языке как украинизмы; М. Милейковская. Об употреблении отчества в русском языке XVI—XIX вв.; К. Елинек. Славянская и латинская Сазава; М. Квапил. Роль мостарской «Зорь» (1896—1901) в развитии сербской письменности.

«Slovenská reč», 1965, № 1

Э. Йона. Знаменательные годовщины; Я. Горедкий. Сложные слова с местоимением sám; П. Ондрус. Местоименные формы niekol'ki и niekol'ko; М. Брасаныйова. Композиционный анализ новеллы Альфонса Беднара «Сруб из камня»; Ш. Пецпяр. К дискуссии о правописании; В. Бланар. О современной языковой культуре и тенденциях развития литературного словацкого языка.

№ 2

Э. Йона. Литературный язык и правописание; М. О. Маликова. Дискуссия о реформе русского правописания; П. Младек. Однородные члены предложения в произведениях А. Матушки; Й. Сабол. Склонение словацких имен на -o; В. Углар. О формах с безглым гласным -á- в род. мн. имен существительных; Ш. Пецпяр. Об отборе и оценке слов в словаре словацкого языка; В. Бланар. Окончание дискуссии о культуре языка.

№ 3

Г. Горак. Реформа или только исправление; Ш. Пецпяр. Заметки о связи правописания и грамматики; Л. Двонч. К дискуссии о некоторых вопросах словацкого литературного произношения; Я. Оравец. К дискуссии о «допльнике»; Й. Яцко. О пунктуации при обособленных конструкциях.

«Jugoslovenski istorijski časopis», 1965, № 1

Н. Петрович. Философия истории и исторический метод Слободана Йовановича; А. Стойкович. Общественно-политические и идеологические взгляды В. Караджича в сравнении с взглядами Досифея (Обрадовича); Б. Графенауэр. Проблемы методологии исторических наук в связи с выходом в свет нескольких новых трудов по вопросам методологии истории; М. Будимир. Из новейшей балканской ономастики; А. Лебл. Венгерский радикализм и Воеводина в 1900—1918 гг.

НА КАФЕДРЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кафедра славянской филологии МГУ им. Ломоносова готовит специалистов по болгарскому, сербско-хорватскому, чешскому, польскому и словацкому языкам и по литературам народов Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии. В 1965 г. началось преподавание македонского языка. Подготовка славистов осуществляется на дневном и вечернем отделениях филологического факультета.

Силами работников кафедры читаются общие лекционные курсы по введению в славянскую филологию (проф. С. Б. Бернштейн), истории отдельных славянских языков (проф. С. Б. Бернштейн, доц. А. Г. Широкова, доц. Н. В. Котова, ст. преп. А. С. Посвянская), по старославянскому языку (проф. В. В. Бородич), по грамматике славянских литературных языков, по истории славянских литератур (доц. Е. З. Цыбенко, доц. Р. Р. Кузнецова, ст. преп. А. М. Балакин). Читается также ряд специальных курсов, в том числе курс сравнительной грамматики славянских языков (проф. С. Б. Бернштейн).

Практическое обучение славянским языкам ведется преподавателями кафедры не только на филологическом, но и на историческом, экономическом и географическом факультетах МГУ.

Исследовательская деятельность профессорско-преподавательского состава кафедры направлена на разрешение актуальнейших проблем славянского языкознания и литературоведения.

В последние годы большое внимание уделялось исследованию глагольных категорий и форм. Доц. А. Г. Широкова успешно разрабатывает тему «Категория многократности в чешском языке». Результаты исследования изложены в статьях: «Об употреблении глаголов совершенного вида для обозначения многократного действия в чешском языке» (сб. «Славянская филология», вып. 4, М., изд-во МГУ, 1963), «О категории многократности в чешском языке» (сб. «Исследования по чешскому языку», изд-во АН СССР, 1963), «Из истории возникновения

и развития маркированных многократных глаголов в чешском языке» («Вестник МГУ», филология, журналистика, 1965, № 2), «Основное значение многократных глаголов в чешском языке» («Вопросы языкознания», 1965, № 2). З. П. Грозная опубликовала статью «Из наблюдений над чешским глагольным словообразованием» («Славянская филология», вып. 4), в которой рассматривается одна из моделей образования глаголов от существительных со значением действующего лица. В кандидатской диссертации В. П. Гудкова «Формы будущего времени в сербско-хорватском литературном языке», защита которой состоялась в 1964 г., содержится описание морфологии и значения форм будущего времени и их соотносительного употребления в сложном предложении. Отдельная глава посвящена формам будущего времени и конструкции «*да* + презент», заменяющей инфинитив. Содержание диссертации частично отражено в статьях «К вопросу о будущем времени в современном сербско-хорватском литературном языке» («Славянская филология», вып. 4) и «Употребление форм будущего времени „*да* + настоящее время“ в сербско-хорватском языке» («Вестник МГУ», филология, журналистика, 1963, № 2). Спорные вопросы исторической грамматики рассматриваются в статьях «Параллель из истории форм будущего времени в сербско-хорватском и русском языках» («Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 38, 1963) и «Из истории славянского глагольного вида» («Вопросы языкознания», 1963, № 1).

Проф. В. В. Бородич исследовала роль категории определенности/неопределенности в формировании глагольного вида. В последние годы В. В. Бородич изучала проявление этой категории в именной системе старославянского языка. В связи с этим в пятом сборнике «Славянская филология» (1964) опубликована ее статья «О категории определенности/неопределенности в старославянском языке». Доц. Н. В. Котова — автор ряда работ по болгарской диалектологии. Среди

последних ее публикаций — статья «Звуковая система говора района Горно Поле» («Славянская филология», вып. 4) и «К проблеме значения высказывания (на материале одного болгарского диалекта)» («Вестник МГУ», филология, журналистика, 1963, № 4). В настоящее время Н. В. Котова работает в области структурной типологии юговосточных болгарских говоров. Кроме того, в сотрудничестве с М. Янакиевым (Болгария) она готовит к изданию Паримейник Григоровича — памятник болгарской письменности.

Р. П. Усикова завершает работу над кандидатской диссертацией о македонском литературном языке. Ею опубликованы статьи «О настоящем времени глаголов совершенного вида в македонском литературном языке» («Славянская филология», вып. 4), «Морфологическая классификация глаголов в македонском литературном языке» («Вестник МГУ», филология, журналистика, 1964, № 5), «Об ударении в современном македонском языке» («Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 41, 1964). Т. П. Попова, занимающаяся изучением русско-сербских языковых и культурных связей конца XVIII — начала XIX в., опубликовала письма Вука Караджича к Н. П. Шадеждину («Вестник МГУ», филология, журналистика, 1964, № 4). Т. И. Константинова работает над кандидатской диссертацией о паремии в современном чешском языке. Некоторые ее наблюдения изложены в статье «О структурной и семантической соотносительности форм сравнительной и положительной степени наречий в современном чешском языке» (Сб. «Исследования по чешскому языку»). Т. С. Тихомирова изучает процесс адвербиализации форм творительного падежа в польском и других языках. В пятом выпуске сборника «Славянская филология» (1964) помещена ее статья «О творительном тавтологическом в русском языке».

Доц. Р. Р. Кузнецова работает над темой «Чешский общественно-политический роман 30 гг. XX века». В четвертом выпуске сборника «Славянская филология» (1964) напечатана статья Р. Р. Кузнецовой «О структуре повествования в романах Ярмилы Глазаровой». Доц. Е. З. Цыбенко исследует польский социальный роман XIX столетия. Она напечатала несколько статей о творчестве польских писателей: «Элиза Ожешко и русская литература» («Славянская филология», вып. 5), «Болеслав Прус и русская литература» («Вестник МГУ», филология, журналистика, 1963, № 4), «Жеромский и Прус» («Вестник МГУ», филология, журналистика, 1965, № 2).

Кафедра публикует лучшие студенческие работы, среди которых следует упомянуть статьи И. Г. Милославского «Дистрибуция звуков старославянского языка» («Славянская филология», вып. 5) и Т. А. Ацаркиной «Возвратный глагольный компонент *si* в современном чешском языке» (Сб. «Исследования по чешскому языку»).

Продолжается составление и издание учебных пособий по славянским языкам и литературам. Проф. В. В. Бородич заканчивает работу над рукописью учебника болгарского языка, который предназначается для студентов, обучающихся на отделении русского языка и литературы. Кроме описания литературного языка в учебнике будет дан обзор болгарских диалектов, очерк истории языка, а также тексты. В серии «Языки мира» намечено издать книгу «Сербско-хорватский язык», над которой работает В. П. Гудков. Проф. С. Б. Бернштейн подготовил новое издание «Болгарско-русского словаря». Доц. И. И. Толстой подготовил новый «Сербско-хорватско-русский словарь». Доц. Р. Р. Кузнецова и доц. Е. З. Цыбенко написали главы, посвященные чешской и польской литературам, для учебников по истории зарубежной литературы, которые готовятся к изданию в МГУ.

Слависты Московского университета принимают участие в научных конференциях и съездах. На межвузовской конференции по проблемам сравнительной грамматики индоевропейских языков, состоявшейся в МГУ в ноябре 1964 г., проф. С. Б. Бернштейн выступил с докладом «К истории праславянского аблаута (ступень редукции)». Доц. Е. З. Цыбенко сделала доклад о творчестве Б. Пруса на славистической конференции в Черновцах, проходившей в 1964 г. На той же конференции с докладом «В. Брюсов и Польша» выступил студент МГУ С. И. Бэлза.

Кафедра активно поддерживает связи с зарубежными учеными. В 1964 г. на филологическом факультете читали лекции известные лингвисты и историки литературы П. Франгеш, Й. Вукович, В. Недич, М. Мулич (Югославия), Г. Вольпе (Польша). На кафедре прошли научную стажировку М. Янакиев (Болгария), Е. Русэк (Польша) и другие. Отдельные преподаватели кафедры выезжали на длительный срок в славянские страны для специализации (А. Г. Широкова, З. П. Грозная, Т. С. Тихомирова и др.), некоторые участвовали в летних славистических курсах в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии.

В. П. Гудков

СЛАВЯНОВЕДЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В СЕКТОРЕ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР

История славянских стран не является основной тематикой в работе Сектора истории средних веков. Однако на заседаниях Сектора и в особенности в его периодическом издании «Средние века» обращение к славяноведческой тематике — нередкое явление.

В выпуске 23-м сборника (М., 1963) было опубликовано сообщение Е. П. Наумова «К истории церковного и монастырского землевладения в Сербии, Македонии и Зете во второй половине XIV века». Сопоставляя жалованные грамоты, выданные церквям, монастырям и светским лицам, автор приходит к выводу о многочисленных захватах церковных земель светскими феодалами во второй половине XIV в., после распада державы Стефана Душана. Это привело, по крайней мере временно, к значительному перераспределению феодальной земельной собственности; правда, многие из захваченных имений были возвращены церквям и монастырям.

В выпуске 24-м (М., 1963) помещено сообщение польского историка Эбигнева Вильгоша «Из истории крупного землевладения Цистерцианского ордена в Любушской земле в XIII — первой половине XV века». Автор опирается на данные жалованных грамот (XIII в.) и описей монастырских владений (XV в.). В работе дан краткий очерк истории земельной собственности Любенжского монастыря цистерцианцев в Любушской земле от ее возникновения в XIII в. до упадка и ликвидации в XV в., в чем сыграла свою роль экономическая экспансия браденбургского дворянства.

В том же 24-м выпуске, в разделе «Дискуссии и обсуждения», напечатано сообщение Йозефа Полишенского (Чехословакия) «„Чешский вопрос“ и политические взаимоотношения западной и восточной Европы в первый период Тридцатилетней войны». Критикуя буржуазную историографию, которая при истолковании Тридцатилетней войны обычно выдвигает на первый план религиозный фактор, а также соперничество между Габсбургами и Бурбонами, автор рассматривает внешнеполитические события в плане борьбы феодальных и антифеодальных сил. Ставится также вопрос об изменении классового состава антигабсбургского движения в Чехии, о его демократизации к концу 1620-х годов после отхода от борьбы феодально-сословной оппозиции.

Большая статья ст. научного сотрудника Сектора истории средних веков М. М. Смирин «Социальная борьба в горных районах Саксонии в конце XV — начале XVI века и во время Великой

крестьянской войны» (вып. 24 и 25), которая является частью подготавливаемой автором монографии, непосредственно затрагивает вопросы истории Чехии. М. М. Смирин уделяет большое внимание восстанию 20—25 мая 1525 г. в чешском городе Яхимове — центре добычи серебра в Рудных горах. Автор рассматривает в органической связи революционные события, происходившие в Саксонии и в близлежащих районах Чехии, показывает, что революционное движение в Яхимове находило широкий отклик среди саксонских горняков. Важное место отведено анализу классового состава восставших и проблеме участия в восстании мелких предпринимателей. Обращаясь к предыстории Яхимовского восстания (со времени возникновения Яхимова в 1516 г.), М. М. Смирин указывает, что этот город был ареной ожесточенной борьбы между представителями революционной и умеренной реформации, и решает в положительном смысле вопрос о возможности пребывания в Яхимове Томаса Мюнцера летом 1524 г.

В декабре 1964 г. М. М. Смирин выступил с докладом на эту же тему на международном симпозиуме в Лейпциге, посвященном проблемам ранней буржуазной революции XVI в. в Германии. Вопрос о пребывании Мюнцера в Яхимове стал в ходе прений предметом оживленной дискуссии.

27-й выпуск «Средних веков» (М., 1965) содержит статью Эрха Диннерта (ГДР) «Данные немецких источников раннего средневековья о славянах и программа восточной экспансии у Титмара Мерзебургского». Автор характеризует Титмара как политика, стремившегося оправдать немецкую экспансию на восток и резко враждебно относившегося к славянам — соседям Германии, как к язычникам (полабские славяне), так и к уже принявшим христианство (поляки, чехи). Статья направлена против попыток буржуазной западногерманской и австрийской историографии представить в идеалистическом свете отношения между империей Оттонов и ее славянскими соседями. Эти тенденции в остфюрингге особенно ярко проявились в ходе юбилейных торжеств в 1962 г. в связи с 1000-летием коронации Оттона I императорской короной.

В 24-м выпуске сборника была опубликована рецензия Е. В. Гутновой, И. А. Мироновой и В. С. Соколова «Важный источник по истории раннефеодальной Польши» (на издание в серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы» перевода хроники Галла Анонима).

Там же, в разделе «Заметки о книгах», помещена краткая аннотация М. М. Фрейденберга (Великие Луки) на книгу: Jovan Kovačević. Arheologia i istorija varvarске колонизације јужнословенских области од IV до почетка VII века. Novi sad. 1960. (И. Ковачевич. Варварская колонизация южнославянских областей от IV до начала VII в. Нови-Сад, 1960).

В мае 1964 г. в Секторе истории средних веков Института истории АН СССР состоялось обсуждение доклада М. М. Фрейденберга «О социальной структуре далматинского города XIII в.». Выводы докладчика об особенностях экономического и социального строя Трогира были основаны на детальном изучении массовых источников — нотариальных актов. Такими особенностями являются, по М. М. Фрейденбергу, решительное преоб-

ладание торговли в городской экономике, слабое развитие ремесла, ведущая политическая роль патрициата; вместе с тем для Трогира характерна теснейшая связь города с сельскохозяйственной округой. Доклад вызвал большой интерес и получил высокую оценку со стороны собравшихся. Был высказан также ряд критических замечаний. Выступавшие отметили, что нотариальные акты, в силу своей специфики как источника, могут обходить молчанием целые группы населения, а другим группам уделять непропорционально мало внимания. Поэтому они рекомендовали докладчику соблюдать большую осторожность при использовании по отношению к такому рода источникам статистического метода.

В. Н. Малов

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА, ПОСВЯЩЕННОЕ 20-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ

5 мая 1965 г. состоялось заседание Ученого совета Института славяноведения, посвященное XX годовщине освобождения Чехословакии Советской Армией.

В качестве почетных гостей на заседании присутствовали члены делегации Союза чехословацко-советской дружбы во главе с министром финансов ЧССР Р. Дворжаком и представители чехословацкого посольства.

Научные сотрудники института Я. Б. Шмераль и А. И. Недорезов выступили с докладами, посвященными 20-летию юбилею новой Чехословакии.

В докладе Я. Б. Шмерала «Некоторые вопросы политики КПЧ в период 1945—1948 гг.» говорилось, что изучение истории свободной Чехословакии этого периода имеет большое значение не только для понимания прошлого, но и для знакомства с тенденциями и закономерностями важнейших общественных процессов современности. Отметив тот факт, что в развитии социалистической революции в Чехословакии проявились некоторые общие для всех социалистических стран черты, докладчик остановился на особенностях чехословацкой социалистической революции, связанных с конкретными историко-политическими, экономическими, национально-культурными и географическими условиями этой страны.

Я. Б. Шмераль раскрыл условия, в которых была разработана политическая линия КПЧ на постепенное мирное развитие революции в Чехословакии. В заключение своего выступления докладчик подчеркнул, что социалистическая революция в Чехословакии явилась победой не только революционной практики, но и творческой марксистско-ленинской теории, которая непрерывно развивается и обогащается тем новым, что приносит с собой жизнь.

А. И. Недорезов посвятил свой доклад анализу важнейших сторон деятельности КПЧ по организации строительства социализма в ЧССР. Он подчеркнул, что для деятельности компартии ЧССР характерен дух творческой инициативы. Основное внимание в докладе было уделено освещению роли КПЧ в перестройке социально-экономической структуры общества и его идеологии. Оценивая политическую деятельность КПЧ, докладчик отметил тот факт, что КПЧ является образцом партии ленинского типа, верной принципам пролетарского интернационализма и братского сотрудничества всех стран социалистического лагеря.

Оба доклада были встречены с большим интересом.

М. К.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

21 апреля 1965 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР состоялась защита докторской диссертации Л. Б. Валевым на тему: «Болгарский народ в борьбе против фашизма (накауне и в начальный период второй мировой войны)». Монография на эту тему, опубликованная в 1964 г., получила высокую оценку научной общественности как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук И. С. Галкин, И. Н. Мельникова, В. М. Турок и В. Т. Фомин.

В своем выступлении И. С. Галкин подчеркнул большую политическую актуальность избранной Л. Б. Валевым темы. Оппонент отметил, что Л. Б. Валева привлек к исследованию широкий круг источников — как архивных, так и опубликованных. На богатом фактическом материале диссертанту удалось показать силу сопротивления народных масс Болгарии фашизму. И. С. Галкин подчеркнул ту тщательность, с которой автор изучил новые явления в расстановке общественных и политических сил Болгарии, а также изменения в политических лозунгах Рабочей партии, которые были вызваны назреванием второй мировой войны и втягиванием в нее Болгарии. Большое удовлетворение оппонента вызвало и то, как удачно и доказательно осветил Л. Б. Валева все перипетии политической борьбы между англо-франкофильскими и германофильскими кругами Болгарии. В целом представленную работу И. С. Галкин оценил как интересное и оригинальное исследование.

И. Н. Мельникова подчеркнула высокий теоретический уровень монографии Л. Б. Валева. Она отметила, что автор глубоко проанализировал процессы, происходившие в экономике Болгарии, и вскрыл влияние этих процессов на международное и внутривластическое положение страны, на политику господствующих классов и характер социально-политической борьбы в Болгарии.

По мнению оппонента, особенно ценными являются те разделы работы Л. Б. Валева, где показывается, как созревали в стране внутренние объективные предпосылки для объединения всех патристических и демократических сил болгарской нации в целях борьбы против монархо-фашистской клики.

В. Т. Фомин отметил значение монографии Л. Б. Валева для разработки истории начального периода второй мировой войны. В работе показана борьба империалистических держав на Юго-Востоке Европы, экономическая экспансия и политическая агрессия гитлеровской Германии на Балканах. По мнению оппонента, автор сумел раскрыть роль фашистской пропаганды и разгула великобол-

гарского шовинизма в политике правящей клики, которой удалось вовлечь страну в агрессивный военно-фашистский блок.

В. Т. Фомин, как впрочем и другие выступавшие, констатировал, что монография Л. Б. Валева фактически значительно шире, чем можно было бы судить по ее названию, и хронологически и по охвату исследуемых проблем.

Высоко оценен труд Л. Б. Валева также В. М. Турок. Он подчеркнул, что основные положения и тезисы автора уже вошли в научный обиход, о чем свидетельствуют положительные отклики на книгу в болгарской прессе и в советских исторических журналах. В ходе обсуждения представленного Л. Б. Валевым труда были подняты и некоторые вопросы дискуссионного характера, что вызвало большой интерес у присутствовавших. В частности, такими и явились вопросы о причинах того, почему в Болгарии не была создана массовая партия фашистского типа, о характере начального этапа второй мировой войны, о стратегических и тактических лозунгах Рабочей партии в исследуемый период, о путях проникновения немецкого капитала в болгарскую экономику. Диссертант сумел четко и аргументированно изложить свою позицию по всем этим сложным вопросам и его заключительное слово отразило тот творческий, подлинно научный характер, который приобрела процедура защиты диссертации.

В качестве неофициальных оппонентов выступили: заместитель директора Института истории Болгарской АН В. Божинов, А. Я. Манусевич и М. А. Бирман. В. Божинов подчеркнул, что работа Л. Б. Валева — большое событие и для болгарской научной общественности. Одним из ее достоинств является глубокое раскрытие миролюбивой внешней политики Советского Союза и того влияния, которое она имела на судьбы болгарского народа. Отметив, что через всю книгу красной нитью проходит любовь болгарского народа к братскому Советскому Союзу, В. Божинов заявил, что и сама работа Л. Б. Валева — также свидетельство и выражение нерушимой болгаро-советской дружбы.

А. Я. Манусевич и М. А. Бирман в своих выступлениях хорошо отзывались о научных достоинствах диссертации и напомнили о большой научно-организаторской работе, которую ведет Л. Б. Валева как историк-славист широкого профиля.

Ученый совет Института славяноведения АН СССР единогласно присудил Л. Б. Валева ученую степень доктора исторических наук.

*Г. П. Мурашко
Р. П. Гришина*

* * *

28 апреля 1965 г. в Институте славяноведения Академии наук СССР защищалась докторская диссертация Ю. В. Бромлея. К защите была представлена вышедшая в 1964 г. в издательстве «Наука» книга «Ставоление феодализма в Хорватии». Оппонентами выступали доктора исторических наук З. В. Удальцова, А. Я. Гуревич и С. А. Шкптин, которые высоко оценили представленную к защите книгу и единодушно высказались за присвоение ее автору степени доктора исторических наук.

В числе достоинств работы были отмечены: важность разработанной темы в теоретическом отношении, высокий профессиональный уровень исследования, тщательный анализ автором основных источников — актового материала Далматинской Хорватии IX—XI вв., позволивший показать ценность большинства раннесредневековых хорватских актов как исторического источника. По мнению оппонентов, книга Ю. В. Бромлея представляет интерес для многих медиевистов и славистов, так как ее автор не замыкается в узкие рамки изучаемого вопроса, его выводы имеют значение для характеристики процесса классовобразования у всех славян. Диссертанту свойствен критический подход к многочисленным исследованиям по хорватскому средневековью как современных югославских авторов, так и историков предшествующего времени.

Основные выводы автора, касающиеся характеристики переходных черт производственных отношений Далматинской Хорватии в IX—XI вв., не встретили возражений оппонентов. По мнению Бромлея, в хорватской деревне этого времени причудливо переплетались различные социально-экономические уклады, сочетались разнообразные частнособственнические отношения и очень архаические общественные формы.

Большинство замечаний, высказанных оппонентами, носили частный характер. Были сделаны пожелания относительно более детального и всестороннего освещения некоторых вопросов. З. В. Удальцова указала на несколько неполный анализ проблемы формирования крупного землевладения. По ее мнению, в книге необходимо было дать характеристику административного устройства Хорватии, что помогло бы показать происхождение и социальный статус хорватского нобилитета. А. Я. Гуревич высказал некоторые соображения, касающиеся конкретного анализа актового материала: о принципах определения классовой принадлежности владельцев, правомерности установления размера земли по ее цене, о соотношении наследственных прав различных категорий родственников и др. Он

полагает, что в книге необходимо было показать влияние внешних факторов на внутренние процессы, связанные со становлением феодальных отношений. По мнению С. А. Никитина, не вполне убедительна система доказательств Бромлея о наличии в Далматинской Хорватии «некоторой степени вовлечения сельского населения в товарно-денежные отношения»; диссертант должен был дать более подробный обзор политической истории Хорватии в период раннего средневековья, проанализировать особенности развития городов, что помогло бы всесторонне осветить проблему складывания феодальных отношений. Вывод Ю. В. Бромлея относительно наличия в Хорватии «братской» семьи был по-разному оценен оппонентами. Если З. В. Удальцова согласилась с положением, выдвинутым в книге, то С. А. Никитин считал его не вполне обоснованным. Оппоненты не одобрили терминологическое нововведение диссертанта, именуемого общественный строй Далматинской Хорватии в IX—XI вв. «полусоседскообщинным — полуфеодальным».

Кроме официальных оппонентов в диспуте принял участие М. М. Фрейденберг.

Ученый совет Института единогласно присвоил Ю. В. Бромлею ученую степень доктора исторических наук.

И. С. Достял

* * *

26 мая 1965 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР состоялась защита диссертации младшим научным сотрудником сектора структурной типологии славянских языков А. А. Зализняком «Классификация и синтез именных парадигм русского языка».

Во вступительном слове диссертант подчеркнул связь своей концепции с традицией русской грамматической школы.

Затем был зачитан ряд отзывов, поступивших от учреждений и отдельных ученых. В них подчеркивалось, что работа диссертанта достойно представляет советское языкознание. Академик В. В. Виноградов отметил, что труд А. А. Зализняка, основанный на анализе строго определенного и притом весьма широкого круга слов, продвигает далеко вперед научное описание русского языка. Академик А. И. Колмогоров подчеркнул заслуги диссертанта в применении математического мышления к лингвистическим задачам и указал, что с точки зрения современных логических методов диссертация безупречна. В отзыве председателя Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» при Президиуме

АН СССР академика А. И. Берга отмечала важность работы для развития кибернетических методов в языкознании.

В отзыве, присланном Издательством иностранных и национальных словарей, отмечается, что диссертация А. А. Зализняка внесла новый вклад в лексикографическое дело.

В качестве официальных оппонентов выступили: д-р филол. наук проф. П. С. Кузнецов, д-р физ.-матем. наук В. А. Успенский, чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесов и канд. филол. наук Ю. Д. Апресян. Все они высоко оценили труд диссертанта, охарактеризовав его как выдающийся вклад в науку о русском языке и в языкознание вообще, и единодушно признали, что кандидатская диссертация А. А. Зализняка удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, и является по сущности уникальным по своей глубине и точности исследованием.

Оппоненты подчеркнули практическое значение работ А. А. Зализняка для машинного перевода, лексикографии и обучения русскому языку.

Выступивший на заседании заведующий сектором славянского языкознания Института славяноведения д-р филол. наук проф. С. Б. Бернштейн говорил о большом значении научной деятельности А. А. Зализняка в области сравнительно-исторического языкознания и подчеркнул, что, несмотря на молодость диссертанта, им уже проведен ряд капитальных исследований по индоевропейскому языкознанию.

Ученый совет постановил присудить А. А. Зализняку степень кандидата филологических наук и степень доктора филологических наук.

Д. М. Сегал

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

● В марте-апреле 1965 г. группа славяно-германских отношений на своих заседаниях заслушала и обсудила доклад Л. Заборовского «Русско-пруссские дипломатические отношения во второй половине XVII в.» (22 марта), доклад аспиранта группы И. И. Попа о работе над диссертационной темой (чешско-венгерские отношения в 1934—1936 гг.). На совместном с группой межславянских связей и группой истории культуры заседании была рекомендована к защите монография М. В. Щепкиной (Исторический музей) «Болгарская миниатюра XIV в.» (8 апреля). Были рекомендованы к печати монография В. К. Волкова «Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты» (19 апреля) и А. И. Рогова «Русско-польские культурные связи эпохи возрождения» (3 мая). Внутри группы создала библиографическая комиссия, в задачи которой входит работа в библиотеках Москвы (ФБОН, ВГБИЛ, ГБЛ и Исторической библиотеке) по составлению ретроспективной библиографии для коллективной монографии «Драг пах Остен». Кроме того, комиссия должна систематически информировать сотрудников группы о новых интересных поступлениях в библиотеки и о научной жизни за рубежом (по иностранным журналам). Группа начала подготовку к конференции по истории «Драг пах Остен», которая состоится в сентябре 1965 г. К участию в ней будут привлечены ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Саратова, Воронежа и других городов. Проблематика конференции очень широка и охватывает период времени от раннего средневековья до конца второй мировой войны.

● 10 мая 1965 г. в секторе истории зарубежных славянских стран периода

социализма состоялось обсуждение тезисов чехословацкого ученого А. В. Доброго на тему: «Некоторые общие методологические вопросы разработки истории социалистических государств». Тезисы были составлены в связи с подготовкой чехословацким Институтом истории социалистических стран коллективного обобщающего труда по вопросам возникновения и развития мировой социалистической системы. В дискуссии приняли участие сотрудники института: М. Н. Кузьмин, А. И. Недорезов, П. И. Резоцов, Г. М. Славин, Я. Б. Шмераль.

● В апреле-мае 1965 г. в секторе истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма обсуждены: доклад М. М. Фрейденберга (В. Луки) о «Социально-экономической динамике далматинского города в XIII—нач. XVI в.» (20 апреля), главы из монографии И. И. Лещиловской, посвященной иллирийскому движению (28 апреля). 3 мая было заслушано сообщение словацкого историка В. Матулы: «А. Б. Врховский и словацкое национальное движение второй половины 30-х гг. XIX в.». Автор осветил деятельность Врховского и его роль в укреплении связей словацкого народа с другими славянскими народами.

● В секторе славянского языкознания 5 марта состоялось обсуждение доклада д-ра Е. Русака (Польша) о системе личных глагольных форм в Триоди XIII в.—среднеболгарском памятнике из рукописного собрания А. И. Хлудова (Государственный исторический музей). Е. Русаку удалось показать, что уже в этом памятнике широко отражены черты анализа в системе глагола. Проф. С. Б. Бернштейн предостерег докладчика от

некоторой модернизации в истолковании материала. В частности, он указал на излишнюю категоричность утверждения, что в языке плеча Хлудовской Триопи инфинитив уже был утрачен. 19 марта был обсужден доклад Е. В. Чешко «Система древнеболгарских падежей». Выступавшие в прениях отметили важность этого доклада для разработки теории падежей. И. И. Ревзин высказал свое согласие с содержащейся в докладе критикой концепции Е. Куриловича о семантических и синтаксических значениях падежей. 26 марта был заслушан доклад К. И. Ходовой «Задачи изучения падежей с предложениями в старославянском языке». В нем были сформулированы теоретические предпосылки и обоснована методология изучения предложных словоупотреблений. В секторе состоялось обсуждение монографии Л. Э. Калынь — «Типология нижнелужицких диалектных звуковых различий» (2 IV) и З. Н. Стрекаловой — «Из истории польского глагольного вида (глаголы движения)» (7 V). В имеющем большое научное значение исследовании Л. Э. Калынь впервые дается синхронное фонологическое описание системы вокализма и системы консонантизма современных нижнелужицких диалектов и определяется типология звуковых диалектных различий. З. Н. Стрекалова, описав функционирование глаголов движения на трех фазах истории польского языка (XV в., XVI в., современный литературный язык), прослеживает, как они постепенно вовлекались в систему корреляции по виду. Выступавшие в обсуждении отметили, что исследование З. Н. Стрекаловой даст возможность понять некоторые закономерности становления и функционирования вида в польском языке. 12 марта было заслушано сообщение Р. В. Булатовой о задачах, методах и теоретических предпосылках подготавливаемого ею исследования акцентологической системы в Сборнике 1509 г. — памятнике сербской письменности XVI в. (Государственная библиотека им. В. И. Ленина). Специальные заседания (14 V и 21 V) сектор посвятил обсуждению статей В. М. Иллича-Свитыча «Исследования по сравнительной грамматике славянских языков» и Г. К. Венедиктова «Изучение южных и западных славянских языков в Советском Союзе за 50 лет».

● Вышла в свет монография Т. В. Цицвян «Имя существительное в балканских языках». Работа посвящена проблематике структурно-типологического исследования балканского языкового союза. Она состоит из введения и семи глав: 1) Болгарский и македонский языки, 2) Сербско-хорватский язык, 3) Новогреческий язык, 4) Румынский язык, 5) Албанский язык, 6) Некоторые замечания о тюркских диалектах Балкан-

ского полуострова, 7) Типологические характеристики имени существительного в балканских языках, их классификация по некоторым моделям-эталонам.

● Вышел из печати очередной, 3-й сборник Группы славяно-германских отношений, посвященный истории Австро-Венгрии и славяно-германским отношениям. Он включает в себя статьи: Б. Н. Флоря. Из истории экономических связей России с западнославянскими землями Габсбургской монархии в XVI в.; А. И. Рогов. Русско-австрийские культурные связи в XVII в.; В. И. Фрейдзон. Страницы истории национально-освободительного движения в Хорватии.; И. Г. Сенкевич. Реакционная политика Австро-Венгрии на Балканах в 60—70-х гг. XIX в.; Н. Д. Ратнер. Возникновение пангерманизма в Австрии; В. М. Турок. Страницы истории рабочего движения в Австрии и на Балканах (из книги: «Улица Коминтерна...»); Н. Б. Шеламанова. К вопросу о поселении пленных ливонцев в Москве во второй половине XVI в.; В. Д. Королук, А. И. Рогов. Битва под Веной 1683 г. и русско-польские отношения; В. Н. Кондратьева. Документы о положении славян под властью Австрии в начале 60-х годов XIX в.; Э. Винтер. К вопросу об объеме и содержании понятия «славистика»; Г. Э. Санчук. Проблема империи и чешско-немецких отношений раннефеодального периода (X—XII вв.) в западногерманской историографии послевоенного времени.

● В издательстве «Наука» с предисловием и под редакцией академика М. Н. Тихомирова вышла в свет монументальная публикация труда Юрия Крижанича «Политика», подготовленная Институтом славяноведения АН СССР. Книга содержит текст «Политики» Ю. Крижанича (подготовил к печати В. В. Зеленин), перевод и комментарии (А. Л. Гольдберг).

● Вышел в свет III том «Документов и материалов по истории советско-польских отношений», охватывающий период от апреля 1920 г. до марта 1921 г. Как и предыдущие тома, настоящий том подготовили совместно советские и польские научные учреждения: с советской стороны — Институт славяноведения (группа исторических связей народов СССР с зарубежными славянскими народами при участии Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Главного архивного управления СССР и Историко-дипломатического управления МИД СССР); с польской стороны — Сектор по истории польско-советских отношений ПАН (в 1965 г. Сектор преобразован в Институт истории польско-советских отношений) при участии Института истории партии при ЦК ПОРП и Главной Дирекции государственных архивов ПНР.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЧСАН

Институт истории европейских социалистических стран ЧСАН в Праге (ИИЕСС) возник 1 января 1964 г. в связи с реорганизацией ряда учреждений, занимавшихся изучением общественных наук. Цель этой реорганизации — создать более благоприятные условия для систематического и глубокого исследования истории европейских социалистических стран с древнейших времен до настоящего времени. Особое внимание предполагалось уделить изучению предпосылок возникновения и развития социализма. Наряду с этими задачами, ИИЕСС совместно с Институтом истории европейских социалистических стран САН в Братиславе¹ должен был стать центром, координирующим работу всех учреждений данного профиля. Институт продолжает деятельность Института славяноведения и Чехословацко-советского института ЧСАН, существовавших до конца 1963 года.

Основные исследования сектора истории Института славяноведения были направлены на выполнение двух коллективных трудов: «Славянские древности» и «Чехи и поляки в прошлом». Наряду с этим был издан ряд монографий² и статей. Статьи были опубликованы главным образом в двух институтских периодических сборниках³. Сектор истории Института славяноведения принимал участие в издании международного журнала по византиноведению. Отдел истории Чехословацко-советского института занимался изучением чехословацко-советских отношений и истории СССР. Результаты этого изучения публиковались в журнале «Советская веда-история», а также в сборниках материалов конференции, которая была организована ЧСН⁴. Кроме того, работы сотрудников отдела истории Чехословацко-советского института публиковались в других изданиях⁵.

Д-р Чейхан и д-р Герман приняли участие в подготовке II тома «Очерков истории Чехословакии».

Задачей ИИЕСС было дальнейшее развитие славистической науки и, в первую очередь, акцентирование внимания на истории социалистических стран Европы, проблемах создания предпосылок и развития социалистических революций в этих странах.

Институт считает своей важнейшей задачей подготовку коллективных работ обзорного синтетического характера, в которых принимают участие также сотрудники других научно-исследовательских учреждений. Основное направление исследования — создание общей картины развития европейских социалистических стран, занимавших свое особое место в истории Европы и которые, несмотря на определенные различия, объединяют и некоторые общие черты и условия исторического развития. Обзорные работы должны отразить эту основную линию. В работах, посвященных послевоенной проблематике, будет показано развитие всего социалистического сотрудничества.

Другое направление исследования — создание коллективных работ по истории отдельных европейских социалистических стран. Коллектив Института при этом не ставит целью подменять национальную историографию этих стран. Напротив, речь идет о том, чтобы исходить из результатов этой национальной историографии и учитывать нужды нашей педагогической и популяризаторской работы.

Третий круг вопросов касается анализа отношений Чехословакии с отдельными социалистическими странами.

Институт состоит из двух исторических отделов и отдела библиографии и документации. Один из отделов занимается историей периода от начала государственности до 1917 года. Главные коллективные задачи этого отдела — изучение начал государственности у славян, а также изучение революционных и прогрессивных движений периода феодализма и национально-освободительного движения славянских народов. Совместно с отделом новейшей истории коллектив сотрудников готовит «Очерки истории чехословацко-югославских отношений». В рамках отдела работает группа, которая занимается историей Византии.

Отдел новейшей истории готовит коллективные работы по истории социалистических стран в межвоенный период, о возникновении народно-демократического строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и «Очерки истории

¹ Об этом институте см. статью Й. Грозненчика в журнале «Советское славяноведение», 1965, № 1.

² Например, V. Z á ě s k. Slovanský sjezd v Praze 1848.

³ См. 6-томный сборник «Vznik a počátky Slovanů» и пять томов сборника «Slovanské historické studie».

⁴ «Velká říjnová socialistická revoluce v dějinách a kultuře Československa». Praha, 1958; «Z bojů za svobodu a socialismus». Praha, 1961.

⁵ Назовем особо журнал «Československá rusistika», 2 тома сборника «Kapitoly dějin vzájemných vztahů CSR a SSSR»; 2 тома «Dějiny Sovětského svazu a československo-sovětských vztahů v dokumentech» (3-й том в печати) и др.

мировой социалистической системы». Кроме этого, отдел ведет работу по завершению соответствующей части второго тома труда «Чехи и поляки в прошлом», готовит второй том «Очерков истории чехословацко-советских отношений» и работает над «Очерками чехословацко-югославских отношений».

Отдел документации и библиографии составляет библиографию зарубежных журнальных статей по всем вопросам, относящимся к основным задачам Института, а также ведет работу над документацией о современном развитии социалистических стран. На основе этой документации отдел намеревается выпускать посвященные социалистическим странам ежегодники, содержащие документы и информацию о развитии этих стран.

В течение первого года деятельности Института истории европейских социалистических стран ЧСАН были завершены две коллективные работы, а именно — первый том «Очерков истории чешско-русских и чехословацко-советских отношений» (с конца XVIII века до 1917 года) и второй том работы «Чехи и поляки в прошлом» (от конца XVIII в. до 1945 года). Одновременно был издан второй том «Истории Советского Союза и чехословацко-советских отношений в документах».

В прошлом году вышли книги д-ра В. Крапа (директора Института) «Немцы в Чехословакии 1933—1947 гг.» и «Преступления против Европы». В том же году вышла книга В. Моулизе «Европа под тенью Гитлера» и работа Л. Гавлика «Великая Моравия и славяне Центральной Европы». Руководство Института считает, что написание монографий — необходимая составная часть работы коллектива. Одновременно с этим готовятся дальнейшие коллективные работы, часть которых будет сдана в печать уже в будущем году.

Начиная с 1964 года Институт издает журнал «Словански преглед», который в настоящее время носит научно-популярный характер. Журнал привлекает зарубежных авторов, преимущественно социалистических стран. Сотрудники Института, как уже было указано, осуществляют издание международного «Бизантиниславика» и продолжают издание периодического сборника «Словацка историцке студије». Институт установил тесные контакты с институтами других социалистических стран, особенно по вопросам обмена информацией, литературой и сотрудничеству в области исследования и издания материалов.

Зденек Сладке

КОНГРЕССЫ ЮГОСЛАВСКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

Ежегодные национальные конгрессы фольклористов — примечательное явление в современной общественно-культурной жизни социалистической Югославии. Их организует Союз фольклористов Югославии, созданный около десяти лет назад¹. Он объединяет представителей многих научных и культурно-просветительных учреждений и организаций, высших и средних учебных заведений. Среди членов Союза и участников конгрессов — сотрудники научно-исследовательских институтов, работники музеев, профессора и ассистенты университетов,

преподаватели школ, композиторы, хореографы, писатели, журналисты, сотрудники радио и телевидения и даже священники. Разнообразный профессиональный состав Союза объясняется несколькими причинами. Традиционная народная художественная культура в современной Югославии отличается богатством и многогранностью, она привлекает к себе внимание общественности и специалистов в разных областях культуры и искусства. Учреждения различных профилей, представители научных дисциплин и многих общественных организаций в различных масштабах и формах занимаются вопросами собрания, хранения, изучения, популяризации фольклора, и Союз призван объединить эти разрозненные силы, внести в пеструю и сложную фольклористическую деятельность известное единство и целеустремленность. Самое понимание предмета фольклора и задач фольклористики в Югославии несколько иное, более широкое, чем, например, у нас, что отражается и в структуре Союза и в содержании его работы.

¹ Первоначально на конференции в Пуле (25—26 августа 1962 г.) было основано Объединение музыковедов-фольклористов Югославии (Udruženje muzičkih folklorista Jugoslavije), преобразованное в Союз объединений фольклористов Югославии (Savez udruženja folklorista Jugoslavije) на втором конгрессе в июле 1955 г. в Белашнице, где был принят устав (Pravila) Союза. Первым председателем его был избран Цветко Рихтман; затем на эту должность избирались другие видные деятели фольклористики: Зоран Палчок, Миодраг Василевич, Франьо Баш, Кирил Пенушлиски, Душан Неделькович, Йован Вукович, Валент Водушек.

Союз объединяет республиканские общества фольклористов Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, Македонии, Черногории. Правила предусматривают равное представительство

республиканских обществ в руководстве, выборность и регулярную смену председателя Исполнительного комитета Союза. С 1962 г. журнал «Народно стваралаштво. Folklor» с периодичностью четыре номера в год².

С 1952 по 1964 г. состоялось одиннадцать конгрессов. Всякий раз они проводились на новом месте, поочередно в одной из республик. Пула (Словения), Белешница (Босния), Цетинье, Титоград и Ловчен (Черногория), Вараждин (Хорватия), Заечар, Неготин, Титово Ужице (Сербия), Блед (Словения), Охрид (Македония), Мостар и Требиње (Герцеговина), Нови Винодолски (Хорватия) — такова основная география конгрессов. Иногда выбор очередного места подсказывается юбилейной датой: конгресс 1963 г. в Цетинье был приурочен к торжествам по случаю 150-летия со дня рождения Негоша; последний конгресс в Новом Винодолском собрался в связи с 150-летием со дня рождения Ивана Мажураича. Во всех случаях, однако, выбирается город и район с яркими этнографическими, фольклорными и историко-культурными особенностями.

С каждым годом растет число участников конгрессов, становится традицией присутствие на них (и выступление с докладами) ученых из других стран. Только за последние годы на конгрессах побывали фольклористы Австрии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Голландии, Дании, Италии, Польши, Румынии, СССР, США, ФРГ, Чехословакии. Заметно расширяется программа и увеличивается число выступлений на заседания докладов.

О характере конгрессов, их организации, научной программе и о конкретных научных результатах (а в известной мере — и о деятельности Союза фольклористов в период между конгрессами) можно судить в первую очередь на основании издающихся «Трудов». Каждый выпуск содержит общий отчет о прошедшем конгрессе, информацию о текущей работе Исполнительного комитета, о годичном собрании членов Союза, списки делегатов и иностранных гостей, а главное — все доклады (они печатаются либо полностью, либо в кратком изложении с резюме на одном из иностранных языков — английском, немецком, русском или французском) и итоги обсуждения.

В «Трудах» обычно много иллюстраций, представляющих научный интерес (этнографические материалы, воспроизведение фигур народных танцев, портреты народных певцов и т. д.). Уже вышло восемь таких сборников, содержащих материалы девяти (до 1962 г. включитель-

но) конгрессов³. В этих сборниках (а следовательно, и в программах конгрессов) наглядно отражены существенные процессы, происходящие в югославской фольклористике, ее характерные тенденции, методологические поиски, успехи, недостатки и спорные моменты, передан пульс фольклористической жизни в стране.

Заметен безусловный и значительный рост научной активности ученых, входящих в Союз, неуклонное расширение его творческого влияния и плодотворное стремление организовать исследовательскую работу, направить коллективные усилия фольклористов в русло больших и последовательно разрабатываемых проблем. Программы конгрессов становятся все более продуманными и целенаправленными, предусматривают разработку действительно актуальных проблем. Каждый конгресс стремится решить определенный комплекс научных задач.

В программу обязательно включается цикл докладов по этнографии и фольклору того края, в котором происходит конгресс. Это усиливает общественный резонанс конгрессов, привлекает к ним внимание местного населения, способствует оживлению местной этнографической и фольклористической работы. Доклады по истории и экономике края, о жилище, одежде, обычаях, основных чертах народного искусства составляют в каждом сборнике небольшие фольклорно-этнографические монографии, в которых сжато подведены итоги изучения края и даются ценные материалы по многим вопросам.

Участники конгрессов имеют возможность непосредственно наблюдать быт, знакомиться с памятниками истории и культуры и главное — с самобытной жи-

³ Rad Kongresa folklorista Jugoslavije na Bjelašnici 1955 i na Puli 1952. Uredio Vinko Zganec. Zagreb, 1958; Treћи Kongress folklorista Jugoslavije, držan od 1—9. IX 1956 g. u Црној Гори. Urednik M. C. Laleviћ. Цетинье, 1958; Rad Kongresa folklorista Jugoslavije u Varaždinu 1957. Uredio Vinko Zganec. Zagreb, 1959; Rad Kongresa folklorista Jugoslavije u Zajčaru i Negotinu 1958. Urednik M. C. Laleviћ. Beograd, 1960; Rad Kongresa folklorista Jugoslavije. VI — Bled 1959. Uredila Zmaga Kumer. Ljubljana, 1960; Rad VII-og Kongresa Saveza folklorista Jugoslavije u Oхриду 1960 године. Редакциони одбор: Јован Вуковић, Винко Жганец, Душан Недельковић, Кирил Пенушлиски. Охрид, 1964; Rad VIII-og Kongresa Saveza folklorista Jugoslavije u Титовом Ужицу 1961. Главни уредник Душан Недельковић. Beograd, 1961; Rad IX-og Kongresa Saveza folklorista Jugoslavije u Мостару и Требињу 1962. Главни уредник Уован Вуковић. Сарајево, 1963.

² Обзор номеров за 1962—1963 гг. см.: В. Г у с е в. Издание югославских фольклористов. — «Вопросы литературы», 1964, № 2.

вой художественной традицией: с некоторых пор неперменной частью программы конгрессов стали смотры народного творчества данного края, выступления хоровых и танцевальных групп и отдельных мастеров фольклора. К сожалению, эта сторона конгрессов отражается в сборниках лишь в малой степени.

В современной фольклористике Югославии, в первую очередь в деятельности Союза, весьма отчетливо проявляется тенденция объединения результатов исследований фольклористов и этнографов. Еще более определенно дает себя знать и другой методологический принцип — рассматривать и изучать фольклор в совокупности всех его многообразных художественных форм: поэзии, музыки, хореографии, игр, драматических видов и др.

Опыт югославских фольклористов в этой области заслуживает самого пристального внимания и критического осмысления⁴. Многообразие фольклорных форм требует, конечно, научной специализации и выработки специфической научной методики для изучения каждой из этих форм. Однако очень важно, чтобы между представителями отдельных дисциплин был настоящий контакт, чтобы проводился систематический обмен научным опытом и результатами исследований, чтобы комплексные явления и принципиальные проблемы изучались и разрабатывались фольклористами — филологами, музыковедами, хореографами — именно в комплексе, совместно. В этом смысле югославские конгрессы дают много поучительного. На них, как правило, бывает представлена сильная и многочисленная группа музыковедов и хореографов. Музыковедческая и хореографическая тематика занимает в программах значительное место.

В центре внимания последних конгрессов находилось устно-поэтическое творчество, или, как по традиции называют его в Югославии, «народна књижевност» — героический эпос, сказка, баллада, песня.

Доклады, прочитанные на одиннадцати конгрессах, могут быть сгруппированы по следующим основным разделам: теория фольклора и методология фольклористики, современное народное творчество, фольклорное наследие.

Югославские фольклористы в последнее время много внимания уделили разработке проблем социально-исторической обусловленности народного творчества. Эти проблемы были центральными на VII и IX конгрессах.

⁴ В среде самих югославских ученых продолжают споры об объеме понятия «фольклор» и о границах между фольклористикой и этнографией. Этому, в частности, была посвящена дискуссия на IV конгрессе.

З. Палчок в докладе «Некоторые вопросы народного искусства в свете законов общественного развития» подчеркнул, что характер и развитие фольклора определяются многочисленными объективными факторами и прежде всего материальными условиями жизни народа; но вместе с тем фольклор обладает и относительной самостоятельностью, поскольку существует и развивается в иных исторических условиях, нежели те, которые определили его специфику. Возникнув в классовом обществе, фольклор отражает отношение человека к природе и непосредственно связан с процессом производства. В классовом обществе эта связь относительна, но народное искусство остается творчеством производителей материальных ценностей.

С несколько иной стороны эту же проблему осветил Т. Чубелич в докладе «Как общественное развитие наших народов отразилось в народной литературе». Автор отметил, что хотя корни фольклора уходят в глубокую древность, его дальнейшая судьба определяется сочетанием общих закономерностей и местных этнических особенностей исторического развития отдельных народов. Вместе с тем процесс исторического развития поразному отразился в разных видах народного искусства — лирике, эпосе и драме. К сожалению, Чубелич обошел вопрос, поставленный в начале доклада: живет ли фольклор в культурной жизни современной эпохи?

На этот вопрос определенно отвечают другие фольклористы. Палчок считает, что фольклор — это не только архаика, но и продолжающее развиваться народное искусство и что социалистическая культура включает в себя и фольклорное наследие. Н. Мартинович в докладе «Фольклор и современная наука» решительно возразил против представления о фольклоре как о пережиточной форме культуры. «Фольклор, — заявил докладчик, — это огромная сокровищница... широких народных слоев современного общества, заинтересованных в строительстве социализма... Фольклор укрепляет базу национальной культуры и питает профессиональное творчество и в современных условиях».

Д. Неделькович в докладе «О некоторых эстетических закономерностях развития современного народного творчества», опираясь на известные высказывания К. Маркса об античной мифологии и эпосе, попытался объяснить причины возрождения и актуальности фольклора в годы освободительной борьбы и в период социалистического строительства в Югославии. Ссылка на сложный, диалектический характер развития фольклора убедительна, но спорным представляется несколько прямолинейное перенесение на современный фольклор тезиса Маркса о стремлении человечества вос-

произвести на высшей ступени общественного развития свое «детство» и «истинную природную сущность». Широкий размах народного творчества в условиях антифашистской борьбы вызван, думается, прежде всего подъемом национального и революционного сознания масс.

Вообще надо заметить, что при всей значительности проблем, поднятых на VII конгрессе, доклады оставляют некоторую неудовлетворенность вследствие их излишней отвлеченности. Этот недостаток, видимо, почувствовали сами югославские коллеги, поскольку та же проблема стала предметом конкретного анализа на IX конгрессе. Здесь только один доклад носил общетеоретический характер — «Народная музыка как общественное явление» Стояна Джуджева. Социальную природу фольклора известный болгарский теоретик видит в коллективности творчества, в народности, в связи фольклора с трудовой производственной деятельностью и в его коммуникативной функции. Значительно юже социальную сущность фольклора объясняет М. Сертич в докладе «Общественный характер и содержание народной поэзии». Она имеет в виду связь фольклора с народными обычаями, обрядами, трудом. М. Сертич склонна связывать фольклор лишь с очень древними общественными институтами, а причину устойчивости народной поэзии в наши дни видит лишь в живучести исконных, древних обычаев.

По-иному подходит к решению проблемы Д. Неделькович в докладе «Общественно-историческая обусловленность и закономерность новшества в герцеговинском народном пении современной эпохи». На обильном локальном материале Неделькович доказывает, что возрождение фольклора и изменения в нем обусловлены переменами в общественно-исторических условиях жизни народов Югославии после победы революции, в период социалистического строительства. Обращение к конкретному материалу позволяет автору выдвинуть тезис о том, что общие закономерности развития фольклора в новых исторических условиях преломляются в каждой этнической среде по-своему, а это способствует возникновению специфических черт в новом фольклоре разных народов. Менее убедительна попытка докладчика перенести известный тезис Маркса о возможном расцвете искусства при сравнительно низком уровне общественного развития на характеристику фольклорного процесса в переходную эпоху от капитализма к социализму.

Идеи Д. Недельковича на современном материале развивают М. Радованович в докладе «Общественно-исторический характер герцеговинского народного пения периода парадно-освободительной борьбы» и Д. Антониевич в докладе «Общественный характер герцеговинской народ-

ной песни о строительстве социализма». Д. Антониевич, в частности, показывает, что новые общественные условия дали народному творчеству новые темы, но форма новой народной поэзии зависит от других факторов — этнических, психологических, местной фольклорной традиции; поэтому песни о строительстве социализма приобретают свои специфические черты.

Проблема социальной обусловленности и общественного содержания фольклора освещена на конкретном материале и в ряде других докладов: М. Бошковиц-Стулли («Песня о сильном пастухе»), Ц. Романской («Народные пословицы на социальную тематику»), М. Кираль («Влияние общественного развития на цыган по народным цыганским песням») и др.

Значительное место в работе конгрессов занимает проблема современного фольклора. Для югославской фольклористики характерен глубокий интерес к отражению в народном творчестве антифашистской борьбы и социалистического строительства в стране.

Впервые большая исследовательская работа в этом направлении была подготовлена на VI конгрессе. Принципиальные вопросы изучения новых явлений в фольклоре были поставлены в докладе Д. Недельковича «Народное творчество в период народной революции, освободительной борьбы и строительства социализма в Югославии». Проблемы соотношения традиции и новаторства, коллективного и индивидуального творчества, формы и содержания новых произведений освещались в докладах М. Бошковиц-Стулли, П. Влаховича, Т. Чубелича. Роли старой революционной поэзии в формировании нового фольклора был посвящен доклад Н. Мартиновича. О значении фольклора в антифашистской борьбе рассказал Ж. Младенович. Многие докладчики охарактеризовали новые песни в некоторых районах страны — в Восточной Сербии (В. Хиршл), на Козаре (Д. Николич), в Македонии (Ж. Фирфов), Воеводине (С. Вукосавлев), Боснии и Герцеговине (З. Кучукалич), в Словакии (Р. Хрватин), а также участие в создании нового фольклора национальных меньшинств Югославии — албанцев (Ш. Плана, М. Краснич), венгров, словаков, русин и румын (М. и Е. Кирали). Внимание фольклористов привлекли и получившие новое развитие в условиях освободительной борьбы разные виды коллективных партизанских плясок; интересные доклады о новых «коло» и «оро» сделали Е. Допуджа и О. Младенович.

Особенно весомо тема антифашистского фольклора прозвучала на VIII конгрессе, посвященном двадцатилетию всепартийного восстания против оккупантов. Ценные свидетельства о важной роли народной песни в освободительной войне содержал

доклад генерала в отставке С. Оровича. В докладе Н. Мартиновича охарактеризовано состояние народного творчества в Черногории (появление новых произведений). На местном материале были построены также доклады Дж. Петровича («Путь песни Краинской четы»), М. Кираль («Народные певцы Срема о событиях второй мировой войны»), Д. Джорджевича («Герои народного восстания в партизанских песнях Лесковацкого края»), А. Назора («Как развивалась революционная песня подле Мосора — Далмация»), В. Хаджимапова («Процесс возникновения македонского мелоса в народно-освободительной борьбе»), М. Хаджи-Пецович («Отражение фашистских злодеяний в македонских народных песнях»). Другие докладчики, напротив, стремились раскрыть некоторые общие особенности антифашистского фольклора Югославии. О песнях — призывах к восстанию рассказал Д. Антониевич, о народном музыкальном творчестве и годы освободительной борьбы — Д. Девич, о новой народной эпике — М. Краснич, о партизанских анекдотах — Н. Кнежевич, о художественной самодеятельности партизан — Ж. Младенович, о влиянии антифашистского фольклора на творчество композиторов социалистической Югославии — Р. Пейович. Проблему художественной ценности партизанских народных песен рассмотрел М. Шкрбич. Библиографию фольклора периода освободительной борьбы опубликовала Е. Церкович.

Процессы и явления в народном творчестве периода социалистического строительства были темами специальных докладов на нескольких конгрессах. О народных песнях первой пятилетки рассказала на VI конгрессе Д. Никольич. Расцвету художественной самодеятельности, выступлениям фольклорных ансамблей и групп был посвящен доклад Д. Недельковича на VIII конгрессе («Фольклор, социализм и мир»), о вкладе нового фольклора в строительство социалистической культуры рассказал на том же конгрессе С. Тохоль. На материале герцеговинских песен о социалистическом строительстве был основан упоминавшийся уже доклад Д. Антошевича на IX конгрессе. Там же Д. Девич рассмотрел судьбу авторских песен в массах. О критериях фольклорности и терминологии, относящейся к новым народным песням, интересно говорил на том же конгрессе А. Назор. Современными народными песнями докладчик предложил называть массовые песни, возникшие в период национального и социального освобождения Югославии, основными признаками которых являются «популярность, жизнь в массах, появление вариантов, причем совершенно не важен факт, известен ли нам их автор или нет и знаком ли нам их мелодия».

Разнообразием и актуальностью тематики отличается постоянный раздел программы конгрессов — «По следам старого фольклорного наследия». Основное место занимают здесь вопросы теории и истории жанров классического фольклора, особенно героического эпоса, баллады, обрядовой поэзии, лирических песен, сказок, народного театра, детского фольклора. Докладчики широко используют неопубликованные записи местного фольклора, архивные материалы. Местные традиции, связи фольклора с окружающей действительностью, с бытом постоянно интересуют авторов докладов. Нередко доклады касаются спорных вопросов истории фольклора. Так, на V конгрессе были обсуждены вопросы о пародной балладе — о ее жанровой сущности и историческом развитии (М. Бошкович-Стулли, О. Делорко, Э. Кумер, Т. Чубелич). В частности, важные соображения о характере сербско-хорватских баллад сравнительно с балладами других народов содержал доклад Т. Чубелича «Баллада в народной словесности». Проблемам возникновения и развития эпических песен Косовского цикла были посвящены доклады Б. Костица и Т. Джукича. В ряде докладов (особенно на VI конгрессе) обсуждались проблемы сравнительно-исторического изучения фольклора и рассматривались исторические связи фольклора Югославии с поэтическим творчеством других, преимущественно балканских народов: М. Ибровац — о родстве сербской и новогреческой народной поэзии; В. Палавестра — о значении сравнительного исследования сказок для изучения этнических отношений; М. Бошкович-Стулли — об изучении фольклора пограничных и этнически смешанных территорий и др.

Заметен интерес участников конгрессов к проблемам методического и источниковедческого характера (собрание фольклора, характеристика старых рукописных и печатных сборников, оценка деятельности отдельных собирателей и т. д.).

На VIII конгрессе цикл докладов был посвящен важной, но недостаточно освещенной (и не только в фольклористике Югославии) теме — «Труд в народном творчестве». В. Жганец рассказал о старинных обрядах и песнях, связанных с крестьянским трудом, и поставил вопрос о возможности возникновения новых трудовых песен в условиях «индустриализации села». В других докладах (П. Влахович, А. Баш, Д. Никольич, Е. Допуджа, М. Обрадович) говорилось об отражении трудовых процессов и трудовых навыков в различных видах народного творчества — в том числе в живописи, в играх и танцах. Принципиальные вопросы о том, в каких формах и границах труд может оказывать свое воздействие на народное творчество, и о мето-

дах изучения народных песен и игр в связи с трудом были поставлены в докладе Р. Хроватина. Были прочитаны также доклады по вопросам поэтики фольклора (о структуре народного стиха Й. Вуковича).

Даже этот неполный обзор позволяет представить внушительные научные результаты конгрессов, их вклад в разработку методологических, общетеоретических и конкретных проблем югославской фольклористики. Разумеется, программы конгрессов не свободны от недостатков, отражающих в известной мере общее состояние науки, а частью объясняющихся причинами организационного порядка. Декларативность или чрезмерная эмпиричность отдельных докладов, отсутствие или слабое отражение в программах некоторых важных тем, недостаточная последовательность в разработке отдельных разделов науки, — все это недочеты, которые постепенно преодолеваются и которые не могут ослабить общего положительного впечатления от материалов конгрессов.

Авторы настоящего обзора имели возможность непосредственно познакомиться с работой XI конгресса, который состоялся в сентябре 1964 г. В его программе центральное место заняла историографическая тематика — доклады, посвященные фольклористическому наследию Вука Караджича (в связи со 100-летием со дня его смерти) и деятельности братьев Мажураничей, особенно творчеству поэта Ивана Мажуранича (в связи со 150-летием со дня рождения). Пафос докладов Д. Недельковича, М. Радованович, М. Бошкович-Стулли, С. Зечевича, Г. Добрашиновича, Х. Поленаковича, Л. Понке, В. Апича и др. (всего выступили около 30 человек) был в стремлении выявить огромное значение двух великих представителей южнославянской культуры для современности.

Знаменательно, что на последнем конгрессе рассматривалась проблема «Эстетика народного творчества и современное искусство» и что в ее обсуждении приняли участие не только фольклористы Югославии (Д. Неделькович, П. Бингулац, Д. Аптошевич), но и зарубежные гости. В разделе «По следам старого фольклорного наследия» на этот раз преобладали доклады о погребальных обычаях и по-

хоронных причитаниях («стужбалицах»). И в этих докладах проявились сильные качества современной югославской фольклористики — широкое и точное знание местного материала, своеобразие живых традиций, как они сохраняются в различных районах страны.

Зарубежные фольклористические учреждения были представлены на конгрессе учеными Болгарии, Венгрии, ГДР, Дании, СССР, ФРГ, Чехословакии. Доклады иностранных ученых в основном строились на материале фольклора народов Югославии. Факт этот показывает, что конгрессы, ежегодно собираемые Союзом фольклористов, не только получают международный резонанс, но и начинают оказывать творческое воздействие на изучение южнославянского фольклора за пределами самой Югославии.

Органической частью программы конгресса явился смотр фольклора Хорватского приморья и островов. Смотри показал, что какими бы вопросами прошлого и настоящего ни занималась фольклористика, одно из условий ее плодотворной работы — тесная связь с живыми традициями и процессами народного искусства. Югославские ученые в большинстве своем это хорошо осознают.

Для советских фольклористов участие в XI конгрессе было чрезвычайно полезным и интересным. Мы имели возможность воочию убедиться в значительности той роли, которую играют конгрессы в фольклористической жизни Югославии последнего десятилетия. Пребывание в Югославии было полезным и в плане расширения научных контактов с югославскими фольклористами, знакомства с деятельностью фольклористических учреждений, обмена информацией по насущным проблемам науки. Работа конгресса проходила в атмосфере дружбы, товарищеского понимания, деловитости. Югославские товарищи сделали все, чтобы пребывание в Виподелеком было полезным и приятным для всех участников конгресса.

Пусть наш отчет будет отчасти и скромной данью нашей искренней признательности организаторам и участникам конгресса и хозяевам края, в котором он проходил.

В. Е. Гусев, Б. Н. Путилов

CONTENTS

B. N. Topornin. The main trends of development of the ČSSR National Assembly after the adoption of the 1960 Constitution 3
V. I. Freidzon. Bourgeois national-radicals and the friends of the Paris Commune in Croatia. *S. A. Sherlainova.* About the discussions of the conception of revolutionary art in the Czech literature of the 20-ies. *S. B. Bernstein.* On some problems in the theory of alternations 3

COMMUNICATIONS

Vitomir Vuletić (Jugoslavia). Czernyshevskij on the Serbian folk poetry. *L. V. Gorina.* On the authenticity of the Virginian diploma 53

BIBLIOGRAPHY

Book-reviews and annotations

R. P. Grishina. Трајчо Костов. Избрани статии, доклади, речн. *S. A. Nikitin.* Ju. V. Bromley. The emergence of feudalism in Croatia. *Z. M. Chernilovskij.* V. D. Koroliuk. Western Slavs and the Kievan Rus. *E. S. Shabliovskij.* V. A. Dyakov. T. Shevchenko and his polish friends. *M. I. Ermakova.* *L. E. Kalnin.* Siegfried Michalk. Der obersorbische Dialekt von Neustadt. *I. Svirida.* A sociological study of several painters 69

Notes

M. Kopasheva. Jan Křen. Do emigrace. Buržoazní zahraniční odboj 1938—1939. *A. Mylnikov.* M. Kudělka. Spor Gelasia Dobnera o Hájkovu kroniku. *V. Khorev.* Jerzy Ziomek. Kazimiers Brandys. *Ju. V. Bogdanov.* Nora Krausová. Epika a román. *L. Ryabova.* D. Pirjavec. Ivan Cankar in evropska literatura. *J. K. Karel Krejčí.* Heroikomika v bósniectvi slovanů. *T. P. Agapkina.* «Cyganeria i polityka. Wspomnienia krakowskie 1918—1919». *V. Vinogradov.* A myth in service of revanche 84
 Bibliography of the main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slavic peoples published in Soviet periodicals 1965 (continuation). The contents of foreign periodicals 92

SCIENTIFIC LIFE

V. P. Gudkov. The Chair of Slavic philology of the Moscow University. *V. N. Malov.* Slavistic studies in the Department of the Mediaeval History at the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR 101

At the Institute of Slavonic Studies of the Academy of Sciences of the USSR

M. K. The Session of the Scientific Council to mark the 20 anniversary of the liberation of Czechoslovakia. *R. P. Grishina.* *G. P. Murashko.* *I. S. Dostyan.* *D. M. Segal.* The defence of dissertation theses. Chronicle 104

Scientific life abroad

Zdeněk Sládek (Czechoslovakia). The Institute of the History of the European Socialist Countries the Czechoslovak Academy of Sciences. *V. E. Gusev.* *B. N. Putilov.* The congresses of Yugoslav folklorists 109

Адрес редакции
 Москва Г-69, Трубниковский пер. 30а,
 тел. Б 1-27-40

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Т-11038	Подписано к печати 7/VIII 1965 г.	Тираж 1000 экз.	Зак. 2672
Формат бумаги 70×108 ² / ₁₆	Печ. л. 10,15	Бум. л. 3 ¹ / ₈	Уч.-изд. листов 12,1

**ЖУРНАЛЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
на 1966 год**

Журналы по общественным наукам

Название журнала	К-во номеров в год	Подписная цена (годовая)
Азия и Африка сегодня*	12	3 р. 60 к.
Вестник древней истории	4	9 р. 60 к.
История СССР	6	7 р. 20 к.
Народы Азии и Африки. История, экономика и культура	6	9 р. 60 к.
Новая и новейшая история	6	6 руб.
Советская археология	4	10 руб.
Советское славяноведение	6	6 руб.
Советская этнография	6	10 р. 80 к.
Советское государство и право	12	8 р. 40 к.
Экономика и математические методы	6	7 р. 50 к.
Вопросы языкознания	6	7 р. 20 к.
Известия Академии наук СССР, Серия литературы и языка	6	5 р. 40 к.
Русская литература	4	4 руб.

* Выпускает Главная редакция восточной литературы.

Подробные сведения о журналах издательства «Наука» и условиях подписки на них публикуются в каталогах «Академкниги» и «Союзпечати».

Время открытия подписки будет объявлено в газетах и по радио

«АКАДЕМКНИГА»